

Дэвид ДРЮ

МАЙЯ

Загадки великой цивилизации

Прежнее представление о тихом, спокойном обществе сменилось совершенно иной картиной. Оказалось, что города-государства враждовали и воевали друг с другом, а сами правители и жрецы являлись приверженцами религии, основанной на массовом кровопускании и жертвоприношении людей.

Дэвид Дрю

I тыс. до н.э. — 1697 г. н.э.

МАЙЯ
Загадки великой цивилизации

Д. ДРЮ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

РУСИЧ

РУСИЧ

Дэвид ДРЮ

МАЙЯ

Загадки великой цивилизации

Прежнее представление о тихом, спокойном обществе сменилось совершенно иной картиной. Оказалось, что города-государства враждовали и воевали друг с другом, а сами правители и жрецы являлись приверженцами религии, основанной на массовом кровопускании и жертвоприношении людей.

Дэвид Дрю

1 тыс. до н.э. — 1697 г. н.э.

РУСИЧ

УДК 930.9
ББК 63.3 (0)
Д 78

Серия основана в 2010 году

Публикуется впервые с разрешения автора
и его литературного агента. Любые другие публикации
настоящего произведения являются противоправными
и преследуются по закону.

Перевод с английского *P. P. Муфтахова*

Дрю Д.

Д 78 МАЙЯ. ЗАГАДКИ ВЕЛИКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ / Пер.
с англ. Муфтахова Р. Р. – Смоленск: Русич, 2012. – 416 с. –
(Историческая библиотека).

ISBN 978-0-75380-989-3 (англ.)

ISBN 978-5-8138-1031-2 (рус.)

Майя – великие астрономы, математики, архитекторы и... предсказатели? В настоящее время известна вся хронология зарождения, развития и заката цивилизации майя с точностью до года. Но какое послание для нас, ныне живущих, зашифровано в последней дате их календаря – 13 августа 2012 года? Мир замер в ожидании.

УДК 930.9
ББК 63.3 (0)

ISBN 978-0-75380-989-3 (англ.)
ISBN 978-5-8138-1031-2 (рус.)

© David Drew, 1999
© Перевод, оформление серии.
«Русич», 2012

Введение

Мы сидели на самом краю стены и тщетно пытались проникнуть в окружавшую нас тайну. Кто же выстроил этот прекрасный город? Какими были эти люди? Прогуливаясь по древним руинам Египта и даже позабытой всеми Петры, любой из нас представляет себе, по крайней мере, величие народов, оставивших после себя эти следы цивилизаций.

Америка, по утверждению некоторых историков, была заселена дикарями; но дикари никогда не возвели бы столь величественных строений, варвары никогда не смогли бы превратить каменные глыбы в произведение искусства. Мы спрашивали у индейцев: чьи же это творения? «Quien sabe... – равнодушно отвечали они. – Кто его знает...»

Джон Ллойд Стефенс, 1841 г.

«Потерянная цивилизация», «таинственные майя» – именно эти два устоявшихся выражения чаще всего используют для описания самого блестящего и развитого общества доколумбовой Аме-

рики, общества, задолго до Рождества Христова построившего свои первые города на обширной территории, вмещающей в себя современные Гватемалу, Белиз, Гондурас, часть Мексики и Сальвадора.

Величайшие достижения майя – дворцы, храмы и огромные каменные пирамиды – словно спрятались в густых центральноамериканских джунглях на тысячу лет и были «открыты» исследователями и археологами каких-нибудь две-три сотни лет назад. Первые бесстрашные исследователи, продиравшиеся сквозь густые заросли на своих верных мулах от одного затерянного города к другому, столкнулись с величайшей тайной. Каким образом здесь, среди негостеприимного, враждебного окружения, могло появиться высокоорганизованное общество? Кто были создатели всех этих артефактов; они жили в этих местах изначально или откуда-то пришли? Сколько лет сохранившимся до сих пор руинам и что означают высеченные на каменных глыбах рисунки? Если это изображения людей, то кого именно – жрецов, царей, героев, а быть может, богов? Кроме того, почему в эпоху испанского завоевания этих территорий в XVI веке знания о таинственных обитателях древних городов оказались утеряны?

Несмотря на все усилия и успехи в изучении древних майя в XX веке, зарождение их цивилизации, развитие и гибель до сих пор окутаны тайной.

Начиная с 40-х годов XIX века, с момента опубликования трудов великого американского исследователя Джона Ллойда Стефенса (который, соб-

ственно, впервые и рассказал миру о существовании цивилизации майя), самой большой загадкой, этаким «крепким орешком», считалась письменность этого древнего народа – единственная во всей доколумбовой Америке. Загадочные и красивые письма майя, похожие на инопланетные послания, состоят из «глифов» – рельефно вырезанных фигур и знаков, объединенных в определенные сочетания. Они вырезаны на камне и других материалах, ими расписана глиняная посуда; мы встречаем их повсюду: на стенах строений, на каменных идолах и, конечно же, в кодексах – некоем подобии книг, страницы которых сделаны из луба фидуки.

Сохранились тысячи всевозможных надписей, и такие люди, как Стефенс, понимали, что их расшифровка позволит ответить на большинство вопросов, волновавших ученых. На языке (а точнее, на производных языках) майя говорят до сих пор, однако искусство иероглифики было утрачено сразу же после испанского завоевания. Это, в частности, объясняет, почему расшифровка надписей велась так медленно (и мучительно). В начале XX столетия осуществилось несколько многообещающих прорывов: ученые, например, смогли понять, как майя обозначали числа. Более того, удалось выяснить, что календарная система древнего народа необычайно сложна, а календарь прекрасно соотносится с календарем наших современников. Все это лишь усиливает впечатление о необычности культуры майя.

В то же время было установлено, что основные памятники культуры майя сооружены в период с

300 по 900 г. н. э. Именно тогда, когда Европа погрузилась во мрак Раннего Средневековья, культура майя – в так называемый классический период – достигла наивысших успехов. Однако расшифровка древних текстов продвигалась настолько медленно (если не затормозилась окончательно), что в 1950-х гг. ученые пришли к неутешительному выводу: древние письма майя прочитать невозможно. Впрочем, это относилось не только к языку майя, но и к языку этрусков и к письменности хараппской культуры, зародившейся в долине реки Инд.

И все же в последние десятилетия XX века ученые, специализирующиеся на культуре майя, достигли поразительных результатов: письменность этого народа удалось расшифровать окончательно, и теперь мы можем прочитать все, что вырезано на стенах храмов, на лестницах, ведущих к вершинам пирамид, или на стелах, установленных посреди площадей майяских городов. Мы можем, наконец, прочитать хроники царей майя. Сбросив таинственную пелену молчания, камни заговорили, а вместе с ними обрели свою плоть и свои мысли вожди майя. Они предстали перед нами как простые смертные, со своими радостями, надеждами и неудачами. Теперь мы знаем почти все о них самих, их семьях и их достижениях, и самое главное – нам известно точное время, когда произошло то или иное событие. Историк Майкл Коу назвал дешифровку письменности майя одним из «величайших интеллектуальных приключений наряду с освоением космоса и открытием структуры молекулы ДНК». Он сравнивает историческое

значение прочтения текстов майя с дешифровкой древнеегипетских иероглифов.

Открытия последних лет вызвали настоящую революцию в восприятии культуры майя, их государственной истории и общественного уклада. В итоге потребовалось переосмыслить все, что мы узнали до этих великих открытий, – от фонетики языка майя до художественного символизма их литературы. Предстояло также по-новому взглянуть на роль и место не только вождей майя – так сказать «императорского двора», но и окружавшей их знати («аристократии»). Прежнее романтизированное представление о тихом, спокойном обществе, возглавляемом просвещенными правителями, состоящем из художников, жрецов и крестьян, которые жили друг с другом и со своим временем в мире и согласии, сменилось совершенно иной картиной – более живой, непредсказуемой и жестокой. Оказалось, что города-государства, возглавляемые воинственными династиями, враждовали и воевали друг с другом, а сами правители и жрецы являлись приверженцами религии, основанной на массовом кровопускании и жертвоприношении людей. Редко бывает, когда вот так радикально меняется сложившееся за десятилетие представление о целой цивилизации.

Но какими бы революционными ни оказались успехи лингвистов-дешифраторов, наши представления о древней культуре изменились не только благодаря их мастерству и интеллекту. Свое слово сказали и археологи, заставившие заговорить немые свидетельства цивилизации майя, дошедшие до наших дней. О чем идет речь? Раньше внима-

ние ученых было сконцентрировано на великих произведениях искусства майя, их письменах и архитектурных шедеврах. Сегодня же, вооруженные новейшими приборами, современными методами датировки и здоровыми амбициями, исследователи занялись и другими артефактами и предметами – например, топорами, глиняными черепками, образцами пыльцы выращиваемых растений и многим другим. Результат не заставил себя ждать. В настоящее время нам известна вся хронология зарождения, развития и заката цивилизации майя буквально с точностью до года. Мы можем реконструировать множество событий, отдельных деталей, счастливых или, наоборот, гибельных эпизодов из истории этого таинственного народа.

Земли майя занимают довольно обширное пространство площадью 325 тысяч квадратных километров и включают в себя полностью полуостров Юкатан, большую часть современных мексиканских штатов Чьяпас и Табаско, всю Гватемалу и Белиз, а также самые крайние западные районы Гондураса и Сальвадора. Вся эта территория весьма разнообразна по своим ландшафтным и природным условиям: начинаясь с дождливого тихоокеанского побережья и покрытого вулканами высокогорья Гватемалы, ареал расселения древних майя охватывает влажные тропические леса Южного Юкатана и заканчивается на северной оконечности полуострова Юкатан – плоской равнине, поросшей чахлым мелколесьем и кустарником.

Северный Юкатан обделен водными ресурса-

Регион расселения майя

ми: там почти нет рек, и вся пресная вода сосредоточена, в основном, в подземных карстовых пустотах, где она скапливается в виде линз и озер и в некоторых местах выходит на поверхность.

Первые люди пришли сюда не позднее, чем за 10 тысяч лет до н. э., в самом конце ледникового периода. Это были первобытные охотники и собиратели, потомки тех, кто когда-то пересек Берингов пролив на пути из Азии в Америку. За 6000–1800 лет до н. э., в так называемый архаичный период, они стали концентрироваться в определенных районах, наиболее благоприятных для жизнедеятельности, – таких, как мангровые заросли в топях и лагунах вдоль тихоокеанского побережья. В этих местах еды хватало круглый год. Постепенно, по мере окультуривания диких растений, собиратели превращались в оседлых земледельцев. Около 1800 года до н. э., в самом

Роспись в Храме воинов. Чичен-Ица

Таблица

Дата	Период	Высокогорье и тихоокеанское побережье	Равнина Южного Юкатана	Северный Юкатан
1520	Колониальный	Испанское завоевание	Кортес пробирается сквозь джунгли	Испанское завоевание
900	Постклассический	Появление, расцвет и упадок империй Киче и Какчикель		Люди покидают город Чичен-Ица
800	Позднеклассический		«Коллапс» и исчезновение большинства городов	Расцвет городов Чичен-Ица, Ушмаль и Пуук
600	Среднеклассический	Расцвет цивилизации майя		
250	Раннеклассический	Распространение влияния Теотиуакана	Появление в городах устойчивых правящих династий	Расцвет Кобы и других городов
0			Расцвет Тикаля	
400 до н. э.	Поздний доклассический	Появление письменности и первых правящих династий. Влияние ольмеков	Появление и рост городов с впечатляющей монументальной архитектурой	Расцвет прибрежной торговли
1000 до н. э.	Средний доклассический	Поселения земледельцев появляются в высокогорье и на равнинах		
1800 до н. э.	Ранний доклассический	Первые деревни земледельцев		

начале доклассического периода, на тихоокеанском побережье появились целые поселения земледельцев, возделывающих культуры, которые стали основными продуктами питания майя: маис (кукурузу), фасоль, тыкву и перец. При этом они занимались ткачеством, плетением предме-

тов обихода и изготовлением глиняной посуды — что является доказательством оседлости древних народов.

К 1000 году до н. э. деревни земледельцев появились и в высокогорье нынешнего Гондураса, а некоторые отчаянные поселенцы-первопроходцы, спустившись с перевалов и следуя по поймам извилистых и многоводных рек, таких как Усумасинта, проникли в девственные джунгли равнинного Южного Юкатана и расчистили от зарослей уголья под посадку маиса. Вскоре в тех краях начался бурный рост населения и стали строиться не только покрытые пальмовыми листьями хижины на сваях. К 500 году до н. э. на той территории, где сейчас находится северная провинция Гватемалы Петен, были построены первые каменные пирамиды из известняка, легкообрабатываемого примитивным топором, сделанным из кремнистого сланца.

Поздний доклассический период, длившийся с 400 г. до н. э. до 250 г. н. э., был наиболее переломным в эволюции майя как общества и как этноса: именно в эту эпоху они проявили признаки цивилизации. Города майя росли, как грибы после дождя, и в высокогорье, и на равнинах. В некоторых из них появились монументальные строения таких размеров, превзойти которые не удалось в последующие века. На самом деле, многие атрибуты и признаки классической цивилизации майя имели место уже в доклассический период, как, например, иероглифическое письмо. Впервые оно появилось в высокогорье (причем до Рождества Христова), а затем очень медленно распространилось по всем равнинам.

Но все-таки именно в классический период цивилизация майя достигла своего расцвета. Как нельзя лучше эту эпоху характеризует появление устойчивых правящих династий, повелевших выстроить в честь своих деяний огромные пирамиды. В это время возникло большинство городов, которые мы можем увидеть и сегодня, например, Тикаль, Паленке, Копан. Это была эпоха, когда цивилизация майя достигла невероятных высот в искусстве и интеллектуальных поисках.

Возможно, большинство людей, каким-то образом прикоснувшихся к истории майя, убеждены, что самых сияющих вершин эта древняя цивилизация достигла в VIII веке нашей эры. Задокументировано существование более 40 больших городов, и в некоторых из них численность населения приближалась к 100 тысячам человек. Общее же число майя в эпоху расцвета некоторые исследователи оценивают более чем в 10 миллионов человек! Цифра просто ошеломляющая. Лишь в современном майя Китае жило больше людей; а что касается Англии того времени или Франции эпохи Карла Великого, то это были попросту захолустья (в сравнении с Китаем и империей майя).

Столь огромное количество людей, живших в одном месте и в одно время, является неоспоримым, фундаментальным показателем продуктивности сельского хозяйства майя. (На это, между прочим, многие не обращают внимания.) Природное окружение уже само по себе являлось прекрасным источником питания: рыба, моллюски и разнообразная прибрежная фауна; густые леса изобиловали не только растительной, но и живот-

ной пищей. Известно, что в тропической сельве майя охотились на таких животных, как пекари, олени, обезьяны и тапиры. В рационе майя присутствовали также грызуны, птицы и множество других представителей животного мира. Однако с ростом численности населения многие виды животных были истреблены, а число некоторых существенно сократилось. Одомашнены были лишь индюки и несколько видов съедобных псовых, поэтому мясоедение для большинства населения стало непозволительной роскошью. В подавляющей своей массе майя превратились в вегетарианцев, и главной основой пищевого рациона стал маис.

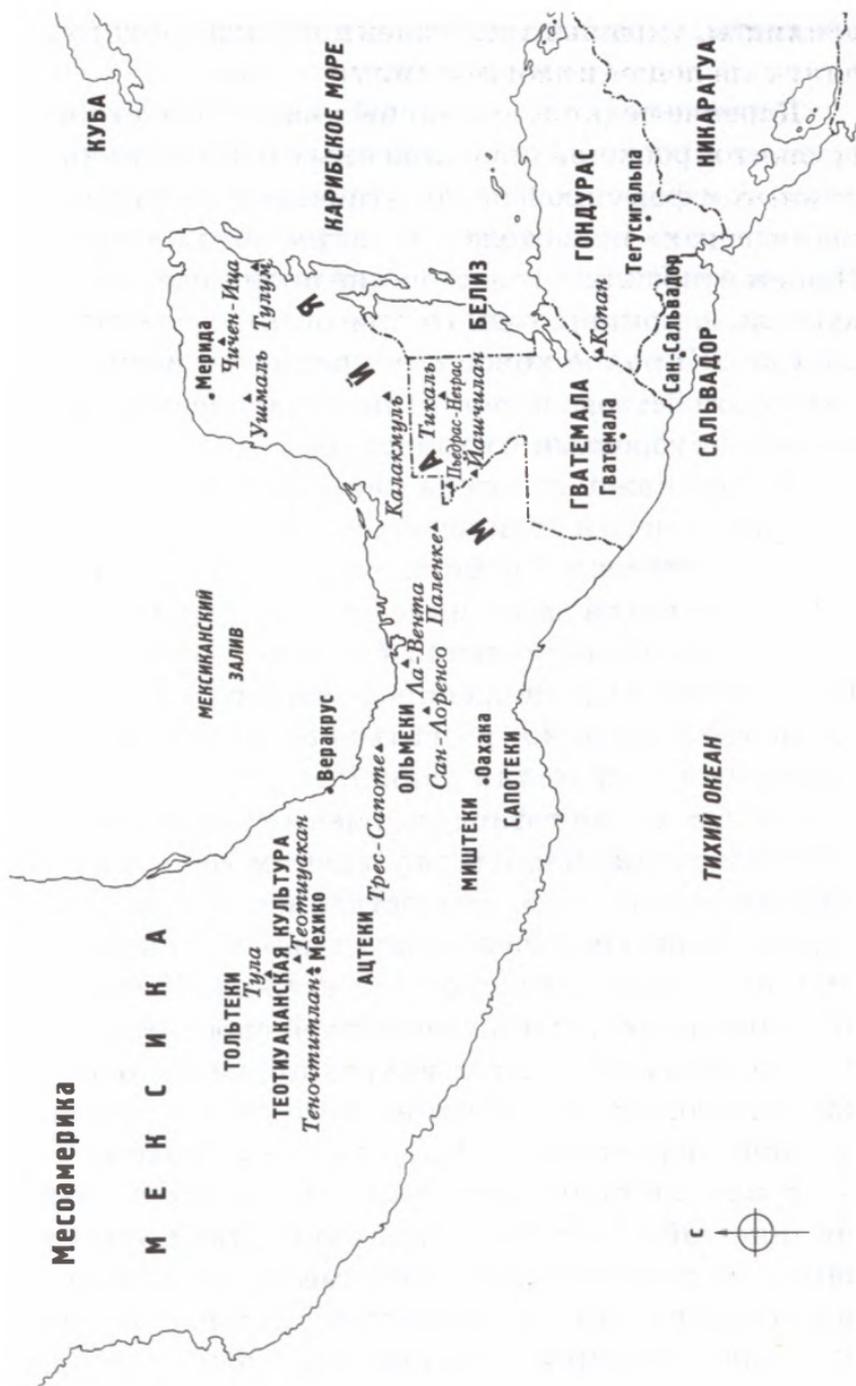
Наиболее успешно растениеводство развивалось в высокогорье, на достаточно плодородных почвах вулканического происхождения. Возможно, именно поэтому там появились первые многолюдные поселения с гораздо большей плотностью населения, чем в древних прибрежных деревушках рыболовов и охотников. На равнинах Северного Юкатана (если не брать во внимание небольшую холмистую гряду к западу, Пуук, которую природа ничем не обделила) картина была совершенно противоположной: скудная почва глубиной в несколько дюймов за короткое время оказалась совершенно истощена. Что касается джунглей, подступавших с юга, то там все не так просто. Тот факт, что майя занимались осушением болот и вырубкой лесов, а так же разнообразный, варьирующий от места к месту состав почв вызывают у современных ученых ожесточенные споры относительно урожайности и производительности культурных угодий с течением столетий. Особен-

но, если учесть многовековые климатические изменения и сезонные факторы, такие как сменяющие друг друга периоды дождей и засухи. Густые заросли джунглей не настолько препятствуют земледелию, как это может показаться, – просто в силу специфики условий от земледельцев требуются особые навыки и продолжительный опыт. И майя в течение столетий, без сомнения, накопили подобный опыт. Перемещение плантаций с места на место, вырубка и выжигание лесов – обычная практика майя. В южных районах Юкатана плантации обустроивались, как правило, на пойменных участках с наносными почвами вдоль многочисленных рек, и урожай там снимали круглогодично. Излишки «экспортировались» в другие районы. На склонах холмов разбивались террасы, а в заболоченной местности – прежде всего, на территории современного Белиза – майя обустроивали насыпные, как бы приподнятые над остальной местностью поля. Заболоченный участок покрывали сетью дренажных каналов, а извлеченный грунт шел на формирование достаточно плодородного выровненного участка. Такая технология применялась в обширных болотистых районах юга Юкатана, а также в местах, затапливаемых во время сезонных дождей. В частности, такие «приподнятые» поля мы видим вокруг Тикаля – во влажных джунглях гватемальской провинции Петен. Таким образом, используя разнообразные агротехнические приемы, древние майя весьма преуспели в выращивании растений и в джунглях, что, конечно же, подстегнуло рост городов, увеличивающееся население которых могло не тратить все

усилия на возделывание полей и обратить свои таланты на решение совсем других задач.

Контрастирующие, разнообразные природные условия и ландшафты позволяли выращивать различные культуры. То, что приживалось в одной местности, плохо плодоносило в другой, и наоборот. Появлявшиеся излишки стимулировали натуральный товарообмен между регионами. Торговые связи – локальные и общеимперские – установились на территории майя с доклассических времен, причем обменивались не только продуктовыми товарами, но и предметами утвари и роскоши. Например, с высокогорья на равнины доставлялись гранит и обсидиан, из которого изготавливали копья, ножи и клинки, предназначенные как для бытовых, так и для сакральных целей. В обратном направлении переправлялись перо птицы, пчелиный воск, хлопок и кожа животных. Северный Юкатан «специализировался» на добывании соли, которую выпаривали на солнце в ямах вдоль атлантического побережья. А на склонах, обращенных к Тихому океану, выращивали какао-бобы. Напитки, напоминавшие современный жидкий шоколад, в те времена считались дефицитным, ценным, аристократичным продуктом и желанным товаром.

Правители майя самолично контролировали оборот особо ценных товаров, таких, как кристаллы яшмы, которая добывалась лишь в долине Мотагуа в восточном Гондурасе, или красивейшие хвостовые перья птицы кетсаль, обитающей в дальних лесах на границе высокогорья и джунглей. Статус и величие правителей во многом зависели от обмена этими предметами роскоши. Эти

предметы, украшавшие хозяев при жизни, отправлялись вслед за ними в могилу.

Дарение редких, ювелирных изделий и других предметов роскоши приближенным и помощникам во многом формировало политическую обстановку при «дворах» правителей. К таким предметам-подаркам относились и настоящие произведения искусства, например, тонко разрисованная глиняная посуда. Широкое хождение предметов роскоши даже способствовало развитию политических связей между городами-государствами.

Вокруг каждого города майя простиралась зависимая от него в политическом и экономическом плане территория. Границы влияния, простиравшиеся обычно на расстояние не более однодневного перехода, были, конечно же, символическими. Тем не менее в границах определенного города-государства вполне мог развиться самобытный, характерный только для данной местности уклад жизни. Обмен же товарами, идеями и технологиями происходил благодаря узеньким тропам в густых джунглях, либо осуществлялся при помощи выдолбленных из дерева каноэ, плывущих вниз по реке или вдоль океанского побережья. Постоянный обмен идеями и информацией способствовал поддержанию здоровой конкуренции между общинами, высокого соревновательного духа и созидательной энергии всего общества майя в целом.

В начале прошлого века нам казалось, что древние майя жили в полной изоляции от других народов и цивилизаций, либо имели с ними очень ограниченную связь. Однако в реальности этот народ являлся лишь частью большого, интересно-

го мира, состоявшего из многих других, не всегда похожих друг на друга цивилизаций. Этот мир принято называть Месоамерикой (термин введен в обиход немецким философом и антропологом Паулем Кирхгоффом в 1943 г. – *Прим. ред.*), и простирался он от северной Мексики, от самой границы с современными США, до Никарагуа и Коста-Рики.

Термин этот не столько географический, сколько культурно-логический. Месоамерика – это сообщество народов, живших и живущих на означенном пространстве, говорящих на малопохожих языках, имеющих различную этническую идентичность, но тем не менее разделяющих общие верования, почти одинаковый уклад жизни и, в конце концов, общую судьбу. Все они пользовались 260-дневным ритуальным календарем, являвшимся составной частью 365-дневного солнечного календаря. Все они верили в определенных богов и имели во многом схожие представления о космосе и мироздании. Все они практиковали человеческие жертвоприношения, и во всех этих культурах выпускание крови из человеческого тела считалось в высшей степени богоугодным делом, исполненным сакрального смысла. Среди месоамериканских народов была чрезвычайно популярна игра в резиновый мяч, проходившая на специальной площадке, и этой игре они придавали огромное ритуальное значение. У некоторых народов Месоамерики существовали так называемые «кодексы» – своеобразные своды законов, записанные на страницах, сделанных из древесной коры или оленьей кожи. Не забудем,

что все эти народы культивировали маис – основу своего рациона, дополненного «пищевой триадой» из бобовых, тыквенных культур и некоторых видов перца. Многие из этих общих особенностей сформировались еще в доклассические времена, и, как показывают археологические исследования, по всей Месоамерике во все последующие эпохи происходило постоянное перемещение народов, а вместе с ним – обмен технологиями, навыками и знаниями.

Народ майя расселился в южной части Месоамерики от одного океанского берега до другого, превратившись в самого крупного производителя сельскохозяйственной продукции. Кроме того, торговцев майя можно было увидеть на всех мыслимых торговых маршрутах, протянувшихся на многие сотни километров, в основном, вдоль тихоокеанского побережья.

В некоторые периоды своего существования майя испытали очень сильное влияние соседних народов, причем, влияние это было скорее благоприятным и полезным. В первую очередь, это касается ольмеков – цивилизации, возникшей на тихоокеанском побережье Мексики в эпоху рождения Христа. Безусловно, это было довольно развитое общество, и ученые до сих пор спорят о степени воздействия ольмеков на зарождающуюся цивилизацию майя. Позже, в раннеклассический период, некоторые части империи майя установили тесные связи с большим городом Теотиуакан, что в самом центре Мексики. Связи с этим регионом не прерывались в течение многих столетий; правда, на смену упомянутой цивилизации при-

шли тольтеки и, в конце концов, ацтеки. Торговля и перемещение большого количества людей были столь интенсивными, что вся южная периферия империи майя – в частности, тихоокеанское побережье – постепенно полностью «мексиканизировалась».

И все же основная часть майя через века пронесла и сохранила свою неповторимую индивидуальность, и этот народ никогда и никем не был покорен. Даже грозная воинственная империя ацтеков, соседствовавшая и торговавшая с майя, никогда не пыталась низвести соседей до уровня

Письменные знаки майя

рабов или вассалов, в которых они превратили все окружавшие их народы Мексики. Майя удалось сохранить своеобразную политическую систему, религиозные воззрения, неповторимую архитектуру и самобытное искусство, а самое главное, они рассказали нам об истории своего мира, придумав оригинальнейшую систему письма, куда более богатую и развитую, чем у соседей.

Язык, несомненно, являлся одним из самых главных «склеивающих» элементов в обществе и цивилизации майя, самым главным фактором, характеризующим их культурную идентичность. Сегодня существует более 30 (в точности – 31) языков, принадлежащих языковой семье майя. Наиболее известные и широко распространенные – юкатекский, главный язык Юкатана; языки цельталь, цоциль и чоль, на которых говорят в мексиканских провинциях Чьяпас и Какчикель; ну а в гватемальских горах можно услышать слова, произнесенные на языках киче и кекчи. Исследования лингвистов показали, что лексическое и грамматическое сходство языков (причем, тем большее, чем ближе друг от друга находятся их носители) говорит о том, что все эти языки вышли из общего праязыка майя, существовавшего около 2000 г. до н. э. Ближе к классическому периоду на Юкатане, вероятно, существовали два основных наречия: чолан – на южном Юкатане, юкатекан – на северном. А на каком, собственно, языке сделаны надписи на стенах, посуде, каменных блоках и так далее? Вопрос сложный. Самое последнее предположение ученых, возникшее на базе сравнительного лингвистического анализа, говорит о

том, что языком барельефов был язык чольти — ныне исчезнувший диалект языка чолан. Язык чольти, вероятно, нес ту же нагрузку и имел то же значение, что латынь или французский — излюбленный язык дипломатии и аристократического общества, то есть являлся средством общения в аристократической, ученой или богемной среде. Вполне возможно, он был также языком межобщинных связей.

А куда же подевались майя, что с ними случилось? На этот вопрос можно ответить так: цивилизация майя в том или ином виде сохранялась на севере Юкатана и в высокогорье Гватемалы до самого прихода испанцев. А вот с майя, жившими в джунглях, произошло что-то странное: в IX в. н. э. они попросту исчезли. Этот феномен мы называем «коллапс майя», и он, к сожалению, случился именно с ядром, с самым сердцем этой цивилизации. Словно была подведена какая-то черта или подан знак судьбы: в одночасье остановилось строительство городов; вдруг перестали вырезать на камне откровения властителей; на внезапно опустевшие города со всех сторон начали наступать джунгли. Вероятно, перед самым закатом цивилизации поступали какие-то предупредительные сигналы. Всеобщее мнение ученых таково, что главной причиной катастрофы стало разрушение окружающей среды, которая не выдержала агрессивного хозяйственного напора. Природа попросту перестала кормить несколько миллионов человек, разместившихся на относительно небольшом пятачке посреди джунглей. История исчезновения лесных майя преподает нам замечательный урок:

пока народ выростал из своих пеленок, уважая природу, находясь с ней в симбиотическом родстве, все шло прекрасно. Но когда человек стал относиться к окружающему миру в высшей степени потребительски, он уничтожил и природу, и себя. Естественно, это не единственное объяснение цивилизационного паралича майя; мы еще увидим, какой это сложный феномен. Свою лепту внесли и другие события. Мы многое знаем, но еще больше нам предстоит узнать.

И хотя существует множество интереснейших теорий, говорящих об обратном, давайте согласимся с постулатом, согласно которому майя жили в полной изолированности от других цивилизаций Европы, Азии или Африки. При этом никто сегодня не сомневается, что, несмотря на полную «отчужденность», майя создали самобытную цивилизацию, сходную по многим характеристикам с цивилизациями по другую сторону океана. Так же, как и в цивилизациях Старого Света, население в основном концентрировалось в крупных урбанистических центрах и вокруг них. Так же, как в самых передовых обществах того времени, майя пользовались плодами развитого сельского хозяйства и имели сложную иерархическую систему управления и подчинения со всеми характерными атрибутами: свою аристократию и элиту, жрецов и администраторов, писателей и торговцев, а главное – правящие династии, которые контролировали все общество сверху донизу. Правящая элита, например, организовала строительство огромных храмов и пирамид, чего невозможно сделать без развитых механизмов принуждения. Ну и, конеч-

но, нельзя оставить без внимания, возможно, главный признак любой высокоразвитой цивилизации – самобытное, яркое искусство и наличие письменности.

В начале XX века общество майя, хотя ему и не отказывали в наличии многих черт «цивилизованности», считалось этаким «бедным родственником», едва-едва заслуживающим места в почетном списке древних цивилизаций. Однако все большее количество исследователей, впечатленных достижениями майя – особенно в астрономии, математике, архитектуре и искусстве, – стали называть их «эллинами» Нового Света и «классической цивилизацией доколумбовой Америки». Разобравшись в тонкостях устройства общества майя, ученые стали сравнивать его даже с классической Древней Грецией и Италией эпохи Возрождения. Так же, как древнегреческие города-полисы и са-

Храм Солнца (на переднем плане) и Большой дворец (на дальнем плане) в Паленке, VII в.

мостоятельные, блестящие, процветающие итальянские города (например, Генуя, Флоренция и Венеция в свое время), города-государства майя так и не смогли объединиться в целостное, политически монолитное государство. В каждом городе, по сути, существовали свои собственные традиции – как в искусстве, так в религии и политике. Нельзя не упомянуть и об интеллектуальных достижениях майя. Их письменность сложна и разнообразна. Их математики научились обозначать числа, а главное, разработали концепцию нуля, чего не достигли ни древние греки, ни древние римляне. Без телескопов, без всякой техники, «орудуя» лишь невооруженным глазом, они научились рассчитывать движения планет, предсказывать солнечные и лунные затмения и создали календарь, мало уступающий по точности современному.

Исследователям, стремящимся вывести универсальные законы развития человеческого общества, полезно обратиться к истории тех древних цивилизаций, которые росли независимо друг от друга. Возможно, всякая попытка охарактеризовать общество майя, используя параллели и аналогии с другими, хорошо нам известными цивилизациями, потенциально обречена на неудачу. Тем-то майя и интригуют нас – разительными, глубокими отличиями от всех своих современников. Успешная дешифровка и анализ текстов, а также работа антропологов позволили нам глубже понять ментальность и верования майя.

Как и подобает любой цивилизации, майя накапливали и систематизировали знания об окру-

жающем мире, выработав свой оригинальный, неповторимый взгляд на природу и на свое место в ней. Изучая движение планет и звезд, наблюдая за сменой времен года (хотя, в тех краях это два периода – сухой и влажный), а так же за оживлением и угасанием тропической стихии (например, ураганами), майя заключили, что все в мире циклично, все подчиняется определенному ритму. За рождением следует смерть, но затем обязательно новое рождение. Но если в природе все циклично, значит, посредством календаря можно определить эту цикличность и таким образом предугадать новое появление исчезнувшего события. По воззрениям майя, будущее уже хранится в прошлом. Мы привыкли думать, что история не повторяется в деталях, но майя были убеждены, что засухи, наводнения, болезни, войны, все события в жизни человека должны приходить на смену друг другу с неизбежной цикличностью.

Майя жили под сенью целого пантеона своих богов – всемогущих и разноликих. Большинство из них олицетворяли собой определенные природные стихии или явления. Эти боги, как думали майя, не только создали весь мир, но и установили особенную эпоху, одну из многих циклических эпох, в которой появились и жили люди. В общих чертах считалось, что боги живут на небесах, земная твердь предназначена живым людям, а подземное царство – обители мертвых. Однако в повседневной религиозной практике столь строгое разделение на царства не соблюдалось, существовали полутона; и уж совсем не различалось то, что сегодня мы называем естественным и

сверхъестественным. И боги, и живые, и ушедшие жили своей самостоятельной жизнью, переходя время от времени из одного мира в другой. Так, майя были уверены, что усопшие «восстанут» из своего подземного царства, показывая свой нрав и вмешиваясь в повседневную жизнь своих потомков.

Как водится, находились такие люди, которые посредством особенных магических ритуалов могли общаться с богами. Эти люди, стоявшие на нижних ступенях общественной лестницы, походили на современных деревенских шаманов. Считалось, что они наделены особой магической силой и знанием. Главным же проводником в потусторонний мир богов и мертвых был сам верховный правитель. Посредством очень сложной системы обрядов, ритуалов и жертвоприношений он в глазах народа представлял защитником и гарантом относительно нормальной и спокойной жизни. Его стараниями основные климатические сезоны сменяли друг друга, солнце высушивало топи, в засуху проливались долгожданные дожди, а главное, на полях рос и плодоносил маис.

Большинство наиважнейших ритуалов содержало один ключевой компонент, бросавший в дрожь не одно поколение исследователей. Майя считали, что богов, создавших этот мир и людей, следует задабривать самым ценным, что есть в человеке – его кровью. В искусстве майя классического периода правители предстают как главные медиумы, проводники из мира живых в мир, населенный богами. Для того чтобы выпросить божественное покровительство, правители-медиумы требовали для богов крови, много кро-

ви. И она лилась рекой. В произведениях искусства правители изображались полубогами, каковыми они себя и считали.

По многим аспектам религиозные верования майя кажутся нам совершенно непривычными, даже чуждыми. Очевидно, что они рассматривали все сущее и духовное под другим углом зрения, отличным от нашего. Тем не менее их религиозная система, возведенная в ранг государственной и позволявшая малочисленной группе, так называемой элите, доминировать над остальными, просуществовала довольно длительное время. Социальное и религиозное устройство общества майя, которое было не чем иным, как культом личности верховного правителя, «продержалось» около 800 лет.

Майя создали эффективное и самобытное общество, такое же, как и любое другое в Старом Свете. Однако, развиваясь по своей особенной траектории, оно сочло нужным воспользовать-

Четырёхметровая стела
в Копане, VIII в.

ся некоторыми техническими возможностями, совершенно обычными для других, заокеанских, цивилизаций.

Майя оставили после себя по существу цивилизацию камня. Даже когда с IX в. на их земли стал проникать металл (золото и медь), его назначение оставалось не более чем орнаментально-декоративным. Металлы так и не смогли вытеснить обсидиан – «дамасскую сталь Месоамерики» – и другие каменные материалы, в течение веков верой и правдой служившие как для хозяйственных, так и для культовых целей. В качестве драгоценности золото оставалось на вторых ролях после сине-зеленого нефрита, цвет которого олицетворял плодородие и даже саму жизнь. Майя не использовали колесо (хотя, как предполагается, знали о его существовании) по той простой причине, что у них не было тягловых животных. То есть в колесе не было никакой практической надобности. Никогда не видевшие лошадь, они были потрясены и напуганы самим только видом этих ужасных зверей, да еще несших на своих спинах первых испанских конкистадоров. Майя прозвали лошадей «кастильскими тапирами».

Как и все коренные народы Америки, майя оказались чрезвычайно уязвимыми перед лицом европейского нашествия. Они так и не создали ни прочного политического объединения, ни регулярной армии. Вдобавок они не смогли противостоять невиданным смертоносным болезням, появившимся из Европы на кораблях конкистадоров. Испанцы переселили майя в новые города и деревни, дали им в руки книги, обучили грамоте и зас-

тавили уверовать в своего Бога. Старые же «идолы» были сожжены, а сами верования вырваны с корнем. После испанского завоевания у майя отобрали земли, а их самих заставили работать на плантациях мексиканских и гватемальских латифундистов. В более поздние времена военные режимы нередко преследовали и убивали майя — словно испанская конкиста даже и не думала когда-нибудь завершиться.

В то же время нельзя рассматривать этот народ, переживший испанское завоевание, исключительно как трагическую жертву истории или как потерянный для настоящего осколок некогда блестящего прошлого. Семь миллионов нынешних носителей языка майя, проживающих на территории Мексики, Гватемалы, Белиза и Гондураса, являются самой большой группой коренных американцев севернее Анд. До сих пор майя являются хранителями самобытной культуры, причудливо вобравшей в себя и древние верования и совершенно адаптированное к современным реалиям мировоззрение, сформировавшееся в постиспанский период. Последние исследования помогли понять нам, каким образом майя смогли приспособиться к изменившимся обстоятельствам. Похоже, что этот народ не захотел безропотно принимать роль бессловесного вассала и «мальчика для битья»: в отдаленных местах сохранилось несколько независимых районов, населенных майя; выжило даже небольшое государство. Вооруженное сопротивление продолжалось до начала прошлого века и было достаточно успешным: майя многому научились у своих пора-

ботителей-испанцев. Страдания и лишения привели к еще большей консолидации народа и укреплению национального самосознания. Объединились даже малочисленные разрозненные группы, оттесненные в свое время к государственным границам. В нашу эпоху этот великий народ спаян не только общими бедами, выпавшими на его долю, но и обоснованным чувством гордости за своих удивительных предков.

Слова Джона Ллойда Стефенса, вынесенные в качестве эпиграфа, посвящены гондурасскому Копану – жемчужине в короне городов майя. Этот город прославился элегантностью и утонченностью своих архитектурных шедевров, гротескностью и неуловимой красотой многочисленных скульптурных композиций (которыми особенно заинтересовался компаньон Стефенса – Фредерик Казервуд), а также числом и разнообразием стел, колоннад, стен и панелей, исписанных таинственными иероглифами. Прошло уже более сотни лет с начала раскопок и глубокого изучения Копана, но лишь в последние два десятилетия в рамках серьезных международных проектов и благодаря сотрудничеству ведущих ученых ведётся интенсивная детализация обыденной людской жизни, начиная с самых первых земледельцев, живших в долине Копан, и кончая самыми могущественными правителями классического периода. Это проекты, которые, как полагают ученые, приведут к новым блестящим открытиям в изучении цивилизации майя. Сегодняшнюю атмосферу нетерпеливого ожидания можно сравнить лишь с той, которая царствовала во времена потрясающих открытий

Шампольона, заставившего «разговориться» и выдать свои секреты самих фараонов древнего Египта!

Те, кто работает среди памятников майя, полны самого радужного оптимизма, уверенные, что в общую копилку знаний можно набросать еще очень много золотых монет. Этим они коренным образом отличаются от Стефенса, когда-то пришедшего к выводу, что руины Копана замолчали навсегда, как молчали и опрошенные им скромные местные жители. Ему казалось, что все свои тайны древние майя унесли в небытие, но в этом отношении он ошибался. Как и Стефенс, мы знаем почти всё об истории Древнего Египта, так же, как и об истории набатейских торговцев, живших в пустынях Ближнего Востока. С тех пор как несколько веков назад ислам пришел на эти земли, феллахи (крестьяне), выращивающие свои урожаи в илистой нильской долине по соседству с Фивами, или бедуины, торгующиеся с туристами из-за сувениров где-нибудь посреди домов-пещер и склепов Петры, не имеют ничего общего с древними обитателями этих городов – ни в языке, ни в религии, ни в обычаях. Древние цивилизации, некогда процветавшие в этих местах, ушли от нас навсегда. Что касается майя, то здесь ситуация совершенно иная. Древняя цивилизация, которую так тщательно реконструируют сегодня, – не мертвая история, она среди нас. Как сказал мексиканский археолог Игнасио Берналь: «Это всего лишь прошедшее время истории, которая существует сегодня».

На последующих страницах этой книги мы

коснемся всего, что нам известно о древних майя, а в следующей главе увидим, как мы открыли для себя эту удивительную цивилизацию – ее искусство, памятники и города, многие из которых за прошедшие столетия поглотили наступающие джунгли.

Глава 1

ОТКРЫТИЕ МАЙЯ

Конкистадоры и монахи

В августе 1502 года, во время своего последнего исторического плавания, Христофор Колумб приказал своим кораблям бросить якоря у острова Гуанаха в Гондурасском заливе. Его сын Фердинанд впоследствии описал то, что путешественники увидели однажды утром после восхода солнца:

Перед нами появилось каноэ, огромное, как галера – восьми футов в ширину, – загруженное товарами, будто большой длинный сундук. Посреди каноэ находился навес из пальмовых листьев, похожий на шатер, которые устраивают на венецианских гондолах. Под навесом сидели дети и женщины. Там же были сложены товары. Команда, числом не менее двадцати пяти человек, не

выказывала ни малейшей агрессивности или готовности защищаться, несмотря на нашу погоню. Мы быстро захватили каноэ и без всякой борьбы привели его к нашим кораблям. Адмирал благодарил Бога за то, что ему удалось без всякого кровопролития увидеть товары и дары, которыми богаты окрестные земли.

В составе груза находилась одежда из хлопка — рубахи без рукавов и выкрашенные «панталоны». Там же были деревянные дубинки и мечи с вделанными каменными лезвиями, медные топоры и колокольчики, глиняная посуда, деревянные и каменные барельефы, а также маленькие ножи, сделанные из прозрачного желтого камня. Испуганные пассажиры каноэ молча смотрели на испанцев, устроивших на судне настоящий обыск, и оживились лишь тогда, когда кто-то из обыскивающих швырнул на пол горсть какао-бобов — универсальное средство обмена в здешних краях, а по сути деньги. Изумлению и возмущению хозяев каноэ не было предела. «У них будто глаза повыскакивали из орбит». Взяв только хлопковую одежду и несколько предметов в качестве сувениров, испанцы отпустили судно с миром, не забыв, правда, оставить у себя старика-лоцмана. Впоследствии, уже на гондурасском берегу, они отпустили и его.

Эта короткая и довольно мирная сцена была самой первой встречей не только между испанцами и майя, но и между двумя цивилизациями — европейской и американской, причем самой «продвинутой». По сравнению с несчастными «дики-

ми» индейцами Кубы и Эспаньолы, с которыми испанцы познакомились еще в 1492 году и которые, в общем-то, были обречены на вымирание и рабство, команда, пассажиры и груз того памятного каное несли все признаки совершенно иного общества. Хозяин судна, хорошо одетый торговец, командовавший двадцатью пятью закованными в цепи гребцами, был, скорее всего, родом из Шикаланго – большого торгового центра на побережье Мексиканского залива. Сам он утверждал, что прибыл из страны по имени «Майям». Большинство товаров, скорее всего, происходило из Центральной Мексики – это касается медных топоров, колокольчиков и ножей из «прозрачного желтого камня», или обсидиана (его еще называют вулканическим стеклом). Одежду из хлопка почти наверняка загрузили где-то на берегу Юкатана.

Сразу Колумб не придавал значения этому событию, однако много позже охотно рассказывал о нем своим друзьям как об одном из многочисленных курьезных происшествий, случившихся во время его путешествий. Понять Колумба можно: пребывая в заблуждении, что он добрался до Азии с «заднего двора», он и помыслить не мог, что наткнется на каких-то азиатов, перевозящих домашнюю утварь в утлых суденышках. Колумб был уверен, что когда-нибудь доберется до настоящих несметных богатств Азии! Да, конечно, кое-что из увиденного показалось необычным, но это совершенно не соответствовало тому, что он ожидал здесь встретить. Разочарованно вздохнув, великий мореплаватель повернул свои каравеллы обратно в Европу.

Индеец наблюдает за прибытием испанского корабля к побережью Мексики

Не прошло и девяти лет, как европейцы, твердо обосновавшиеся в Карибском море и основавшие главный город своей экспансии – Гавану, снова встретились с майя, причем в совершенно иных обстоятельствах. В 1511 году возле Ямайки затонул корабль, на борту которого помимо остальных находился официальный представитель испанской короны по фамилии Вальдивия. Корабль шел из Дарьена (территория современной Панамы) на Эспаньолу. Официальному представителю и восемнадцати матросам удалось спастись. В критический момент они пересели в шлюпку, которая две недели беспомощно дрейфовала, пока ее не отнесло к берегам Юкатана. Ко времени высадки семь человек умерли, а оставшихся в живых майя взяли в плен. Вальдивию и еще четверых принесли в жертву богам, попросту съев. Остальных посадили в клетку, чтобы подготовить к новым жертвоприношениям. Сломав клетку, пленники совершили побег, но попали в рабство к другому касику (вождю), враждовавше-

му с первым. В итоге выжили двое: Херонимо де Агиляр и Гонсало Герреро. Причем Герреро породнился с местными жителями, женившись на дочери правителя Четумалея, а потом еще и возглавил сопротивление испанским завоевателям. Много позже, в 1535 году, во время вылазки майя на обосновавшихся в Гондурасе испанцев, нашли останки белого человека. Это был Герреро. Его спутанные волосы, серьги в носу, ушах и губах, а также полностью татуированное тело не вызывали сомнений, что это был именно он. Возможно, правдивую версию добровольного превращения этого испанца, в общем-то экстраординарной фигуры, в майя мы так никогда и не узнаем. Кстати, в послереволюционной Мексике из него сделали героя. Он до сих пор считается одним из основателей мексиканской нации, а его дети стали первыми метисами Нового Света.

После этих двух случайных встреч цивилизаций последовала масштабная экспедиция 1517 года, предпринятая Франсиско Эрнандесом де Кордоба. Он возглавил флот из трех кораблей и направился на поиски новых земель и пленных, которыми можно было бы заменить на Кубе умерших от непосильного труда рабов. Первую остановку эскадра сделала у маленького островка неподалеку от северной оконечности Юкатана. После высадки и короткой стычки с местными жителями взорам конкистадоров открылись удивительный каменный дом и каменные же храмы, облицованные известняковой плиткой. Внутри одного из храмов авантюристы обнаружили такое огромное количество изображений женщин (несомненно, храм

был посвящен богине Иш-Чель*), что дали острову испанское название Исла-Мухерес (Isla de Mujeres), то есть остров Женщин.

Дальнейший их путь лежал на запад вдоль береговой линии Юкатана, и вскоре они достигли залива Кампече, где и бросили якоря в порту Чампотон. И вновь непрошеные гости встретили яростное сопротивление, несмотря на то, что они обладали абсолютным превосходством в оружии: оно у испанцев было огнестрельным. Понесся неожиданный тяжелый потери (убитыми и ранеными), испанцы были вынуждены ретироваться на свои корабли и взять курс на Кубу. Вскоре Эрнандес умер от ран, но перед смертью он успел рассказать о несметных богатствах, которыми изобиловали открытые земли. В доказательство он показал несколько золотых безделушек, отнятых у обитателей Исла-Мухерес. В воздухе впервые запахло наживой, а у благодарных слушателей загорелись глаза.

В следующем же году была снаряжена новая экспедиция, которой на этот раз командовал Хуан де Грихальва. Учитывая трагический провал прошлогодней авантюры, Грихальва привел к Юкатану куда больше вооруженных людей, чем несчастный Эрнандес. На первом же встреченном по пути острове (это был Косумель – остров к юго-востоку от Юкатана) вооруженные до зубов авантюристы не встретили никакого сопротивления – напуганные вторжением местные жители попросту

*Иш-Чель – в мифологии майя богиня луны, покровительница ткачества, медицины и деторождения; ей приносили в жертву красивых девушек.

разбежались. Пребывая в уверенности, что Юкатан всего лишь большой остров, отряд Грихальвы решил обогнуть его, продвигаясь на юг и с любопытством обозревая проплывающие мимо прибрежные города и деревни. «Мы шли вдоль берега день и ночь, и вечером следующего дня, на закате солнца, мы увидели город, который показался нам не меньше и не хуже нашей Севильи». Это, конечно, гипербола в типично испанском стиле, и, скорее всего, люди Грихальвы увидели город Тулум, скромные, но хорошо сохранившиеся здания которого и по сей день взирают с прибрежных холмов на проходящие в море корабли. Удостоверившись, что Юкатан вовсе не остров, флотилия повернула назад и встала на проторенный Эрнандесом путь – двинулась на север, а затем на запад и юг, в сторону Табаско, что на берегу Мексиканского залива. Добравшись до тех мест, путешественники установили доверительные отношения с местным населением и даже принялись обменивать дешевые стеклянные бусы на провиант и золотые изделия. Исчерпав запасы бус, искатели приключений снялись с якоря и продолжили свой путь вдоль Мексиканского залива. Проплывая мимо того места, где сейчас находится крупный порт Веракрус, они увидели, как от берега в их сторону направилась группа каноэ. К удивлению Грихальвы и компании, в суденышках восседали очень даже не простые пассажиры. Это были местные вожди, украшенные перьями и увешанные сияющими золотыми украшениями. Пришельцев пригласили в гости, угостили индюшатиной, маисовыми лепешками и экзотическими фруктами.

Несмотря на то, что в команде Грихальвы не было переводчика, ему все-таки удалось понять, что в той стороне, где садится солнце, находится какая-то огромная империя. Вскоре выяснилось, что гостеприимные ряженые вожди были ацтеками и, более того, являлись ни много ни мало посланниками ацтекского императора Монтесумы. После ужина Грихальву и его команду проводили до стоявших на рейде каравелл, которые вскоре, подняв якоря и распустив паруса, устремились на север, к берегам безопасной Кубы. К тому моменту она уже успела стать испанской вотчиной и базой для дальнейшей экспансии конкистадоров в Месоамерике. Рассказы участников этой экспедиции, иногда приукрашенные, еще более распалили будущих завоевателей. Отдохнувшие и зализавшие свои раны после прошлых стычек с туземцами, конкистадоры ждали своего часа. И этот час настал.

Мы подошли к переломному моменту для всей истории не только обеих Америк, но и человеческой истории вообще. На небосводе взошла звезда Эрнана Кортеса, в 1519 году отправившегося к берегам Нового Света на 11 кораблях, с пятью сотнями солдат, сотней моряков, с пушками и лошадьми. Первой остановкой в его походе стал уже знакомый нам остров Косумель, и вновь его аборигены разбежались кто куда. Разграбив храмы и разбив множество идолов, испанцы тем не менее попытались установить с местными жителями и, в частности, с их правителем по имени Ах Наум Пат дружеские отношения. Очевидно, это удалось сделать, поскольку в последующие годы Косумель

оставался надежным оплотом для дальнейшей колонизации Центральной и Южной Америки. Именно на этом острове Кортес услышал о двух выживших «бледнолицых», якобы «обретающихся» на большой земле с 1511 года. Используя различные способы, он попытался дать знать о себе им обоим, предложив присоединиться и «вернуться в цивилизацию». Удивительно, но послание было услышано. Герреро от общения с земляками отказался, а Агиляру удалось добраться до Косумеля, где он *«умилившись, преклонил колени и возблагодарил Господа, после чего спросил: верно ли, что сегодня среда?»*

Герреро, например, в точности календаря майя не сомневался, но Агиляр, недоверчивый и дотошный, добросовестно вел отсчет дней в течение восьми лет. Оказалось, что его коленопреклонение случилось не в среду, а в воскресенье.

Впоследствии экспедиция Кортеса обогнула полуостров, высадилась в прибрежном районе Табаско и наголову разбила недовольных и крайне негостеприимных местных жителей. Поверженные вожди тотчас выплатили победившим испанцам контрибуцию в виде золота, провизии и женщин. Среди «призов» оказалась девушка, которую испанцы нарекли доньей Мариной. Марине суждено было стать возлюбленной Кортеса и родить ему сына. Интересно, что она говорила как на языке майя, так и на языке науатль, на котором разговаривали ацтеки. Агиляр также за время плена выучил язык майя. Вдвоем они стали незаменимыми переводчиками Кортеса, особенно по дороге в Теночтитлан в частности и во время завоевания

ацтекской империи вообще. На счастье Кортеса, внутривластная обстановка в империи была нестабильной, и объяснялось это в основном ненавистью покоренных ацтеками народов к своим угнетателям. Эти народы охотно помогали Кортесу, что явилось главной причиной его успехов. Он начал поход на Теночтитлан во главе отряда в несколько сот человек. По пути его армия обросла тысячами добровольцев из числа местных жителей.

Своим величием и богатством Теночтитлан затмил все города, виденные испанцами в Америке. До городского ядра в 200 тысяч человек, занимавшего большой остров посреди озера Тескоко, можно было добраться по нескольким радиальным дорогам-мостам, перекинутым от берега к острову. Без сомнения, это было одно из чудес света той эпохи. Отдаленно сравниться с ним могли лишь Константинополь и Венеция. В Лондоне тогда насчитывалось приблизительно 50 тысяч жителей, а в Севилье – и вовсе 30 тысяч. Города и городки майя по сравнению с Теночтитланом выглядели жалкими деревушками. Что касается богатства, то количество золота, находившееся у ацтеков, сравнить попросту не с чем...

Высадка на Юкатан стала первым шагом к завоеванию империи ацтеков. На многие годы полуостров превратился в удобный плацдарм, а его береговая линия сделалась причалом для многих сотен испанских кораблей, слетавшихся на «золотой мираж». После падения Теночтитлана в 1521 году новости о фантастической добыче Кортеса привлекли к «Новой Испании» тысячи европейс-

ких авантюристов. Не все народы были еще покорены, не все они были ограблены, и не все золото удалось у них отобрать «первопроходцам». Алчные взоры новых и новых конкистадоров устремились на другие народы, в том числе и на майя.

В период с 1524 по 1527 год грубый и жестокий подчиненный Кортеса лейтенант Педро де Альварадо в ходе варварских и кровопролитных кампаний покорил города-государства Киче, Какчикель и несколько маленьких крепостей в высокогорье Гондураса. При поддержке племен, ненавидевших майя, используя тот же принцип, что и Кортес – «разделяй и властвуй», – его способный ученик де Альварадо сначала натравил Какчикель на Киче, а затем спокойно разобрался с самим Какчикелем. После высокогорья пришла очередь равнинных майя.

На этот раз оставить свое имя в скрижалях истории выпало Франсиско де Монтехо, кстати, участнику экспедиции Грихальвы 1518 года. Он не участвовал в нападении на Теночтитлан, так как отбыл на родину с грузом награбленных ценностей, предназначенных королевской казне и лично королю Карлу V. Так называемая «королевская доля» составляла пятую часть добычи – золота, серебра, мозаики и красивых благородных перьев. Это были не только трофеи, отняты у народов, живших по берегам Мексиканского залива, но и дары, преподнесенные Монтесумой Кортесу в надежде предотвратить захватнический поход испанцев на Теночтитлан. В тот груз входили и некоторые сокровища, отнятые у майя на Юкатане, – например, книги с листьями из обработанной коры деревьев,

скорее всего, они попали к испанцам на острове Косумель. Среди них оказался и знаменитый «Дрезденский кодекс» – самая информативная из четырех дошедших до нас книг майя, названная так по месту современного хранения.

Доставив королевские сокровища в Испанию, Монтехо затем провел семь лет в ожидании специального разрешения на свои собственные завоевания в Новом Свете, а также соответствующего титула. В конце концов ему присвоили титул *аделантадо* Юкатана (от исп. *adelantado* – «первопроходец»). По сути Монтехо получил лицензию, индульгенцию и даже своеобразный заказ на захват и освоение богатств полуострова. Причем

Две страницы из Дрезденского кодекса.
Страница справа – колонка с так называемыми
венерианскими таблицами (эфмеридами)

это разрешение на эксплуатацию заморских земель можно было передать по наследству своим отпрыскам. Чем не дворянский титул?

Мечта о завоевании «своей» Америки вылилась в 20 лет лишений и разочарований. Монтехо, в отличие от Кортеса и Альварадо, не умел создавать коалиции и временные альянсы и использовать противоречия, возникавшие в стане врага. «Свою» конкисту он начал в 1527 году, высадившись на многострадальном острове Косумель и на северо-восточном побережье Юкатана. Некоторые майя сразу же оказали жестокое сопротивление новым захватчикам, другие просто спрятались в густых джунглях. Несмотря на то, что вожди майя сдались испанцам без слов, их «подопечные» выходили из джунглей лишь для нападений на испанские гарнизоны, которые оставил Монтехо. В следующем году он покинул восточное побережье и перебрался на западное, где, на месте прибрежного торгового поста майя Шикаланго, основал Саламанку (по названию своего родного города). Это был первый испанский населенный пункт, основанный на Юкатане. В начале 1530-х годов экспедиция основала вторую базу, на этот раз в Кампече. В течение нескольких лет люди Монтехо строили дороги и укрепления, оживляя монотонный и скучный ландшафт Юкатана, а также налаживали дружеские связи с многочисленными местными царьками. Сын Монтехо, Франсиско-младший, на некоторое время захватил крупный город майя Чичен-Ицу, превратившуюся к тому времени обезлюдивший город-призрак, поглощенный джунглями. Покорение майя в этих местах

стало казаться делом малоперспективным, не сулящим никаких особых материальных приобретений. Усердная и не обещавшая мгновенного обогащения работа здесь, на Юкатане, выглядела нелепой, особенно после новостей и слухов, доносившихся откуда-то с далекого юга. В южноамериканских Андах начала свою фантастическую эпопею команда Франсиско Писсаро. Любопытно, что первый контакт с инками произошел так же, как и с майя: люди Писсаро перехватили торговый плотик, дрейфовавший неподалеку от того побережья, где сейчас находится Эквадор. К изумлению испанцев, плотик был нагружен драгоценными металлами. Стало ясно, что империя инков куда как богаче, чем империя ацтеков, и вскоре люди Монтехо ринулись на поиски Эльдорадо. К 1535 году на Юкатане не осталось ни одного испанца. Сам же шестидесятисемилетний Монтехо, одряхлевший и уставший, отошел от дел и ни о каких авантюрах уже не помышлял.

В тех землях нет ни единой речушки, хотя есть озера; холмы там скалистые и безводные. Вся земля покрыта хилым кустарником, и она такая каменистая, что не найти ни одного квадратного фута почвы. Золота открыто не было, и вообще ничего такого, из-за чего можно было бы разбогатеть. Местные жители большей частью распутнее и коварнее, чем где бы то ни было в уже открытых землях. При этом они еще не убили ни одного христианина в честном бою, а только исподтишка. Ни разу они еще не объявили войны, и всего добиваются хитростью.

После того как в 1540 году Монтехо-младший возобновил завоевание Юкатана, люди, которые за ним последовали, уже не питали никаких иллюзий относительно новых открытий. Все, на что они рассчитывали, – поработить коренное население, поселиться в укрепленных пунктах и жить за счет поработенных. По видимости, с 1515 года, если не раньше, у испанцев появился грозный союзник. Сами того не ведая, они развязали против коренных народов Америки настоящую биологическую войну: азиаты, многие тысячелетия назад пересекшие Берингов пролив и расселившиеся по всей Америке, совершенно лишились иммунитета против болезней, свирепствовавших в Старом Свете. Над юкатанскими майя раздался погребальный звон – на испанских каравеллах вместе с конкистадорами прибыла оспа, а вместе с корабельными крысами – чума. К 1547 году, всего за тридцать лет, население Юкатана сократилось на три четверти. Деморализованные, изнуренные, подавленные постоянным натиском испанцев и эпидемиями, майя сдались. В 1542 году среди руин древнего города Тихоо испанцы основали будущую столицу Юкатана – Мериду. Дальше больше – в 1546 году Тутуль Шиу, правитель Мани (самого могущественного государства того времени на северо-западе) установил теплые отношения с испанцами и даже принял христианство. За ним последовали многие другие, и, даже несмотря на короткую вспышку сопротивления на востоке, к концу 1547 года вся северная часть полуострова была завоевана окончательно.

Осев всерьез и надолго на завоеванных землях,

испанцы – конкистадоры и просто поселяне – отнесли к культуре поработанных народов без всякого любопытства (разве что в случае крайней административной необходимости). Куда больший интерес к искусству коренных жителей Америки неожиданно проявился за тысячи километров – в Старом Свете. Гуманисты, антиквары, схоласты и простые обыватели Европы XVI века, затаив дыхание, слушали романтические истории о покорении далеких, загадочных земель. Главную интригу создавали, конечно, многочисленные артефакты, подобные тем, что привез Монтехо. Текстиль, изделия из перьев, маски, инкрустированные бирюзой, орнаменты из золота – все это увидел и оценил Альбрехт Дюрер в 1520 году на выставке в Брюсселе. «Никогда еще за все прожитые мной дни я не видел ничего, что так радовало бы мое сердце, как эти вещи. Я увидел среди них прекрасные произведения искусства, которые заставляют восхищаться утонченностью и гениальностью народов, населяющих неведомые земли».

В эпоху Возрождения не только появился интерес к изучению классической античности, но и возникла мода на ее символику и артефакты. По всей Европе в парках, замках и дворцах принцев, аристократов и нуворишей поселились бесчисленные статуи Венер, Аполлонов и Гефестов. И вот неожиданно-негаданно возникла Америка... Не мифология из бесконечно далеких времен, а вполне осязаемая, хотя и географически отдаленная, реальность. Теперь, на волне любопытства и моды на все необычное, среди сильных мира сего стало принято заводить нечто вроде «коллекции курьезов»,

или кабинета редкостей. Туда в кучу сваливали раковины, останки рептилий, камни-самоцветы, чучела экзотических животных, гигантские зубы – в общем, те предметы, которые трудно классифицировать, но которыми можно было похвастаться перед гостями.

В бассейне Карибского моря в самом начале грабительского этапа (в 1492–1520-е годы) испанцы вели себя как грубые, алчные и жестокие пришельцы, прибывшие лишь для того, чтобы намыть золота и, превратившись в нуворишей, вернуться на родину. Считалось, что к местным жителям нужно относиться как к рабам или как к балласту. Либо они помогают намывать золото, либо мешают. *«Индейцы ходят голые, не испытывая никакого стыда. Они грубые, жестокие и бесчувственные... у них нет ни ремесел, ни искусств, ни нормальных человеческих манер»*, – повествуется в одной из хроник. То есть, на средневековый взгляд завоевателей, это были полулюди-полуживотные, годные лишь для рабского труда; дикари, попрятавшиеся в густых лесах на задворках цивилизации. Тем не менее острая нужда в новых рабах и ресурсах гнала конкистадоров в глубь Месоамерики, где они, в конце концов, открыли для себя майя и ацтеков. К своему изумлению, здесь они столкнулись с высокоорганизованными обществами, строившими города, занимавшимися торговлей и сельским хозяйством и имевшими большинство атрибутов, характерных для настоящей государственности.

Разумеется, среди конкистадоров находились люди вдумчивые, рассудительные и наблюдатель-

ные – такие, как, например, сам Кортес или Берналь Диас дель Кастильо – по сути летописец и хронист, старавшийся оставить для потомков описание всех перипетий, связанных с покорением Мексики. Оба не скрывали восхищения увиденным, особенно на первых порах. Их поразили и масштабы и развитость американской цивилизации. Многие им показалось необъяснимым и неопишуемым, иногда даже не находилось слов, чтобы хоть как-то охарактеризовать увиденное.

«Некоторые из солдат спрашивали, не во сне ли привиделось все то, что мы встретили? Поэтому не удивляйтесь моей манере изложения, так как я не всегда знаю, как описать все эти чудеса, которых мы раньше не видели, о которых мы ничего не слышали и о которых даже не помышляли в самых смелых мечтах», – написал Диас, впервые увидев Теночтитлан – огромный город, окруженный цепью высоких вулканов. Еще больший шок пришельцы испытали в самой столице: их не могли не поразить многочисленные дворцы, храмы, сложенные из кирпича и покрытые штукатуркой жилые дома; бесчисленные сады и каналы; рынки, где крестьяне обменивали плоды своего труда на изделия городских ремесленников. Взору испанцев открылась цивилизация, которая по блеску и масштабам не уступала европейской, а кое в чем даже превосходила.

Но не только высокие стандарты развитого общества поразили непрошенных гостей. Привыкшие к средневековым жестокостям, дети немилосердной и несентиментальной эпохи, конкистадоры и на вновь открытых землях насаждали террор, а про-

ще говоря, устроили настоящий геноцид покоренных коренных народов. Но даже они, чьи руки были по локоть в крови, содрогнулись, увидев в империи ацтеков и, в меньшей степени, на земле майя жуткие (по иному не скажешь) сакральные кровопускания и жертвоприношения. Берналь Диас впервые увидел эти кошмарные ритуалы, практикуемые среди майя Юкатана, еще будучи участником экспедиции Эрнандеса де Кордобы:

Они приводили нас в огромные, выстроенные из блоков здания, которые были их храмами, посвященными каким-то богам. Стены этих храмов украшали изображения каких-то змей, пресмыкающихся и неких дьяволоподобных существ, видимо, их идолов. Перед стенами находились жертвенники, испачканные запекшейся кровью. У служивших в этих храмах жрецов были спутанные, косматые волосы со следами крови, отовсюду неся тошнотворный трупный запах.

Как же объяснялись все эти жестокие традиции? Согласно фундаментальному учению христианской церкви, все люди произошли от Адама и Евы, а также от сыновей Ноя после Великого Потопа. Но откуда взялись эти американские общества? Произошли ли они от главной ветви человечества, перебравшись в Новый Свет в незапамятные времена, или же эти народы переселил сам дьявол, оторвав их от истинной веры и превратив в жалкую пародию на христиан? Происхождение и история экзотических народов стали источником не только академических, но и богословских споров в течение всего XVI столетия. Дело дошло до того, что в 1537

году папа Павел III в своей булле «Sublimis Deus» (Вышний Бог) официально декларировал, что американские индейцы – вполне разумные люди, и их нужно считать «настоящими людьми». Булла запрещала относиться к ним как к безмозглым животным, а также выказывала уверенность, что коренные жители Америки вполне способны приобщиться к цивилизованной жизни и стать частью христианского мира. По сути, папа через свою буллу рекомендовал и даже требовал не только установления в Америке новых экономических отношений (читай: экономической эксплуатации), но и безусловного обращения в христианство целой части света.

Для монахов-миссионеров, военных и администраторов насаждение веры было делом как богоугодным, так и сулящим быстрое продвижение по карьерной лестнице, а для людей с авантюрным складом души еще и новым захватывающим приключением. Крещение народов Америки преследовало грандиозную цель – основание на многолюдном континенте «Нового Иерусалима»; причем успех данного предприятия во многом компенсировал бы потери католицизма в борьбе с протестантизмом в Европе. Первыми в евангелизации Америки стали францисканцы. Встрепенувшийся после успешной испанской реконкисты орден, фаворит и любимец испанской короны и самого Кортеса, основал в 1524 году свою первую миссию в Мексике, в будущем Мехико. Францисканцы, энергичные, вооруженные тысячелетней убежденностью люди, нацелились на полную христианизацию мира до Второго Пришествия – события,

обуславливающего их детерминистический взгляд на цикличность истории. Кстати, взгляд очень даже родственен воззрениям майя. Для того чтобы успешно выполнить свою задачу и покончить с индейской культурой, францисканцам предстояло изучить и понять традиции и верования народов, которые они хотели обратить в католическую веру.

Наиболее известным францисканцем-миссионером, побывавшим среди ацтеков, являлся брат Бернардино де Саагун. Он прибыл в Мексику в 1529 году и провел там более 10 лет, все это время документируя события тех лет, а также высказывания и повествования поверженной уже ацтекской знати. Запись таких бесед вел как сам брат Бернардино, так и его ученики – грамотные молодые ацтеки-католики. В итоге все записи были собраны в единый труд – «Всеобщая история вещей Новой Испании», более известный как «Флорентийский кодекс». Большой всеобъемлющий труд из 12 отдельных книг, написанных как на испанском, так и на ацтекском языке науатль, включающий в себя более двух тысяч иллюстраций, – это самый детализированный отчет, выполненный во время конкисты. Что касается майя, то документальные источники, проливающие свет на жизнь и историю этого народа, более чем скудны. Помимо рутинных отчетов администраторов и повествований самих конкистадоров, сохранились довольно спорные труды одного из францисканцев, осуществлявшего свою миссионерскую деятельность на Северном Юкатане, а именно, брата Диего де Ланда.

Неоднозначная и противоречивая фигура де Ланда еще не раз появится на страницах этой книги. Прежде всего, он известен тем, что в 1562 году, узнав о возвращении части вновь обращенных в христианство к старой практике «идолопоклонства», де Ланда подверг страшным пыткам и экзекуциям тысячи майя, сжигая и вешая их без разбору. Дело дошло не только до разрушения бесчисленных святилищ и идолов, но даже битья и разламывания утвари, жертвенных костей и прочей «языческой мерзости». Уже много позже, отозванный на родину из-за чрезмерного усердия и превышения полномочий, он создал (скорее, в качестве искупления грехов) большое и детализированное описание народа, который совсем недавно истязал и выжигал каленым железом. В своем труде де Ланда подробно рассказывает о религиозной практике майя, их обычаях, ремеслах, одежде, об их сельскохозяйственной деятельности и письменности – в общем, об их будничной, повседневной жизни.

Диего де Ланда.
Один из немногих известных
портретов

Очевидно, что к труду де Ланда нужно подходить осторожно, учитывая его собственный неоднозначный взгляд на майя и то обстоятельство, что труд этот неоднократно переписывался, и ученые до сих пор не располагают первоисточником. И все же «Сообщение о

делах в Юкатане» остается до сих пор единственным более или менее правдивым, полным (в отличие от сухих бюрократических отписок) произведением, проливающим свет на общество майя в первые десятилетия после начала испанского завоевания. В своем труде де Ланда даже пытается провести археологический и ретроспективный анализ истории майя, он повествует об их преданиях и мифах, что делает этот труд еще более любопытным.

Де Ланда прибыл на север Юкатана в 1549 году. Человек экстраординарный, энергичный, любознательный, он быстро выучил язык майя и в первые годы своей миссии много путешествовал по полуострову, посещая множество деревень и беседуя с местными жителями. Особенно часто он общался со знатью и хранителями местных традиций и сакральных ритуалов. К тому времени майя уже не оставляли письменных памятников, не строили каменные храмы, как в классический период, однако среди новых знакомых де Ланда оказалось немало тех, кто еще владел письменностью и мог рассказать много интересного и важного из истории своего народа. Общаясь с ними, миссионер сначала научился записывать дни недели и месяцы древнего календаря, сопроводив иероглифы испанской транскрипцией. Затем он выяснил соответствие дат календаря майя с датами юлианского календаря, что оказалось очень кстати: три столетия спустя ученые воспользуются данными де Ланда для точной корреляции двух календарей. И еще: один из знатных людей майя, названный на испанский манер Гаспаром Антонио Чи, пока-

зал де Ланда написание некоторых иероглифов, которые впоследствии также послужат ключом к дешифровке письменных памятников майя.

Де Ланда постарался точно охарактеризовать особенности общества майя, их социальную иерархию, роль жрецов, хранителей древних знаний и даже попытался заглянуть в прошлое этого народа. Он пришел к верному выводу, что расцвет майя остался позади, и по какой-то причине развитие их общества затормозилось и даже пошло вспять. Особенно поразили де Ланда архитектурные памятники:

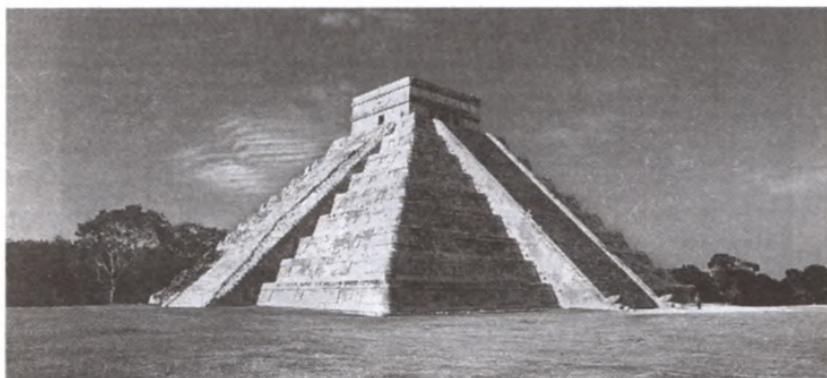
Имя и репутация Юкатана сильны, прежде всего, из-за множественности, величественности и красоты зданий, в то время как слава других земель Индий – в золоте, серебре и богатстве. Его величие такое же, как у Перу или Новой Испании. По правде говоря, все эти здания и их число даже более значимы, чем все то, что мы к этому дню открыли в Индиях; их так много, и они так хорошо построены из обточенного камня, что заставляют удивляться кого угодно.

В следующем пассаже де Ланда описывает урбанистические достоинства городов майя, планировку которых археологи называют достойной современного «города-сада». Поделился де Ланда и своими наблюдениями об устройстве общества майя:

До того как испанцы пришли в эту страну, местные обитатели жили в основном в городах весьма цивилизованным образом. Они очищали

свои земли от сорняков и высаживали очень полезные растения. Место их обитания выглядело следующим образом: в центре города располагались их храмы и красивые площади, а вокруг храмов стояли дома их властителей и жрецов... а вокруг городов располагались дома людей из низших классов.

Де Ланда старательно описывал все свои посещения городов майя, не забывая делать зарисовки и планы наиболее выдающихся архитектурных памятников, таких, как большая пирамида Эль-Кастильо (Кукулькана) в Чичен-Ице и городская площадь в Тихоо. На зарисовке пирамиды Эль-Кастильо, например, де Ланда обозначил ступени, грани и их ориентацию по сторонам света. «Чичен-Ица, – указывал миссионер, – вообще замечательное место со множеством величественных зданий». Он указал, что просторные городские площади были когда-то вымощены известняковыми плитами и что широкая и красивая лестница ведет к колодезю, находящемуся на высоте двух бросков камнем. В этот колодезь по обычаю сбрасывали живых

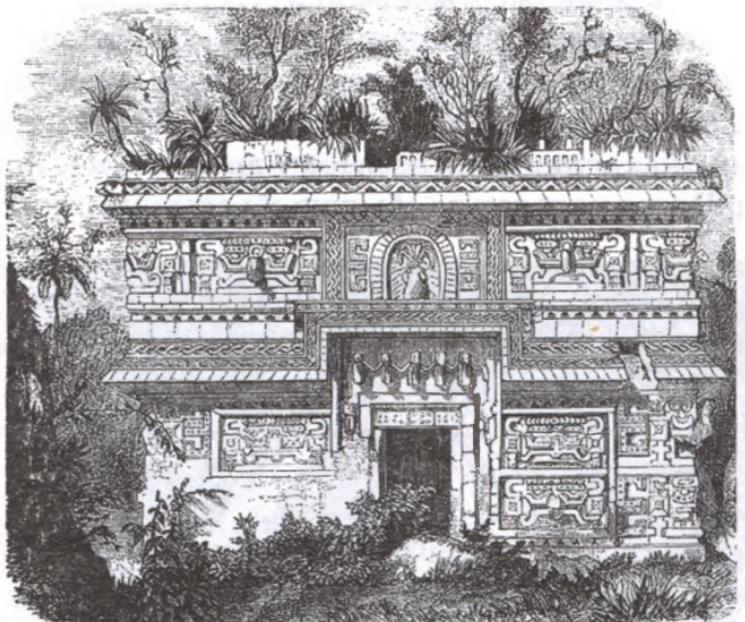

Пирамида Эль-Кастильо в Чичен-Ице

людей, задабривая богов во времена засухи. Майя также бросали туда множество различных предметов, таких, как драгоценные камни, и вообще любые вещи, которые считали ценными.

Описания услышанного и увиденного свободны от мифов о жертвоприношениях красавиц-девственниц, которым, якобы, устраивали специальный отбор. Скорее всего, это выдумки более позднего времени. Де Ланда обратил внимание, что и во время конкисты Чичен-Ица и остров Косумель по-прежнему оставались священными, «действующими» сакральными местами для майя: «Для них Косумель и Чичен-Ица – места такие же почитаемые, как для нас Иерусалим или Рим».

От добросовестного и внимательного де Ланда не ускользала ни одна деталь. Так, он заметил (и

Женский монастырь в Чичен-Ице

его это впечатлило), что одежда на героях бесчисленных барельефов и скульптур в точности походила на ту, которую носили майя в XVI столетии. А однажды он оказался в ситуации, когда:

В одном здании находилась вместительная урна, в которой мы обнаружили пепел и кости сожженного человеческого тела, и в пепле виднелись три красивые каменные бусины, похожие на те, что сейчас используют вместо денег. Данный факт указывает на то, что именно индейцы были строителями этих зданий. Очевидно, те люди превосходили нынешних, в том числе в росте и силе.

Свои предположения де Ланда строит на основании того, что обнаруженные кости оказались необычайно крупными, да и ступени на пирамидах имели такие размеры, будто были специально рассчитаны на людей более крупной расы. Хотя мы и не можем слепо верить в рассказы де Ланда о размерах найденных им костей, однако последние исследования скелетов майя, живших за столетия до миссионера, действительно указывают на то, что они в основном были крупнее своих потомков эпохи испанской конкисты. И, конечно же, считать де Ланда «археологом» можно с большой натяжкой – ни знаний, ни опыта в этой области у него не было, поэтому относительно достоверными мы можем считать лишь те его сведения, которые способны проверить сегодня. В чем де Ланда точно не ошибся, так это в том, что все здания были построены далекими предками современных ему майя.

Город Исамаль, расположенный между Мери-

дой и Чичен-Ицой, – самый крупный центр из описанных де Ланда. Миссионер писал, что город может похвастаться одиннадцатью или двенадцатью пирамидами и храмами «просто изумительной высоты и красоты». Исамаль стал главной базой миссионерской деятельности де Ланда, и именно здесь, по его словам, «индейцы вынудили нас своим упрямством основать в 1549 году в строении, которое мы назвали Сан-Антонио, часовню, оказавшую нам огромную помощь в обращении индейцев в христианскую веру». Францисканцы, в конце концов, простроили свою церковь на фундаменте разрушившегося древнего здания майя, перетащив для строительства каменные блоки, выломанные из соседних пирамид. Эта церковь, дошедшая до наших дней, ничем не примечательна, если не считать того, что широкая, обращенная на запад мостовая, ведущая к дворику под сводчатой галереей, была сконструирована лично де Ланда. Он мыслил, что эту мостовую заполняют толпы новообращенных индейцев, спешащих на церковную службу. Однако мечтам миссионера не суждено было сбыться еще долгое время. Испанцы отчего-то решили, что, разрушив одну культуру, они смогут на ее обломках быстро построить другую. Они ошиблись. Вырвать с корнем языческие верования не удалось.

К 1562 году де Ланда и его соратникам стало ясно, что их надежды на окончательную христианизацию туземного населения не оправдались. В тот год миссионеры обнаружили несколько пещер, где майя отправляли свои ритуалы и даже продолжали практику человеческих жертвоприношений.

В итоге в отношении местного населения была развязана кровавая оргия пыток и убийств. Всю полноту ужаса испытал на себе маленький городок Мани, истязаемый испанской инквизицией в течение трех месяцев. Всякий вероотступник, на которого указывал любой из братьев-францисканцев, немедленно подвергался наказанию: в лучшем случае избивению плетьюми, а в худшем – его сжигали на костре.

В первые дни и месяцы миссионерского служения де Ланда заинтересовался манускриптами, увиденными у своих знакомцев-информаторов из числа майя. Эти бесценные манускрипты содержали исторические хроники, священные пророчества и предсказания. Страницы, сделанные из коры деревьев, были обработаны известковой массой и расписаны загадочными иероглифами. Обложками рукописных книг служили как правило деревянные дощечки, обтянутые выделанной кожей ягуара. В раскрытом виде некоторые книги достигали 6 метров в длину! Де Ланда повествует, что в тех книгах майя записывали «дела своих прошедших времен и что-то из своих наук». Однако далее миссионер буднично и безжалостно сообщает: «Мы нашли много книг, в которых не содержалось ничего, кроме суеверий и дьявольской лжи. Мы сожгли эти книги и с удивлением увидели, что индейцы сожалеют об этом событии так, будто бы у них случилось горе».

Костры брата де Ланда уничтожили великое культурное наследие майя, а современной науке нанесли неисчислимый урон. По всей видимости, в огне погибли сотни фолиантов; кроме того, ис-

панцы разбили и разрушили огромное количество каменных изваяний, идолов и барельефов, которые сочли языческими и дьявольскими. К сожалению, современные археологи и историки вынуждены руководствоваться тем немногим, что брат де Ланда нам все-таки оставил: его «Сообщением о делах в Юкатане». Произведение это неоднозначное, но стоящее в первом ряду достаточно правдивых сочинений о майя – народе с удивительной историей, вызвавшей в Европе неподдельный интерес и восхищение.

В 1563 году де Ланда приказали вернуться домой, в Испанию, где он через три года написал свое знаменитое «Сообщение...» – книгу, которую большинство исследователей считает столь же неоднозначной, как и ее автора. Многие полагают, что де Ланда уже после написания работы добавил к первоначальному тексту пассажи, оправдывающие его жестокости по отношению к коренному населению. По словам де Ланда выходило так, будто страшный инквизиционный террор был развязан по настоянию новообращенных туземцев. Самооправдание возымело действие, и с миссионера сняли обвинения в излишней жестокости, после чего он в 1572 году с триумфом вернулся на Юкатан в качестве первого официального епископа.

Конечно же, другие путешественники и церковники кроме де Ланда оставили краткие описания городов на севере Юкатана, особенно таких, как Ушмаль и Чичен-Ица. Вообще, самое первое свидетельство на эту тему мы находим у человека, являвшегося в то время непосредственным «на-

чальником» де Ланда. Его имя – Лоренсо де Бьенвенида. В его описаниях древних Мерида и Тихоо читаем:

Среди всех индийских открытий не было ничего более интересного, чем эти здания, возведенные из больших и хорошо отесанных каменных блоков; и нет ни единого свидетельства о тех, кто это сделал. Для нас стало очевидно, что все они построены до Христа, потому что деревья, выросшие на их ярусах, такие же высокие, как и старые деревья в окрестных лесах. Посреди этих примечательных зданий мы, монахи Ордена святого Франциска, и обосновались.

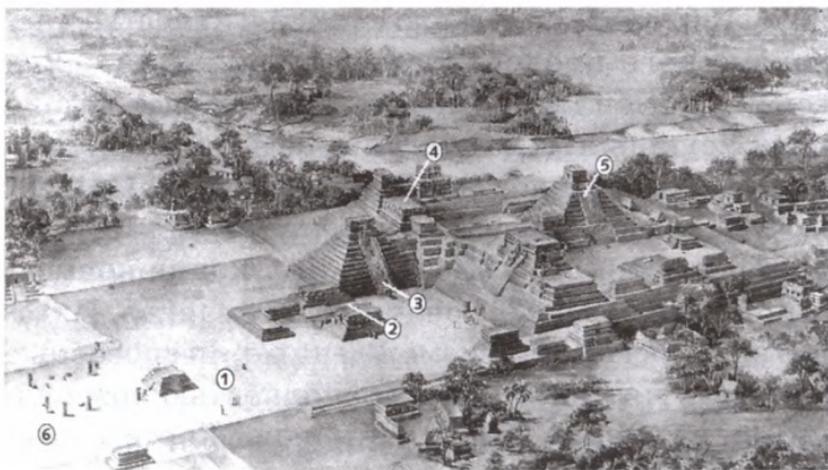
Де Бьенвенида ясно указывает на древний возраст архитектурных памятников, а также не скрывает своего восхищения их утонченностью и качеством постройки, подчеркивая при этом абсолютное их превосходство над всеми виденными остатками, принадлежащими другим обществам Месоамерики. Еще более необычным кажется описание другого великого города майя – Копана. В 1576 году офицер колониальной армии по имени Диего Гарсиа де Паласио написал в письме, адресованном испанскому королю Филиппу II: «В главном городе провинции Гондурас, называемом Копан, имеется множество руин, а также сохранились явные свидетельства некогда огромного населения и грандиозных зданий». Он подробно описал главную городскую площадь Копана и впервые упомянул о барельефах, скульптурах и стелах:

На этой площади находятся шесть огромных изваяний в виде стел. Три из них покрыты мозаикой и изображают мужчин, чьи ноги оплетены подвязками, а их оружие украшено орнаментом. Другие три изображают женщин в длинных одеяниях и с головными уборами в древнеримском стиле. Похоже, все стелы являлись идолами, так как напротив них находятся большие каменные конструкции с углублениями и желобами. В этих каменных корытах казнили жертв, чья вытекшая кровь затем удалялась посредством желобов... Кроме этих вещей есть еще много других доказательств того, что Копан был центром сильной власти, очень населенным, цивилизованным городом с развитым искусством, что видно по различным памятникам и строениям.

Помимо описания майяских древностей, несколько миссионеров занимались и лингвистическими изысканиями, что оказалось неоценимым подспорьем для окончательной дешифровки языка майя. Например, францисканец Антонио де Сьюдад-Реаль, миссионерствовавший на Юкатане, составил словарь юкатекского варианта языка майя. Этот огромный труд называется «Словарь языка мотуль». В трудах другого миссионера, брата Диего Лопеса де Когольудо, много писавшего о развалинах Юкатана, упоминаются не только деяния предшественника, брата де Ланда, но и даются написания на юкатекском языке месяцев и дней майяского календаря. А на рубеже XVIII столетия осевший в Чичикастенанго в высокогорье Гватемалы брат Франсиско Хименес написал свое исследование «Пополь-Вух,

или Книга Народа». Труд этот, сохранившийся донныне, был создан в единственном экземпляре и является прекрасным ключом к пониманию религии и космологии майя.

Несмотря на всеобщее и, без сомнения, искреннее восхищение всем увиденным, испанцы более не предпринимали попыток организовать серьезную экспедицию для поиска новых затерянных в сельве городов и прочих свидетельств древней истории майя. Заря «археологии», как считается, наступила именно в ту эпоху, но, скорее всего, научно-исследовательские старания испанцев преследовали не столько абстрактное изучение наследия майя, сколько полное и безоговорочное уничтожение их культуры. Видимо, убедив себя, что остатки культуры (а в более широком смысле

Копан. Предполагаемое изображение центра города, выполненное Татьяной Проскуряковой.

Таким мог быть Копан в конце позднеклассического периода:
1. Центральная площадь; 2. Поле для игры в мяч; 3. Лестница с письменами; 4. Храм 22; 5. Храм 16; 6. Площадь стел

и религиозных верований) не представляют опасности для христианизации туземцев, испанцы успокоились. Да и зачем лезть в сельву, если золота там отнять не у кого, а других полезных ископаемых, кроме известняка (на пластах известняка стоит весь Юкатан), не найдено?

Единственное, прямо-таки эпическое, путешествие сквозь равнины Юкатана было предпринято после падения Теночтитлана лишь самим «Одиссеем Нового Света» – Эрнаном Кортесом, да и то по причинам весьма прозаическим и даже неприятным: великий конкистадор спешил в Гондурас, где один из испанских гарнизонов поднял мятеж против Короны. Кортес выступил с побережья Мексиканского залива в конце 1524 года вместе с 230 своими соратниками и 3 тысячами индейских воинов, прихватив с собой артиллерию, 150 лошадей и стадо свиней в качестве «передвижного продовольственного склада». Его войско углубилось в Табаско, проследовало вдоль реки Усумасинты до впадения ее в реку Сан-Педро, а затем оказалось в густых джунглях Петена. Через полгода обессилевшие остатки армии Кортеса достигли озера Исабаль и, в конце концов, вышли к побережью Гондурасского залива. Изъеденные москитами, изможденные, неспособные пройти и пяти миль в день, полностью потерявшие ориентацию во времени, люди Кортеса вписали ярчайшую страницу в историю испанского завоевания Америки и в историю восхождения своего предводителя. Эта редко вспоминаемая одиссея, без сомнения, стоит в одном ряду с самыми замечательными приключениями главно-

го авантюриста и конкистадора – такими, как поиск страны Эльдорадо в амазонской сельве.

На пути к Петену, на берегу озера Петен-Ица, произошло поистине легендарное историческое событие: отряд Кортеса наткнулся на одно из государств майя, продолжавшее существовать еще со времен классического периода. Кортес повстречался с Кан Эком, правителем народа ица. Любезно пригласив испанцев в гости, правитель перевез их на многих каноэ на другой берег озера, где располагался его город Тайясаль, нынешний Флорес. Там группа братьев-миссионеров затащила свою хоровую мессу, которая до того растрогала вождя, что тот под впечатлением, прослезившись, принялся крушить своих идолов. Оставалось только подчиниться испанской короне, что Кан Эк и сделал. Говорят, что в порыве страсти правитель самолично взялся выхаживать больную лошадь Кортеса, хотя смертельно боялся этого странного, чудовищного животного, никогда раньше не виденного. Так говорит легенда. Больше Кортес с Кан Эком никогда не встречались, а сам Тайясаль просуществовал еще долгие годы как совершенно независимое государство, совершенно не тронутое испанцами.

Кроме Тайясаля мы не находим в испанских хрониках ни одного упоминания о каком-либо еще крупном городе майя, спрятавшемся в джунглях. Нет упоминания даже о покинутых остатках или руинах, ныне известных, хотя отряд Кортеса прошел рядом со многими из них. Если не считать некоторых миссионеров, по собственной инициативе проявлявших исследовательскую актив-

ность, особенно в XVII веке, леса и джунгли никто не изучал. Они по-прежнему оставались глухими и девственными районами и еще многие годы служили убежищем для беглых майя, не желавших терпеть испанский террор.

Проходили годы, осыпались стены построенных некогда величественных зданий, джунгли все больше поглощали давно покинутые города, а книги, манускрипты и другие свидетельства цивилизации майя, превратившись в археологические материалы, пылились на полках библиотек и музеев, забытые и пока бесполезные. Знаменитый труд де Ланда, например, провел в забвении целых три века. Мексиканский историк Энрике Флорескано считает, что это не случайность, а закономерная политика. Если де Ланда и его последователи-энтузиасты пытались искоренить среди индейцев остатки язычества, то испанская корона желала вообще запретить публикацию всякой документации, касающейся новых земель. Мадридский двор желал не только отобрать у жителей Нового Света их историю, но даже запретил всякое упоминание о том, что такая история когда-либо существовала вообще. Так Филипп II, узнав об огромной коллекции свидетельств и артефактов, рассказывающих об империи ацтеков (речь идет о трофеях и отчетах, которые классифицировал и подготовил к отправке на родину Бернардино де Саагун), приказал вице-королю Новой Испании в 1577 году «раздобыть все те книги и выслать их немедленно и с предосторожностями Совету по Индиям, для того чтобы их можно было изучить и затем запретить всякому переводить их на другой язык, осо-

бенно в части суеверий индейцев и их образа жизни». Последствия такого насильственного отрицания истории ощущались до конца XVIII века.

«...Вполне можно предположить...»

Энергичный король Карл III, правивший Испанией и ее американскими владениями с 1759 по 1788 год, пытался реформировать и укрепить свою трещавшую по швам империю, а для этого требовалось как можно крепче привязать колониальные земли к метрополии. Добиться этого можно было тем, что сейчас назвали бы культурной интеграцией и поддержкой в испанской Америке идей Просвещения – того особого духа интеллектуального и научного любопытства, царствовавшего в Европе в течение всего XVIII столетия. Частью этих усилий испанского монарха стала организация нескольких естественнонаучных экспедиций в Новую Испанию, целью которых был сбор образцов местной флоры и фауны, а также внедрение на новых землях передовых промышленных и сельскохозяйственных технологий. Кстати, сам Карл, являясь до восшествия на испанский престол неаполитанским королем, слыл большим любителем истории древнего мира, и именно по его инициативе и поддержке начались самые первые раскопки в легендарных Помпеях. Тогда же он стал обладателем роскошной коллекции древнеримских и древнегреческих ценностей. Однако не только собирание древностей делает ему честь. В лучших монарших традициях эпохи Просвещения

Карл III способствовал возникновению настоящего, неподдельного массового интереса к истории отдаленных колоний, для чего назначил Хуана Баутисту Муньоса, занимавшего при дворе пост «королевского космографа», официальным «историографом Индий». В некотором смысле это был ответ на инициативу ученых из Новой Испании: к 1770-м годам они стали воспринимать историю коренных народов не как угрозу метрополии, а как предмет для научного изучения и даже часть наследия, из которого совсем скоро возникнут независимые государства Нового Света.

Пожалуй такой позитивный (и восхищенный) взгляд впервые возник с обнаружением в густых джунглях первого из великих «потерянных» городов майя, построенных в классическую эпоху, – несравненного и красивейшего Паленке. Немногие древние города – ровесники той эпохи могли сравниться с ним по утонченности и даже своеобразию местоположения. Город расположен на склоне поросшей густым тропическим лесом невысокой холмистой гряды на самом краю плоскогорья Чьяпас. К северу, до самого горизонта раскинулась бесконечная равнинная пойма реки Усумасинты, простирающаяся до лагуны Терминос, что на побережье Мексиканского залива. Паленке кажется совершенно небольшим городком, как многие поселения майя. Большая часть его спрятана в джунглях, и даже сегодня не все руины очищены от зарослей.

Центральная часть города, где лучше всего сохранились древние постройки, разделена пополам небольшой речкой Отолум. На склонах окрестных

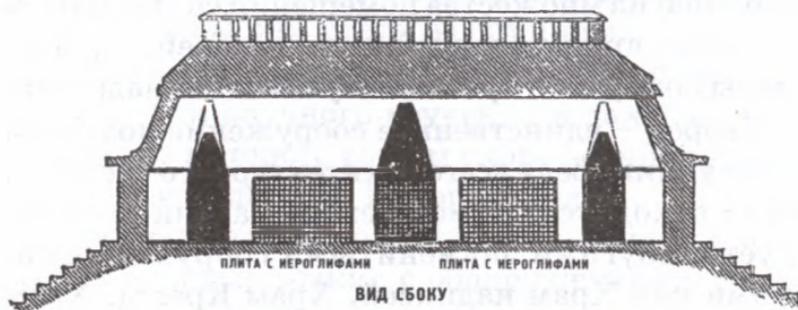
холмов виднеется множество естественных и рукотворных террас. В самом городе наиболее впечатляющий архитектурный комплекс условно назван «Эль-Паласио» – то есть, в переводе с испанского, Дворец. Он возведен на прямоугольной платформе размером примерно 90х70 метров, состоящей из множества помещений со сводчатым потолком, аркад и нескольких галерей, одна из которых окружает трехэтажную башню-надстройку. Дворец – единственное сооружение подобной конструкции среди всего архитектурного наследия майя – находится в самом центре Паленке и соседствует с другими знаменитыми сооружениями, такими как Храм надписей, Храм Креста, Храм Солнца и Храм Лиственного Креста. Все они расположены на различной высоте и окружают маленькую уединенную площадь.

Паленке знаменит во всем мире, прежде всего, благодаря утонченности и изяществу своих архитектурных шедевров, а также из-за обилия орнаментальных украшений, барельефов и лепнины. Фасады зданий, а также интерьеры Дворца и главных зданий оставили следы оригинальной яркой раскраски и до сих пор расписаны иероглифами, портретами и фигурами мужчин и женщин, изображениями совершенно реалистических сцен и сверхъестественных существ. Кстати, смысл некоторых сцен расшифрован совсем недавно.

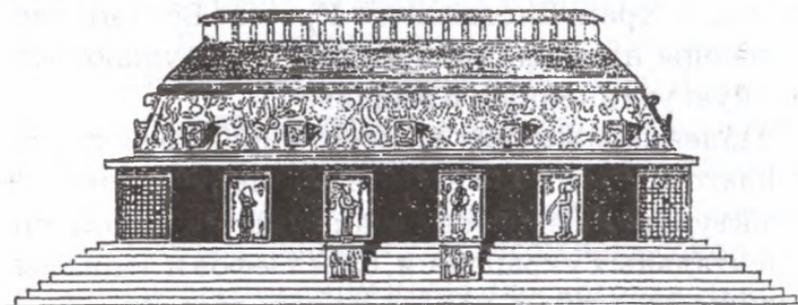
Это древнее поселение получило свое название от расположенного в семи километрах от него городка Санто-Доминго-де-Паленке, основанного в 1567 году. Однако древнее поселение хранило

ВИД НА ПИРАМИДУ

ВИД С БОКУ

ВИД СПЕРЕДИ

Рисунки и план Храма надписей,
выполненные Ф. Казервудом. Паленке

свои тайны вплоть до 1746 года, когда сведения о нем появились в отчетах местного священника Антонио де Солиса, сообщавшего, что «вырубая джунгли под посевы маиса, крестьяне наткнулись на каменные дома». Прошло еще 30 лет, прежде чем Рамон Ордоньес Агиар из Сьюдад-Реаля, нынешнего города Сан-Кристобаль-де-ла-Касас, бывший школьным товарищем одного из родственников Солиса, организовал ознакомительную экспедицию в это загадочное место, о чем сообщил Хосе Эстачерия – будущему королевскому наместнику Гватемалы. Эстачерия тотчас отдал распоряжение главному чиновнику Паленке, Хосе Антонио Кальдерону, внимательно присмотреться к руинам и прислать подробный отчет об увиденном.

Отряд Кальдерона три дня пробирался сквозь густые джунгли, пока наконец не достиг «восхитительного великого города Паленке». Кальдерон тут же назвал главное здание комплекса Дворцом, потому что «из-за его величины и устройства его нельзя назвать как-то иначе». Кроме большого Дворца он насчитал 28 дворцов поменьше, а также 197 других зданий. В своем отчете Кальдерон отметил хорошую сохранность зданий и описал различные архитектурные элементы – просторные помещения со сводчатыми потолками, патио, коридоры, галереи, Т-образные окна и массивные столообразные каменные тумбы. Он также отметил «фигуры-барельефы, выполненные с большой изысканностью на стенах Дворца», и, кроме того, сделал чернильные зарисовки этих фигур, башен Дворца и одного из рельефов Хра-

ма Солнца. В своих зарисовках исследователь хорошо передал необыкновенное изящество барельефов, их шарм и оригинальность. Что касается особенностей человеческих фигурок, то Кальдерон подметил лишь, что обувь на изображениях удивительно напоминает древнеримские сандалии. Организовавший экспедицию Эстачериа остался вполне доволен работой своего подчиненного; собственно, большего от мэра крошечного городка он и не ждал.

На следующий год заинтригованный сановный вельможа организует еще одну экспедицию, на сей раз возглавляемую известным испанским архитектором Антонио Бернаскони, который как раз в это время находился в Гватемале и помогал отстраивать новую столицу после разрушительного землетрясения 1773 года, полностью стершего с лица земли прежнюю столицу, известную под названием

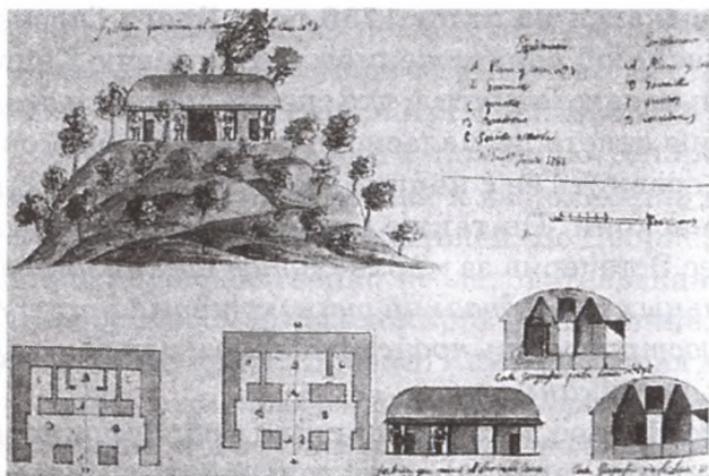

Сцена на плите Храма Солнца в Паленке.
Рис. Х. Кальдерона

Антигуа. Кальдерон на этот раз выступил в роли проводника и руководителя бригады рабочих, вырубавших джунгли там, где это было необходимо. Как можно представить, отчет Бернаскони оказался гораздо более профессиональным и квалифицированным. Он содержал в себе генеральный план местности и множество эскизов всех значительных объектов,

в том числе Дворца, храма Креста и храма Солнца. Архитектор зарисовал огромное количество барельефов, каменный трон и каменную панель с иероглифами. Однако тексты, сопровождавшие рисунки, оказались чрезвычайно скупы и лаконичны. Возможно, Бернасconi считал, что он мало что может добавить к пространному и подробному отчету Кальдерона. Кстати, последний сделал вывод, что город покинут жителями добровольно, так как нигде не отмечалось следов землетрясений или пожаров. Самому же Бернасconi показалось, что некоторые особенности майяской архитектуры, например, сводчатые потолки и аркады, отдаленно напоминают элементы готического стиля.

Довольный Эстачерия выслал копии обоих отчетов в адрес королевского двора, где их первым увидел Хуан Баутиста Муньос. Сам он никогда не был в Новом Свете, но тем не менее ему суждено было сыграть очень важную роль во всей нашей

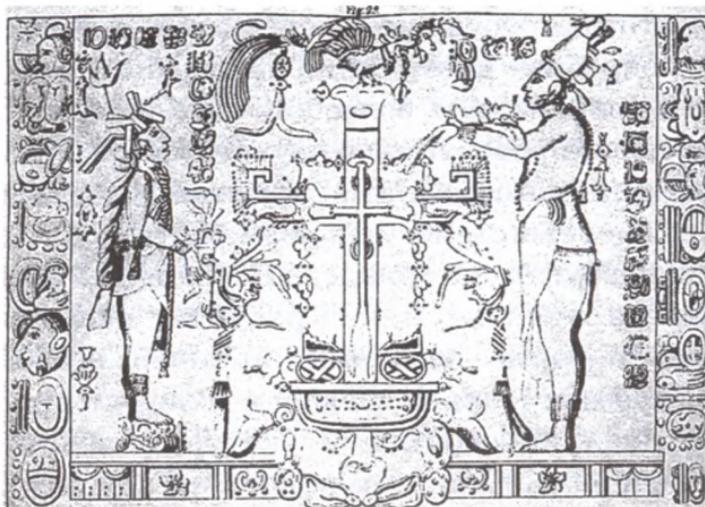
Эскизы Храма Солнца и Храма Креста в Паленке.
Рис. А. Бернасconi

истории. Предприимчивый и добросовестный ученый, проанализировав все заокеанские послышки, отчеты и архивы, пришел к выводу, что изучение, в первую очередь, комплекса Паленке представляет колоссальную научную важность. По его мнению, усилия Кальдерона и Бернаскони «дали значительные плоды», и их исследования «подтверждают правоту наших конкистадоров и историков в той части, что нужно с уважением относиться к фактам существования индейских городов». Он предположил, что Паленке являлся столицей великой державы, существовавшей до конкисты. Знакомый со всеми предыдущими источниками по тематике майя, Муньос пришел к выводу, что *«здания, до того найденные на северо-востоке Юкатана, присыпанные землей и обросшие старыми деревьями, похожи на те, что были обнаружены в Паленке и к северо-востоку от него. Там также найдены большие города со статуями и барельефами»*. В последнем случае Муньос ссылался на отчет 1756 года Диего Гарсиа де Паласио об обнаруженном в джунглях Копане. Муньос даже отметил, что специально подготовил копию отчета де Паласио для того, чтобы король мог сравнить ее с копиями отчетов Кальдерона и Бернаскони. Он также выразил благодарность в адрес Эстачериа за *«похвальную организацию детальных исследований руин, которые могут проиллюстрировать происхождение и историю древних американцев»*.

И Муньос, и король пришли к общему мнению, что нужно гарантировать дальнейшие исследования, и дали подробные инструкции, как именно

следует готовить будущие экспедиции. Эти необычайно подробные инструкции призывали исследователей использовать более научные методы. Вот один из примеров: «Нужно изучать любые камни, похожие на уже описанные, или стены, покрытые либо окаменевшим известковым раствором, либо каким-то другим материалом. Необходимо давать детальные описания, делать рисунки, определять размеры и формы камней и кирпичей, особенно используемых в арках и сводах. Следует присылать в Испанию образцы штукатурки, лепнины, кирпичей (обожженных или нет), посуду или любую другую утварь, или инструменты, которые будут найдены при раскопках».

В результате в мае 1786года наместник Эстачериа отправил в джунгли новую экспедицию, на этот раз во главе с блестящим и усердным капитаном артиллерии испанской армии Антонио дель Рио и профессиональным художником Рикардо Альмендарисом. Справедливо предположив, что дворцы и храмы вновь поглощены джунглями, испанцы наняли большое количество местных жителей для очистки цели путешествия от зарослей. Выполнив эту работу с помощью топоров и мачете, индейцы приступили к выполнению других приказов своих работодателей. Во Дворце, где началась непосредственно исследовательская работа, не осталось ни заблокированного окна, ни заваленного дверного проема. Как вспоминал дель Рио, *«не было ни комнаты, ни коридора, ни двора, ни башни, ни подземной галереи, где бы не производились раскопки»*. К счастью, они оказались не такими радикальными и разрушительными, как

Плита из Храма Креста в Паленке. Рис. Р. Альмендариса

об этом повествует дель Рио. В Испанию решили выслать 32 артефакта, включая глиняную посуду, каменные инструменты, а также образцы каменной скульптуры, фрагменты штукатурки с нанесенными иероглифами и даже основание трона из Дворца.

Альмендарис, в свою очередь, выполнил 30 рисунков, наиболее известные из которых передают нам содержание больших барельефов из Храма Креста. И хотя зарисовки иероглифов были неполными и выполнены не достаточно аккуратно, Альмендарис оказался первым человеком, представившим более или менее компетентно богатую и сложную настенную письменность Паленке. А дель Рио подготовил предметный и весьма подробный отчет. Приняв к сведению мнение Муньоса и проконсультировавшись с местным историком, он пришел к выводу, что руины Паленке принадлежат тому же самому народу, который построил

великие памятники в Чичен-Ице и Ушмале. Так кем же все-таки могли быть эти люди? Рассуждения дель Рио кажутся нам вполне логичными:

Древние обитатели этих жилищ были загадочны, но невежественны. Возможно, учитывая их мифологию и суеверия, мы должны видеть в них тех же финикийцев, греков, римлян и другие древние примитивные народы, правда, гораздо лучше описанные. По этой причине вполне можно предположить, что какой-то из перечисленных народов дошел в своих завоеваниях до этих земель, где, вероятно, оставался длительное время, достаточное для того, чтобы индейские племена смогли воспринять их идеи и в грубой и неуклюжей форме перенять те умения и искусства, которые пришельцы могли передать.

Здесь мы сталкиваемся с базовым предположением, которое на многие десятилетия станет основой многих научных построений и научных работ на тему Паленке. Кстати, когда дель Рио использовал слово «примитивные» (по-испански – primitive), он вовсе не имел в виду современные значения этого слова – «первобытный», «простой», «неразвитый». Здесь это слово употреблено в старом значении – «ранний», или «древний». То есть, как в случае с финикийцами, римлянами и греками, дель Рио хотел лишь подчеркнуть древнюю историю этих народов. В приведенном отрывке отчета капитан артиллерии называет по-настоящему простым и неразвитым народом индейцев, которые так просты, грубы и неуклюжи, что никак не могли создать Паленке собственными си-

лами и умением. Пытливый дух эпохи Просвещения, вдохновляющие напутствия Карла III и Муньоса инициировали теперь уже полноценное изучение этого великого города майя, но отнюдь не поколебали фундаментального предубеждения ученых того времени, выученного ими назубок вместе с первыми школьными латинскими глаголами, что «настоящая» цивилизация может брать свое начало только в Старом Свете.

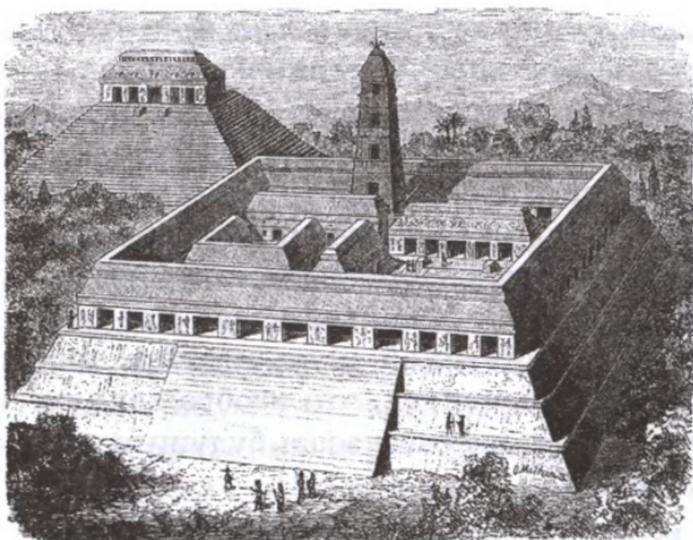
На эту концепцию можно взглянуть и с другой стороны. Диего де Ланда, например, жил гораздо ближе во времени к «доиспанским» майя и, таким образом, мог гораздо легче связать уровень развития этого народа с прошлыми достижениями своей эпохи. Те же исследователи, которые жили в XVIII и XIX веках и видели в качестве жалких остатков великой доиспанской цивилизации лишь бедных бессловесных крестьян, гнущих спину на латифундистов, просто не могли поверить, что предки этих забитых людей были способны на что-то большее. В итоге головоломка по поводу того, кто являлся строителем загадочных сооружений, решалась в пользу кого-нибудь другого: древних египтян, поскольку у них имелись пирамиды и иероглифы, иудеев, карфагенян, кельтов или даже переселенцев из затонувшей Атлантиды – словом, данный список можно продолжать до бесконечности. К величайшему сожалению, подобные взгляды, отрицающие наличие умственных и творческих способностей у аборигенов и очень попахивающие расизмом, дожили до наших дней и находят свое выражение в гипотезах о внезапном происхождении строителей этих древних памятников.

Карл IV продолжил славную традицию своего предшественника и также без устали поддерживал все новые и новые исследования Нового Света. Так, в 1804 году он командировал отставного офицера Гильермо Дюпэ исследовать не только районы расселения майя, но и всю Новую Испанию вообще. В 1807 году во время своего третьего путешествия Дюпэ добрался до Паленке в компании с художником Хосе Кастаньедой. Дюпэ оказался человеком образованным, любопытным, чутким и всесторонним. Он лично изучал древнеримские и древнегреческие раритеты. Двадцать лет, проведенных в Новом Свете (два из которых – среди руин Центральной Мексики), не пропали даром: Дюпэ основательно изучил доиспанскую культуру и архитектуру. Однако, в первую очередь, это касалось культуры ацтеков и сапотеков из Оахаки. На этот раз отставник сделал доскональное описание Паленке, а главное, гораздо лучше детализировал применявшиеся майя строительные материалы, сделал подробный анализ конструктивных и архитектурных особенностей зданий, а также тщательно зарисовал их орнамент (эту работу, конечно, выполнили участвовавшие в экспедиции художники). Барельефы на известняковых стенах впечатлили Дюпэ по технике исполнения, но еще больше он восхитился эстетикой скульптурных творений. Исследователь считал, что изображениям еще о многом предстоит рассказать будущим поколениям ученых.

Большинство фигур прямые и пропорционально сложенные. Все они изображены в профиль и

выглядят величественно; их высота превышает шесть футов (приблизительно 1,83 м), а позы, осанка свидетельствуют о полной внутренней свободе и достоинстве. Многие держат в руке некое подобие жезла или посоха, у ног более крупных фигур склонились в благодарственных позах фигурки поменьше; и почти все они окружены рядами иероглифов.

Дюпэ предположил, что фигуры с посохами — это городская знать, а иероглифы рассказывают о городе и его хозяевах. Сами иероглифы, если это действительно письменность, показались Дюпэ совершенно не похожими на иероглифы Древнего Египта. Они даже не походили на письмено-рисунки соседних с майя народов Мексики. Вытянутые, уплощенные головы многих фигур навели Дюпэ на мысль, что изображенные существа при-

Дворец и смотровая башня, Паленке

надлежат к совершенно особой, необычной расе и совсем не похожи на окрестное индейское население. И уж абсолютно мистически, как показалось исследователю, выглядел главный барельеф Храма Креста. Между двумя человеческими фигурами находилось изображение, напоминавшее греческий крест, «не тот латинский крест, к которому мы все привыкли». Как и Бернаскони, Дюпэ убедился, что увиденные им образцы искусства не имеют ничего общего ни с одной известной культурой. Он допускал, что, возможно, местный народ испытал какое-то культурное столкновение с другой цивилизацией, но должно было пройти так много веков независимого развития, чтобы пусть даже пришедшее со стороны искусство стало таким самобытным и не похожим ни на какое другое.

Отчеты Дюпэ и дель Рио отправили в Испанию, аккуратно сложили в архивах, после чего о них долгое время никто ничего не слышал. Сам же Дюпэ осел в Мехико, чему способствовали довольно трагические обстоятельства, происходившие на далекой родине. Дело в том, что в 1808 году Наполеон, находившийся тогда в зените славы, вторгся в Испанию, прогнал короля Кала IV и посадил на трон своего брата Жозефа Бонапарта. Хотя династию Бурбонов и восстановили в 1814 году, короткий миг свободы от ослабевшей метрополии вызвал в новых землях неистребимое стремление к независимости, каковой Мексика и добилась в 1821 году. Конечно, в эти «горячие» времена ни о каких исследованиях империи майя речи не велось.

Между тем в эту эпоху взоры любителей старины (во всех смыслах) были прикованы к Египту, а точнее, к долине Нила, а еще точнее, к непобедимой армии Наполеона. Она вторглась в Египет в 1798 году и сопровождалась специальной «Комиссией по искусству и науке», а также сонмом исследователей, картографов и художников. Вся эта «спецбригада» в течение трех лет бродила вдоль Нила, описывая и зарисовывая все, что мало-мальски относилось к истории Древнего Египта. Первые публикации, прекрасно оформленные и иллюстрированные, увидели свет уже в 1809 году. Речь идет о превосходном двадцатитомном труде «Описание Египта», впервые показавшем человечеству величественную панораму Древнего Египта. Без сомнения, этот труд составил славу французского Просвещения.

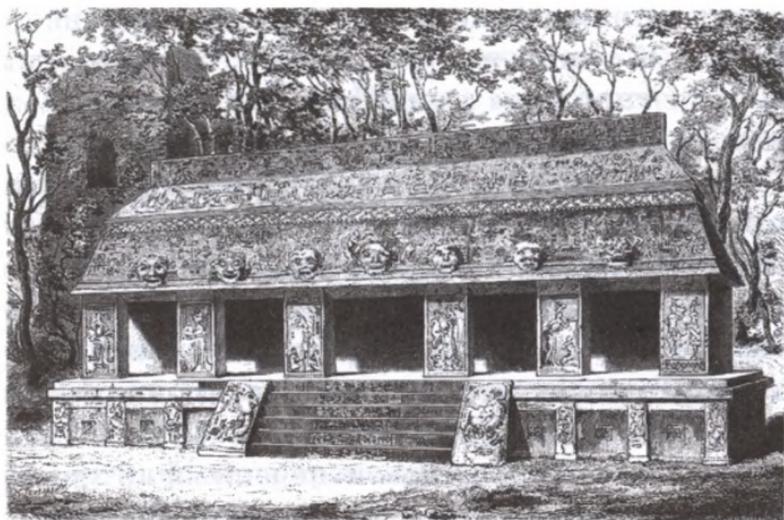
Страна фараонов, конечно же, будоражила людские умы и раньше, однако именно в результате деятельности наполеоновской «Комиссии», а также работ итальянского энтузиаста Джованни Бельцони возникла такая научная дисциплина, как египтология.

А земли майя еще ждали свою «Комиссию» и «своего Бельцони», и, к счастью, на волне успехов египтологов появились два человека, которым и суждено было превратить разрозненные работы по изучению майя в целостную науку.

В 1822 году, по окончании первого всплеска египтомании, на мировую научную сцену вышел Шампольон, положивший начало методичной расшифровке древнеегипетских иероглифов. В тот же год в Лондоне увидела свет тоненькая книжечка,

озаглавленная «Описание руин одного древнего города». К удивлению читателей, этим «одним древним городом» оказались ни Мемфис, ни Фивы, а... Паленке. Как же это произошло?

Одну из копий отчета дель Рио увидел некто Паоло Феликс Кабрера, итальянский авантюрист, аферист, антиквар и вообще страстный любитель звонкой монеты. К тому же итальянец, судя по всему, не был лишен литературного дара, потому что прочтение отчета подвигло его на написание своего собственного трактата «Teatro Critiko Americano», в котором новоиспеченный литератор утверждал, что семена цивилизации в Новом Света посеял не кто иной, как Вотан, сын Геркулеса (так у автора. – *Прим. ред.*). Рукопись итальянца попала в поле зрения некоего доктора М. Кея, увезшего ее в Лондон, где ее перевели и опубликовали вместе с 17 рисунками Альмендариса и отчетом дель Рио. Книга была напечатана в издательстве Генри Бертхауда, а оформлена художником Жаном Фредериком Вальдеком. Запомним: это было первое в мире печатное издание, посвященное майя. Интерес к книге мало-помалу рос, и, что самое забавное, она начала обрастать комментариями читателей! Например, некто Джон Ранкин вполне серьезно утверждал, что «Гватемала и Юкатан знамениты руинами Паленке, которые несут явные свидетельства того, что они некогда были заселены азиатами, турками, монголами и калмыками. Прибытия татар в Америку в количестве от 544 до 1283 человек... оказалось достаточным для того, чтобы объяснить все важное, что касается Америки».

Храм надписей, Паленке

Отчет Дюпэ и рисунки Кастаньеды также были опубликованы в Лондоне. Эдвард Кинг, лорд Кингсборо, включил их в шестой том «Мексиканских древностей». Этот роскошный и чрезвычайно дорогой девятитомник издавался между 1830 и 1848 годами, и в нем воспроизведены все мексиканские артефакты из европейских коллекций, включая «Дрезденский кодекс майя». Если воспроизведенные шедевры для науки бесценны, то мнение самого лорда Кингсборо примитивно и неинтересно: он решил, что предки американских индейцев – заблудившиеся племена Израиля. Эта версия в той или иной интерпретации «гуляла» среди исследователей со времен конкисты. И, как всегда, самые эксцентричные, самые нелепые теории рождались в головах тех кабинетных историков, кто городов майя и в глаза не видел.

В 1834 году труды Дюпэ и Кастаньеды появи-

лись в Париже, в двухтомнике, традиционно озаглавленном «Мексиканские древности». Добавим, что двухтомник этот вызвал во Франции огромный интерес. И на этот раз главной темой комментариев стала связь между древними американскими культурами и другими цивилизациями. В этой череде комментаторов хотелось бы отметить француза Александра Ленуара, воздержавшегося от очередной попытки установить связь культуры коренных народов Америки с заокеанскими «родственниками». На этот раз пытливый читатель попытался определить хронологию появления на свет древних артефактов, и вот что у него вышло:

1. Мексиканские древности. Если они принадлежат, как говорят, ацтекам... то их появление на свет восходит к XII веку. 2. Доацтекские древности возникли еще раньше и принадлежат тольтекам. 3. В Гватемале и на Юкатане найдены предметы, сходные с артефактами из Паленке, и их возраст уходит в такую тьму веков, что сказать что-либо определенное об их происхождении невозможно.

Выводы и рассуждения француза ученым той поры показались наиболее правильными, как и вывод о том, что научные исследования нужно продолжать.

К концу 20-х годов XIX столетия политическая обстановка в Центральной Америке кардинально изменилась: Мексика провозгласила свою независимость, а Гватемала и Гондурас стали частью новой Центральноамериканской Конфедерации – нестабильного образования, которому, в кон-

це концов, суждено было рассыпаться на созвездие государств, которые мы знаем и поныне. Испания уходила с насиженных земель, а новые страны заявляли о себе, открываясь внешнему миру. Так же, как и в Восточную Европу 1990-х годов, в новорожденные государства хлынули потоки инвесторов, коммерсантов и предпринимателей в поисках удачи, с целью приложения капитала и получения большой прибыли. Как водится, для продвижения всех этих экономических интересов потребовались дипломаты, консультанты и прочий заинтересованный люд. Кроме того, мифология освоения диких земель влекла авантюристов всех мастей, искателей лучшей жизни, любопытствующих и просто романтиков. Среди них выделяются два персонажа, оказавшихся в нужное время в нужном месте. Без сомнения, самый выдающийся из этих персонажей – Жан-Фредерик, «граф» Вальдек. Именно этот мастер создал прекрасные гравюры-иллюстрации для английского издания 1822 года, что явилось огромным достижением не только для художника, но и всего мирового искусства книжной иллюстрации в целом. О «графе» Вальдеке рассказывали разное. Сам он утверждал, что родился в 1766 году не то в Париже, не то в Праге, не то в Вене. Он являлся, якобы, потомком какого-то австрийского аристократа и даже хвастался множеством принадлежавших ему титулов, включая «барона» и «графа». Вальдек утверждал также, что в возрасте 14 лет он отправился в научную экспедицию на юг Африки, а затем вернулся в Париж, где учился ремеслу художника у таких мэтров, как великий представитель нео-

классического стиля Жак-Луи Давид, и даже у его учителя – Жозефа Вьена. Не забывал Вальдек упоминать и о том, что в 1794 году он находился бок о бок с самим Наполеоном при осаде Тулона, а затем сопровождал императора во всей итальянской компании и, конечно же, под жарким египетским солнцем. Затем Вальдека ждали другие, не менее интересные авантюры, в том числе участие в отряде лорда Кохрейна, в 1819 году освободившего Чили от испанского владычества.

Живость характера и столь блестящая и разносторонняя карьера позволяли новоиспеченному художнику свести дружбу со многими влиятельнейшими людьми той эпохи. В Англии, например, Вальдек приятельствовал с королем Георгом III, премьер-министром Питтом, лидером вигов Фоксом и первым денди Бо Браммелем. Не остался в стороне даже лорд Байрон, с которым Вальдек встретился в одном из шотландских замков. По ту сторону Ла-Манша Вальдеку удалось подружиться с Робеспьером и Марией-Антуанеттой. Последнюю художник часто посещал в тюрьме, где, уже приговоренная к смерти, королева ждала своей участи. И все это, как говорил биограф Вальдека Роберт Брунхаус, всего лишь его «юно-

Жан-Фредерик Вальдек
в последние годы жизни

шеские» проделки (хотя художнику в то время было уже хорошо за пятьдесят). Вообще же его фантастическая жизнь авантюриста, повесы, художника и лгуна длилась целых 109 лет. Умер Вальдек в 1875 году, сидя за столиком летнего кафе на Монмартре. Говорят, завидев мимо проходившую хорошенькую девушку, художник чересчур резко повернул голову и, потеряв сознание, скончался. Как бы там ни было, но те годы, которые Вальдек посвятил изучению майя, оставили в науке неизгладимый след.

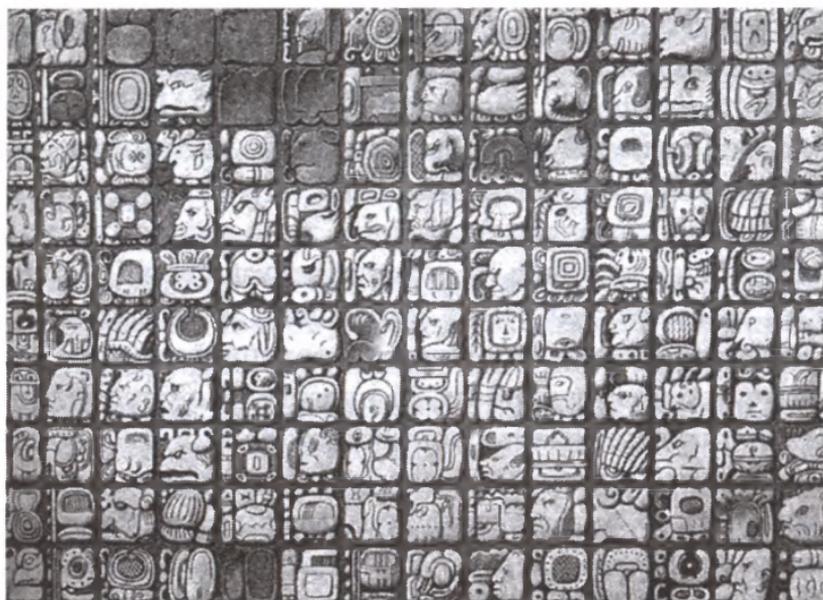
Поработав в Западной Мексике горным инженером в составе одной британской компании (было в его биографии, представьте, и такое!), он скопил необходимые средства и отправился в мае 1832 года в Паленке. Там он поселился во Дворце, где прожил целый год до тех пор, пока его не выжили надоедливые тихие мыши. Пришлось переселиться в другое место – художник соорудил некое подобие хижины под стенами Храма Креста. Похоже, что он все-таки не жил в здании, называемом сегодня Храм графа, которое находится к северу от Дворца. Вальдек прибыл в Паленке в самом начале сезона дождей, поэтому условия для работы были просто ужасные. Художник постоянно жаловался на клещей, комаров и сырость. И все же, несмотря на годы (Вальдеку было за 60), сделать ему удалось очень многое. В общей сложности Вальдек выполнил около сотни зарисовок, часть которых сейчас хранится во Франции, а часть – в библиотеке Ньюберри в Чикаго (США).

Большинство карандашных рисунков исследователя и по сей день производит чрезвычайное впе-

чатление. Художник оставил нам планы и разрезы зданий, зарисовки нанесенных на плоские плиты иероглифов и деталей барельефов. Некоторые его рисунки имеют непреходящее историческое значение и по той еще причине, что объекты, с которых эти рисунки делались, либо разрушились, либо исчезли вовсе. К сожалению, в своих рисунках Вальдек допускал вольности и неточности. Особенно он грешил этим по возвращении на родину, пытаясь рисовать по памяти. Не упустил он и случая высказать свою точку зрения на происхождение народа майя: «Лицом они походят на халдеев, но, судя по телу, они могут быть и потомками индусов».

Не только Вальдека смутили иероглифы, напоминающие маримбу – музыкальный инструмент африканских рабов, завезенных в Новый Свет в колониальную эпоху. Другая вековая загадка, не дававшая покоя поколениям ученых, – иероглифы с изображением слоновьей головы с явно различимым хоботом. Особенно бросаются в глаза «слоны», вырезанные на каменной стеле в Копане. Какие же это могли быть слоны, если не индийские? Кстати, «слоны» виделись исследователям аж до конца 1920-х годов.

После Паленке Вальдек, финансируемый добрейшим лордом Кингсборо, перебрался в Ушмаль – еще один памятник строительному гению майя. Кстати о лорде Кингсборо: очень скоро он умрет в долговой тюрьме, обанкротившись именно из-за непомерных вливаний в мексиканские научные экспедиции. Сам же Вальдек, выполнив свою работу в Ушмале и проведя в Мексике в об-

Иероглифы из Храма надписей в Паленке,
зарисованные Ж.-Ф. Вальдеком

щей сложности 11 лет, вернулся во Францию, где тотчас же принялся превращать карандашные наброски в основательную литографию. Необходимо отметить, что в 1830-х годах публика буквально жаждала остросюжетных историй об освоении далеких экзотических стран. И такие истории в виде изданной в 1838 году книги «Увлекательные путешествия и археология в провинции Юкатан» Вальдек публике преподнес. Правда, книга не имела ни коммерческого успеха, ни благожелательной критики. Много позже, в 1866 году, на свой сотый день рождения мэтр получил в подарок иллюстрированную его же пятьдесятью литографиями книгу «Древние памятники Паленке и других городов, принадлежавших древней цивилизации Мексики». Рецензировал книгу французский ученый

Брассёр де Бурбур. К тому времени достижения Вальдека затмили другие, не менее удачливые путешественники, однако не вдохновил ли их на такие подвиги во имя науки публицистический и художественный дар великого мэтра?

Другой видной фигурой того периода можно считать Хуана (по рождению Джона) Галиндо, родившегося в Дублине в 1802 году. Его отец Филемон считался англичанином, однако имел испанские корни, а мать – ирландские. Оба родителя были неудачливыми актерами, поэтому Филемон подрабатывал уроками фехтования, а заодно и «ролью» любовника известной актрисы Сары Сиддонс. Разочарованный богемным, но безденежным существованием Джон, которому не исполнилось и двадцати, отправился в Америку, рассчитывая либо осесть на Ямайке у своего дяди-плантатора, либо податься в Чили, где довольно много ирландцев участвовало в тамошнем национально-освободительном движении. Однако деятельный молодой человек оказался в совершенно другом месте – Гватемале. Несмотря на молодость, Галиндо быстро сделал карьеру в армии генерала Морасана, основателя Центральноамериканской Конфедерации, и в

Полковник Хуан Галиндо

награду за верность и мужество получил в управление провинцию Петен и широкие полномочия по усмирению «диких» индейских племен.

В апреле 1831 года новый губернатор посетил Паленке и составил подробный отчет, в том же году появившийся в лондонской «Литературной газете». В своей статье он мало упоминает о трудах предшественников, зато очень подробно повествует о своих исследованиях.

Галиндо не заинтересовался одеждой изображенных на барельефах фигур или особенностями их внешнего вида, чему немало времени посвятил Дюпэ, зато он обнаружил некую преемственность между древним, запечатленным в камне народом и современными ему майя: «Во всем обнаруживается свидетельство того, что тот удивительный народ физически ничем не отличается от современных индейцев». А затем, размышляя над иероглифической письменностью, он замечает:

Я увидел достаточно для того, чтобы убедиться, что бывшие обитатели этих руин создали высокую цивилизацию и владели искусством выражать звуки с помощью знаков... Я также полагаю, что язык майя произошел от них: на нем до сих пор говорят все индейцы, живущие на Юкатане в провинции Петен и в восточной части Табаско.

В 1834 году правительство Конфедерации поручило Галиндо подготовить официальный отчет о Копане, с чем молодой губернатор справился блестяще. «Сразу видно, что Копан и Паленке имеют одно и то же происхождение, несмотря на то, что

между обоими городами есть существенные отличия, — писал он в отчете. — Похоже, архитектура Паленке кажется более величественной только в силу своей лучшей сохранности». Галиндо заметил различия в технике строительства и в архитектурных стилях, а также обратил внимание на то, что в Копане находится множество каменных стел, опоясанных вырезанными фигурами, орнаментом и иероглифами, в то время как в Паленке предпочтение отдавали каменным плитам, украшенным скульптурными барельефами. Но все эти различия меркнут перед тем фактом, что повсюду изображены письменные знаки, без сомнения, принадлежащие одному и тому же языку либо очень сходным языкам. «Эти иероглифические письмена выражают звуки, и эта письменность, конечно, гораздо более развита, чем мексиканские рисунки или древнеегипетские символические иероглифы, изображающие в основном простые предметы».

Проведя в Копане десять недель, Галиндо не только приготовил подробный отчет, но и разослал множество писем в «Литературную газету», американские и французские научные общества и даже провел несколько археологических раскопок. В восточной части комплекса речка Копан изменила свое русло и обнажила ту часть города, которая была скрыта от людских глаз, вероятно, не менее тысячи лет. Галиндо обратил внимание, что в одном месте высохшее русло необычайно глубокое и имеет чересчур уж ровные края. Оказалось, что это выложенные камнем стены, скрывавшие древние захоронения. В ходе раскопок Галиндо сумел проникнуть в одну из погребальных

камер, где обнаружил более 50 глиняных горшков (многие из них с человеческими костями), большое количество морских раковин, обсидиановые ножи, нефритовые бусины и даже маленькую нефритовую маску. Все это лежало на полу, покрытом известняковой плиткой. Галиндо измерил помещение и определил, что оно ориентировано «строго с севера на юг, по стрелке компаса, который в этих местах имеет восточное магнитное отклонение в 9°». После исследований дель Рио это были вторые раскопки в истории археологии, произведенные на землях майя.

Галиндо оказался чрезвычайно скрупулезным и умным исследователем, заслуженно занявшим свое почетное место в ряду пионеров мировой археологии. Ему удалось совместить серьезную научную работу (причем, будучи «любителем») и открытость своих изысканий (в адрес только Французского географического общества он выслал 32 письма с отчетами) со своей блестящей, чрезвычайно амбициозной карьерой в молодом государстве. Выводы политика-исследователя столь же радикальны, сколько неожиданны: он считал, что Центральная Америка является колыбелью значительнейшей цивилизации, которая после некоторого упадка возродится вновь — на этот раз в виде молодых американских государств, готовых перехватить эстафету мирового лидерства из рук дряхлеющих европейских империй. Что касается потомков строителей Паленке и Копана, то выводы Хуана Галиндо в данном случае неутешительны: «Индийская раса переживает последние столетия своего существования и

вскоре совсем исчезнет с лица земли. Дни ее расцвета давно миновали, и более она не возродится».

Галиндо изрек этот тезис, пребывая на самой вершине жизни, судьбы и карьеры. Он владел миллионами акров земли в Петене, которую, как он надеялся, вскоре раздаст колонистам. У него созрел план превратить принадлежавший ему остров у побережья Панамы в рай для начинающих предпринимателей. Галиндо был в прекрасных, как казалось, отношениях с центральным правительством. Однако все хорошее когда-нибудь кончается. Так случилось и на этот раз: в 1839 году Центральноамериканская Конфедерация, ввергнутая в пучину хаоса и насилия, исчезла с политической карты мира. Сам же Галиндо стал жертвой военного переворота в Гондурасе. По иронии судьбы, именно в этот год в Центральную Америку прибыли два человека, которым предстояло стать в истории в один ряд с такими титанами археологии, как Шлиман, Картер и Карнарвон.

Превратности путешествий

Джон Ллойд Стефенс и Фредерик Казервуд поставили изучение истории майя на совершенно новую, настоящую научную основу. Во время двух своих великих экспедиций они, образно говоря, буквально исходили джунгли Центральной Америки в поисках свидетельств великой истории великого народа, раскапывая, записывая и зарисовывая все, что только можно. Результатом их

подвижнической работы стали четыре прекрасные и, кстати, коммерчески успешные книги, изданные в период с 1841 по 1843 год.

Хотя и Стефенса, и Казервуда нельзя назвать археологами в строгом смысле этого слова в силу отсутствия у них специального образования, их научные методы и публикации стали образцом истинного профессионализма. Никаких фантазий, никаких вольностей – все их описания, планы и зарисовки точны и скрупулезны, все увиденное подвергнуто точному и строгому анализу. А главное, талантливейшие люди прекрасно дополняли друг друга – пожалуй, в истории археологии это редчайший случай плодотворной работы ученых в одной команде.

Стефенсу исполнилось 34, когда он в 1839-м году совершил свое первое путешествие по Центральной Америке. За пять лет до этого выходец из благополучной нью-йоркской семьи, получивший юридическое образование, отбыл в Европу для лечения серьезного хронического заболевания. Лечение прошло настолько успешно, что Стефенс предпринял познавательное путешествие по Европе, Турции и России. Добрался он до Ближнего Востока и Египта, где познакомился с древностями долины Нила. По-видимому, он был первым американцем, посетившим легендарную Петру. Подобные путешествия в ту эпоху были трудны и опасны, но Стефенс так восхитился увиденным, что решил посвятить свою жизнь изучению древних цивилизаций у себя на родине, на американском континенте.

Вернувшись с востока в Париж, Стефенс с

удивлением обнаружил, что длинные обстоятельные письма, которые он отправлял с Ближнего Востока своим американским друзьям, были опубликованы в журнале «Америкэн Мансли». В 1837 году письма и дорожные дневники Стефенса вышли также отдельной книгой «Дорожные приключения в аравийской Петре», которая вызвала большой общественный резонанс. Никому не известный адвокат в одночасье, сам того не ожидая, превратился в знаменитого путешественника и автора.

В 1836 году в Лондоне Стефенс познакомился с Казервудом, организовавшим популярный аттракцион «Развалины Иерусалима» в Лейстер-Сквере (аттракцион просуществовал недолго и сгорел в пожаре). Поводом к знакомству послужил тот факт, что во время посещения Иерусалима Стефенс ориентировался именно по карте Казервуда. Знакомство вылилось в крепкую дружбу, которую они сохраняли до конца своих дней. Это были совершенно разные люди. Стефенс – общительный, энергичный и импульсивный, что чувствуется даже в его публикациях. Казервуд – человек скромный и обращенный внутрь себя, медлительный и долговязый. Разница в шесть лет также накладывала отпечаток на их

Джон Ллойд Стефенс

отношения: в публикациях Стефенс обращался к другу не иначе как «мистер Казервуд», что звучало не только вежливо, но и подчеркнуто уважительно.

Уроженец северного Лондона, Казервуд получил образование архитектора, а затем посещал курсы в Королевской Академии, где занимался живописью под руководством таких больших мастеров той эпохи, как Джон Стоун, Уильям Тернер, Генри Фузели и другие. Для закрепления навыков начинающий художник в 1823 году отправился в свою первую поездку на Восток в сопровождении Генри Весткара – путешественника и большого знатока древностей. Через несколько лет Казервуд вернулся на древнюю землю фараонов, на этот раз со знаменитой экспедицией Роберта Хейя и оставался там вплоть до 1833 года. Работая с самыми видными исследователями древнеегипетской истории, Казервуд выполнил сотни точных зарисовок монументальных шедевров в Гизе, Мемфисе и Фивах. Дошедшая до нас коллекция рисунков хранится в Британском музее наряду с другими сокровищами, а сам Казервуд по праву считается одним из пионеров египтологии.

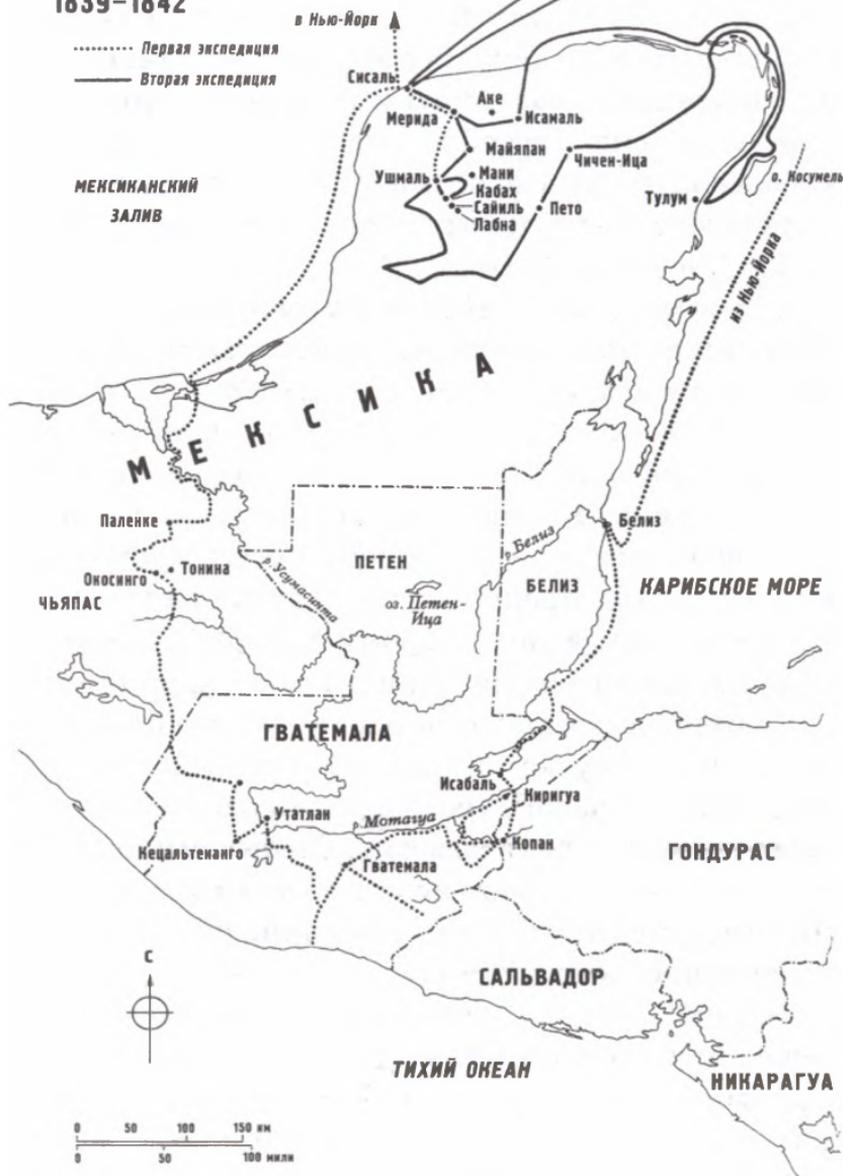
Мастерство и щепетильность Казервуда впечатлили Стефенса, и уже в Лондоне двое молодых людей в общих чертах обсудили будущую совместную экспедицию. Интересно, что, прибыв в Нью-Йорк вслед за своим другом, Казервуд возвел прямо на Бродвее еще одну «иерусалимскую стену-панораму» (видимо, прежний успех не давал ему покоя). Не без помощи знакомого книготоргов-

ца Джона Бартлета друзья принялись штудировать отчеты и публикации, посвященные майя, — труды дель Рио, Дюпэ, книги Кингсборо, и, наконец, в 1838 году настала очередь «*Voyage pittoresque*» Вальдека. Все эти труды были, конечно, совершенно различны и по форме и по содержанию, однако друзей эта мешанина не смутила, и, более того, заинтересованный Стефенс даже где-то раздобыл несколько старинных испанских хроник времен конкисты.

С успехом «Аравийской Петры» и других публикаций возникло желание продолжить начатое, правда, на другой стороне Земли. Если организовать экспедицию к руинам Центральной Америки, решили они, и издать книгу под уже известным именем Казервуда, то издание должно принести выгоду — это должно быть настоящее коммерческое предприятие. Друзья заключили контракт, согласно которому Казервуд освобождался от всех расходов по изданию книги и получал единовременный гонорар, но обязан был передать Стефенсу все права на опубликованные материалы. Казервуд согласился, что «никоим образом не будет препятствовать Стефенсу в абсолютном и исключительном использовании всей информации, рисунков и материалов, собранных в означенной экспедиции».

Стоит добавить, что в последнюю минуту Стефенса принял президент США Ван Бёрен и поручил ему исполнить роль «специального посланника» в Центральной Америке. Дело в том, что ситуация в регионе была на тот момент чрезвычайно нестабильной, к тому же только что скончался

Путешествие Стефенса и Казервуда по Юкатану, Чьяпасу и Центральной Америке, 1839–1842

официальный посол США. Стефенсу предстояло закрыть американское консульство, отправить на родину архивные документы и предоставить Центральноамериканской власти свою верительную грамоту. В те времена это была совсем не обременительная и формальная процедура, а должность посланника могла обеспечить хотя бы минимальный иммунитет и помочь, как казалось Стефенсу, в подготовке и осуществлении экспедиции.

3 октября 1839 года двое исследователей на корабле прибыли в Белиз, глубоководный порт, наиболее близкий к Копану – первой цели их экспедиции. Белиз тогда являлся столицей колониального владения Британии под названием Британский Гондурас. Обязанности суперинтенданта Белиза исполнял полковник Макдональд, эрудит и ветеран битвы при Ватерлоо. «Военный до мозга костей, – как определяет его Стефенс и добавляет: – Беседовать с полковником – словно переворачивать страницы истории».

Наместник довольно помпезно встретил «специального посланника» и его английского друга. Он расспросил гостей о планах, и те сообщили суперинтенданту о предполагаемом маршруте. Без сомнения, блестящая энергичная парочка произвела на Макдональда самое сильное впечатление. Однако комбинация из американца и «американизированного» англичанина показалась ему опасным и непредсказуемым тандемом – таких лучше держать подальше. По крайней мере, проводы гостей в непролазные джунгли были обставлены куда пышнее, чем их встреча. Стефенс и Казервуд отправились в свой опасный путь под выстрелы тринадцати салю-

тующих орудий, а суперинтендант в это время за-
сел за письмо в адрес госсекретаря колоний:

Возможно, вашему сиятельству неизвестно, что в провинции Табаско, на окраине Мексиканской Республики, находятся знаменитые останки древней архитектуры, называемые «Руины Поленки». Те руины, я уверен, сегодня являются важным объектом интереса со стороны просвещенных людей в США. Я также подозреваю, что такой же интерес проникает в Европу... Я уже давно намеревался сообщить Вашему Сиятельству об этом деле.

Последнее утверждение Макдональда в письме, адресованном госсекретарю колоний, сегодня представляется совершенной ложью. Возможно, до Макдональда и доходили какие-то обросшие нелепицами слухи, но теперь мы можем с полной уверенностью сказать, что о Паленке суперинтендант услышал именно от Стефенса. Даже курьезное написание загадочного города – «Поленки» – говорит о том, что именно так он расслышал это слово из уст американца.

Встреча с непростыми гостями не прошла для местных властей даром: суперинтендант и госсекретарь снарядили свою собственную экспедицию (правда, за счет Британского Казначейства), поставив во главе образцового офицера Патрика Уокера и некоего Джона Кэдди, талантливого чертежника. В самый разгар сезона дождей путешественники двинулись вверх по реке Белиз-ривер, а затем прямоком через провинцию Петен. Первые этапы пути оказались чрезвычайно трудны, но уже в южном

Петене путешественники воспрянули духом: здешние места были уже довольно плотно заселены колонистами. А на берегу озера Петен-Ица, где путники встречали Рождество, они даже познакомились с англичанином по фамилии Бартлет, женатом на местной женщине и жившем в изящном домике с маленьким садиком. Уокер получил задание составить отчет об увиденном, а Кэдди всю дорогу вел собственный дневник. Они описывали буквально все: природу и погоду, озера и реки, сельхозугодья и ранчо, – правда, археологией там и не пахло. Любопытно, что экспедиция прошла совсем рядом с руинами Шунантунича и Тикаля. Однако сон этих городов так и остался не потревоженным до прихода настоящих, серьезных исследователей.

Через два месяца казенная экспедиция все же добралась до Паленке, оказавшись там раньше Стефенса и Казервуда. Кстати, демонстрировал гостям комплекс зданий тот же самый человек по имени Хуан, который был гидом у Вальдека. Кэдди сделал ряд посредственных рисунков, а Уокер – отнюдь не оригинальные выводы: «Все увиденное явно имеет индо-египетское происхождение. Каждое здание несет в себе деспотические, подавляющие черты древнеегипетской архитектуры. Фигуры воинов и идолов напоминают восточные – такие же злоецие и фантастические». Все это мы уже слышали и раньше.

Отчет экспедиции Уокера и Кэдди, в конце концов, признали слабым и недостаточным, а сам Макдональд получил официальное уведомление из Британского Казначейства о том, что ему будут

заданы неприятные вопросы по поводу перерасхода средств на подготовку экспедиции.

Между тем Стефенс и Казервуд наняли паровой ботик и спустились на нем вдоль побережья Белиза до устья реки Рио-Дульсе, а затем по реке добрались до Исабала. Отсюда, закупив мулов, они вместе со своими слугами и переводчиком Августинном направились вглубь Гватемалы, раздираемой на тот момент гражданской войной. Не обошлось без приключений: путешественников захватили какие-то озлобленные солдаты, кои во множестве бродили по окрестным горам. К счастью, вскоре их отпустили.

Таинственный Копан принял гостей весьма враждебно – местный богатей дон Грегорио сначала и знать не хотел ни о каких ученых, однако, выслушав их убедительные доводы, все-таки велел своему сыну выступить в качестве гида. Продираясь сквозь кукурузные поля дона Грегорио, а далее – вдоль реки Копан, путники, в конце концов, взобрались на холм, откуда в толще джунглей можно было рассмотреть самую настоящую каменоломню. То здесь, то там в беспорядке валялись большие, иногда чудовищных размеров, каменные глыбы, оплетенные со всех сторон вездесущей растительностью. Чуть дальше за рекой Копан виднелся каменный массив явно искусственного происхождения, также почти замаскированный буйной растительностью. Это была одна из стен города Копана. Путешественники перешли реку вброд и подошли вплотную к древним стенам. Они обнаружили тротуар, вымощенный тонкой каменной плиткой. Тротуар привел друзей к лест-

нице, поднявшись по которой, они оказались на широкой, густо поросшей растительностью террасе. Пробираясь сквозь тонкие деревья, Казервуд, Стефенс и компания совершенно неожиданно наткнулись на «каменную колонну квадратного сечения высотой 14 футов, а каждая ее сторона имела ширину в 3 фута. Стороны колонны были украшены барельефами... На нас смотрела фигура человека, очень странно и, вероятно, богато одетого. Очевидно, это был чей-то портрет, торжественный, строгий и выражающий восхищение. Сзади колонну покрывали различные знаки, стилистика которых была нам до сих пор не знакома. По бокам на колонне имелись иероглифические надписи». Масштаб и величие первого же попавшегося на глаза монумента ясно говорили исследователям, что перед ними памятник крупной и очень самобытной цивилизации. «Вид этих неисследованных монументов убедил нас, что это не просто остатки какого-то неизвестного народа, а настоящие произведения искусства, доказывающие, что люди, населявшие американский континент, вовсе не были дикарями».

В первый же день пытливые и жадные до открытий путешественники рассмотрели целых 14 монументов «одинакового стиля», хотя одни смотрелись элегантнее других: «их даже можно сравнить с утонченными древнеегипетскими зданиями». Затем путники взобрались на пирамиду «по ступеням, напоминающим ступени в каком-нибудь древнеримском амфитеатре». На одной из сторон пирамиды, довольно высоко над землей, находилась огромная скульптурная голова, «скорее

всего, чей-нибудь портрет». Пирамида заканчивалась платформой, откуда открывался вид на весь комплекс зданий. Путники уселись на край платформы, свесив ноги и размышляя о том, что они тщетно пытаются проникнуть в окружающую их тайну.

«Никакие ассоциации, связанные с этим местом, не приходили мне в голову, хотя архитектура, скульптура и живопись – все искусство, которое украшает жизнь, расцвело когда-то посреди этих густых лесов. Ораторы и воины, чиновники и красавицы со своими чувствами и амбициями когда-то сновали взад-вперед мимо этих пирамид, и некому теперь рассказать, что же случилось со всеми этими людьми», – писал Стефенс. Однако знаменитый путешественник все-таки нашел литературные ассоциации: «Город казался вымершим. Он лежал перед нами как покинутый корабль посреди океана – мачты сломаны, имя на борту стерто, команда разбежалась, и никто теперь не может рассказать, откуда и чей это корабль, кому принадлежал, как долго длилось путешествие и что вызвало все эти разрушения... Все остается тайной... темной непроницаемой тайной, и каждое новое обстоятельство только усугубляет ее».

В первый день компания сновала от пирамиды к пирамиде, пытаясь определить границы города и заодно объем предстоящих работ. Во второй и последующие дни экспедиция занялась тем, ради чего она, собственно, и прибыла в эти места: зарисовки, составление чертежей, планов и описаний, раскопки и так далее. К сожалению, пут-

ники прибыли на место в самый разгар сезона дождей, что вносило определенные трудности. Однако несмотря на слякоть, сырость и усталость после долгого перехода, Казервуд составил план работ, от которого уже не отступал. Первым делом он решил изучить самые большие монументы, в частности, стелы. Стефенс отмечал: «Рисунки на стелах очень сложные. Они совершенно отличаются от тех, что мистер Казервуд видел ранее, поэтому мы пока не можем понять их значение. Рисунки выполнены в технике барельефа, что требует от художника точности, терпения и недюжинной силы».

Ученым помогала небольшая горстка местных жителей, которые, вооружившись мачете, прорубали в джунглях просеки и очищали монументы

Алтарь Q в Копане.

На западной стороне монумента изображен основатель правящей династии К'иниш-Йаш-К'ук-Мо, передающий скипетр власти Йаш-Паку, шестнадцатому правителю

и пирамиды от выросшего на них кустарника. Но чтобы очистить от джунглей весь город... об этом и речи не шло. В конце концов рабочие очистили от зарослей площадку вокруг стелы, и если только не шел дождь, то света для работы было вполне достаточно. Условия для работы, действительно, оказались ужасными: Казервуд, великий иллюстратор, стоял полдня по колено в грязи и, надев перчатки, не столько рисовал, сколько отгонял от себя тучи комаров. Вообще, необходимо отметить, что в эпоху, когда не было ни репеллентов, ни противомаларийных таблеток, ни даже электрических фонарей, путешествия подобного рода нередко заканчивались трагически. Но Казервуд и Стефенс никогда ни на что не жаловались, хотя, перенеся малярию, оба испытывали ее последствия всю жизнь.

Как и в Египте, Казервуд пытался использовать камеру-обскуру – прибор, в котором лучи света входили в ящик через маленькое отверстие и, преломляясь в стеклянной призме, оставляли на бумаге четкое изображение, которое можно было обвести карандашом. Однако в Копане данный метод зачастую не работал ввиду исключительной сложности местного орнамента. Рисовать приходилось традиционным способом.

Для топографической привязки артефактов на местности Казервуд использовал компас и ленты, оставшиеся у него еще со времен экспедиций в Иерусалим и Фивы. Всю территорию комплекса исследователи превратили в «геодезический полигон», воткнув колышки и произведя нужные измерения. Друзья подошли к делу настолько осно-

вательно, что все их изыскания превзошла лишь экспедиция Альфреда Модсли, но это случилось много десятков лет спустя. Стефенс и Казервуд открыли миру множество пирамид, монументов и стел, описав и исследовав их так, что материалы этих исследований стали настольной книгой для нескольких последующих поколений ученых. Наши герои «прочесали» весь город-призрак на отрезке в две мили вдоль русла реки Копан, уделив внимание практически каждой детали.

Сегодня это звучит банально и странно, но Стефенс даже пытался... купить Копан, как, впрочем, и Паленке и Киригуа. Ох уж эти американцы! Кстати, Стефенс и Казервуд были свидетелями того, как из Восточного Средиземноморья раритеты и артефакты вывозились в европейские частные коллекции. Главным оправданием служила отговорка, что эти древности все равно разграбят и уничтожат. Подобная участь ожидала древности майя: американцы считали себя хозяевами Западного полушария и присвоили себе моральное право делать на своем «заднем дворе» все, что заблагорассудится. Не будем забывать, что центральноамериканское правительство наделило Стефенса и некими политическими полномочиями.

Размышляя обо всем этом, Стефенс однажды предложил вывезти монументы Копана в Нью-Йорк и украсить ими огромный коммерческий центр. «На их основе можно организовать нью-йоркский музей древностей, – писал путешественник, – они принадлежат нам по праву. Все равно европейские любители наук и искусств

рано или поздно сделают то же самое». Стефенс даже заплатил за Копан 50 долларов и уже «прикидывал» способы вывоза артефактов, остановившись на варианте транспортировки их по реке Копан, а далее – морем, до США, но, к счастью, река оказалась чересчур мелководной и порожистой. Тем не менее, с его подачи многие стали рассматривать древности майя в качестве товара, такого же, как минеральные ископаемые, сок гевеи или бананы.

Через две недели плодотворной работы первоначальные восхищения исследователей сменились серьезными раздумьями о природе и значении Копана. Город, по-видимому, разрастался этапами, в нем «последовательно появлялись все новые и новые здания, монументы и статуи, которые создавались по приказам новых правителей или в честь каких-то важных событий в истории города, – считал Стефенс. – На верхних платформах пирамид и храмов, судя по всему, находились алтари или какие-то другие дополнительные постройки». Ученые обнаружили на некоторых стелах остатки красного пигмента и правильно предположили, что они были когда-то выкрашены в разные цвета.

Копан, благодаря огромному количеству и реализму изображений, представлялся городом более людным, чем Паленке. Некоторые изображения показались Стефенсу пугающими и наводящими ужас: «Без сомнения, эти послания обращены к людям ослепленным, суеверным и склонным к жестоким человеческим жертвоприношениям». Другие артефакты производили совершенно иное впечатление. Один из них распо-

Барельеф западной стороны Алтаря Q в Копане.
Рис. Ф. Казервуда

лагался у самого подножия пирамиды в «Акрополе» (так исследователи называли комплекс храмов и пирамид в самом центре города) и представлял собой большой каменный блок со стороной два метра и высотой полтора. Артефакт, ныне прозаически называемый «Алтарь Q», был украшен 36 блоками иероглифов на верхней грани и 16 сидящими человеческими фигурками по бокам. На одной из граней «персонажи, скрестив ноги, сидели прямо на иероглифах, обозначающих, очевидно, их имена или род деятельности». Стефенс обратил внимание на индивидуальные одеяния изваяний, а также на какие-то скипетры, которые те держали в руках, – еще один признак профессиональной деятельности? Иероглифы, как посчитал ученый, наверняка должны повествовать о каком-то событии из истории загадочного народа, почему-то покинувшего этот город.

Алтарь Q считается ключевым артефактом Копана, и интерпретации значения его рисунков

менялись в течение многих лет, однако, в конце концов, догадка Стефенса была подтверждена.

Люди, которые воздвигли эти монументы, увековечили на них память о себе. Однажды мы сможем провести настоящую конференцию с этой ушедшей расой... Я верю, что на монументах записана их история. Жаль, что пока не нашлось нового Шампольона, который набросился бы на них со всей энергией своего пытливого ума. Кто же, наконец, расшифрует эти письма?

После того как основная часть работы в Копане была выполнена, Стефенс покинул своего друга и отправился в столицу Гватемалы исполнять свои дипломатические обязанности. Казервуд тем временем исследовал маленький городок Киригуа, где обнаружил стелы, подобные артефактам Копана, только гораздо более низкие. По воспоминаниям ученого, из-за их маленьких размеров он не смог даже использовать камеры-обскуры для зарисовок. Киригуа, между прочим, – первое историческое место, лавры открытия которого экспедиция могла по праву присвоить только себе. Через несколько месяцев разлуки друзья вновь встретились, на этот раз в столице Гватемалы, где стали готовиться к покорению следующей цели – Паленке.

Они вышли весной 1840 года в северо-западном направлении, намереваясь пересечь гватемальское высокогорье и выйти на равнины мексиканской провинции Чьяпас. К началу мая исследователи дошли до маленького мексиканского городка Окосинго, где слегка отклонились от маршрута и по-

сетили древний комплекс Тонина. В позднеклассический период этот город являлся главным соперником Паленке и не уступал ему ни в чем. Главная же особенность малоизвестного комплекса – обилие рисунков-барельефов на оштукатуренной поверхности. Исследователи увидели здесь изображения не только людей, но и обезьян. Современные археологи делают в этом комплексе открытие за открытием. Совсем недавно было обнаружено изображение существа-скелета, держащего за волосы отрубленную голову. Тонина – достойное место для исследования; хотя Стефенс и Казервуд пробыли там совсем недолго, этот город оставил в их умах, планах и мировоззрении неизгладимый след.

Худшего времени для начала работ в Паленке нельзя было и придумать: зарядили бесконечные дожди. По прибытии на место исследователи узнали, что здесь только что побывали Уокер и Кэдди. Проводником экспедиции Стефенса и Казервуда стал тот же самый незаменимый и вездесущий местный житель Хуан, разбогатевший настолько, что собрался даже открыть свое собственное агентство по сопровождению ученых и любопытствующих.

«Дорога» до Паленке представляла собой сплошное месиво, в котором вязли копыта несчастных мулов, подгоняемых нетерпеливыми путешественниками. Дорожные мучения всех членов экспедиции длились до тех пор, пока кто-то из рабочих, всматриваясь вдаль с высокого холма, не закричал: «El Palasio!» («Дворец!») Путников переполняли те же чувства, что и безвестных матро-

Дворец в Паленке

сов эпохи Великих географических открытий, слышавших долгожданный вопль: «Земля!»

Экспедиция расположилась во внутренних покоях Дворца – совершенно не тронутого временем сооружения. В комментариях Стефенса читаем: «Мы впервые обосновались в постройке, возведенной еще до вторжения европейцев на этот континент. Мы впервые организовали свое обиталище под крышей древнего здания».

Стиль и методы работы исследователей не отличались от тех, что они применяли в Копане. Более того, Казервуд заметил, что работа в Паленке продвигалась даже быстрее. Набравшись опыта, друзья разделили свои обязанности: Стефенс с рабочими очищал от кустарников здания и следил за строительством лесов и подмостков, облегчая тем самым Казервуду его манипуляции с камерой-обскурой. Так же, как и в Копане, тщательнейшим образом были зарисованы все найденные барельефные композиции и иероглифы. Особенно пришлось потрудиться в Храме надписей, который,

образно говоря, представлял собой огромную каменную книгу под крышей. Кстати, наши герои стали первыми европейцами, переступившими порог этого храма. Подытоживая, скажем, что, как и в Копане, результатом работы стал исследовательский отчет высочайшего научного уровня. А учитывая условия, в которых приходилось выполнять все работы, не будет преувеличением сказать, что Стефенс и Казервуд со спутниками совершили настоящий научный подвиг.

Некоторые выводы, сделанные экспедицией, похожи на те, что сделал до них Галиндо. Хотя между изученными комплексами и обнаружились очевидные различия архитектурных и художественных стилей, их культурное единство сомнений не вызывало. Особенно бросалось в глаза сходство иероглифов, начертанных древними авторами в совершенно разных, удаленных друг от друга местах: «Иероглифы, найденные в Паленке, ничем не отличаются от иероглифов Копана или Киригуа... Это нам кажется свидетельством того, что вся здешняя земля была населена одной расой, говорившей на одном и том же языке или, по крайней мере, использовавшей одни и те же письменные знаки».

Стефенс остался вполне доволен экспедицией, которой удалось изучить практически все храмы и здания. Но так ли это? Сложность заключалась в том, что густые джунгли буквально опутали город – и как далеко простирались постройки, точно сказать было невозможно. Ученый верно предположил, что дома простых жителей были такими же, как у древних египтян и современных индей-

Храм надписей в Паленке

цев: «хижины из непрочного и подверженного гниению материала». Очевидно, что с учетом исчезнувших жилищ город занимал куда большую площадь, нежели его сооруженное из камня «ядро». Что касается возраста Паленке и других городов майя, Стефенс все более склонялся к мысли, что разговоры об исключительной древности построек кажутся неуместными:

Возможно, наши читатели и будут разочарованы, но не мы: нам не кажется, что города майя были такими уж огромными или что они являются современниками древнеегипетских или других известных нам городов. То, что мы здесь увидели, – и без того величественно, любопытно и самодостаточно. Здесь мы увидели остатки развитой, утонченной и своеобразной цивилизации, которая прошла все стадии от зарождения до упадка, которая когда-то достигла своего «золо-

того века», а затем почему-то исчезла по совершенно непонятным причинам.

Работа в Паленке давалась исследователям очень трудно. Лишения и страдания, которые выпали на их долю, оказались намного серьезнее, чем в Копане. За пару недель ноги Стефенса опухли от укусов насекомых и подкожных паразитов. Дело даже дошло до того, что ему пришлось прервать работу и отправиться на лечение в близлежащий городок. Поправившись и возвратившись в Паленке, Стефенс не узнал своего компаньона: «Казервуд выглядел бледным и изможденным. Испытывая ужасную боль в ногах от бесконечных укусов насекомых, он, как и я, стал прихрамывать. Его лицо раздулось, как мяч, а левая рука из-за ревматизма висела, будто парализованная». Тем не менее, друзья и не думали прекращать или ограничивать свою работу. Они мечтали о блестящем будущем этих мест, которые непременно превратятся в магнит для следующих поколений исследователей и любопытных туристов. Характеризуя доступность и относительное удобство расположения комплексов майя, Стефенс заметил: «Не представляет никакого труда добраться до Паленке из Европы или Соединенных Штатов. Единственная опасность для будущих ученых и любопытствующих исходит лишь от революционной ситуации, царящей в Центральной Америке».

К концу мая из-за проливных дождей все работы пришлось прекратить. Компаньоны покинули прекрасный Паленке и, замучив себя и мулов, добрались до ближайшего городка, где, наконец-

то, предались вожделенному, заслуженному отдыху. Через несколько дней, окрепнув и переведя дух, путники со свежими силами отправились в новый путь. На этот раз экспедиция на деревянных судах спустилась по реке Усумасинте до самого Мексиканского залива, а затем вдоль побережья Юкатана добралась до Сисаля. Дальше путники отправились пешком в Мериду. Их новой целью стал Ушмаль – еще один драгоценный камешек в ожерелье городов майя. Сквозь невысокий лес путники увидели рассыпанные по изрезанным террасами склонам холмов руины и большие здания. Лучшее всего сохранились богато украшенные орнаментом пирамиды, почти не тронутые растительностью и производившие такое же потрясающее впечатление, что и монументальные постройки в древнеегипетских Фивах.

Незадолго до прибытия путешественников окрестности Ушмаля были очищены от леса и кустарника под сельскохозяйственные работы и уже засеяны, поэтому в отличие от Копана и Паленке городское ядро предстало перед исследователями во всей своей первозданной красоте. Город украшали величественные пирамиды с очень крутыми гранями, такие как Пирамида Волшебника, а также опиравшиеся на широкий фундамент, не лишенные архитектурной элегантности здания комплекса Женского монастыря и Дворец правителя. Эти любопытные названия здания получили еще в колониальную эпоху, и вообще, город никогда «не терялся» и был неплохо описан многими исследователями, начиная с 1560-х годов.

Экспедиция Стефенса-Казервуда не нашла здесь

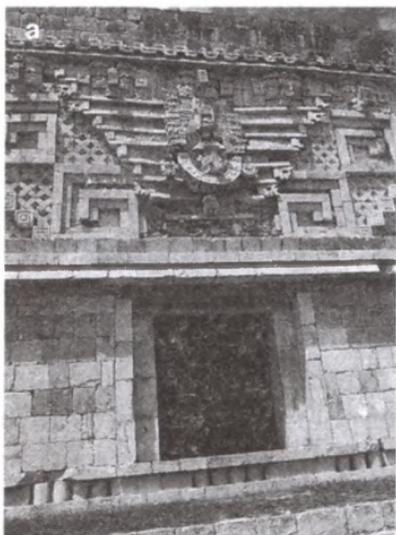
Руины Ушмаля. Рис. Ф. Казервуда

ни стел, ни фигур, вырезанных по штукатурке. Замечательная особенность Ушмаля – фасады зданий, украшенные «роскошным, утонченным орнаментом». При всем при том сами здания чрезвычайно просты геометрически, особенно Дом губернатора, покоящийся на обширном фундаменте шириной приблизительно 105 метров. «Линии зданий чистые и прямые, но нет в них ни примитивизма, ни варварства. Все подчинено правильным пропорциям и симметрии... Если бы эти пирамиды и дворцы представить на террасе, устроенной где-нибудь в Гайд-парке или в Саду Тюильри, они явно стали бы новым элементом, привлекающим внимание публики... Они заслуживают того, чтобы стоять в одном ряду с шедеврами древнеегипетского, древнегреческого и древнеримского искусства».

В Ушмале остался колоссальный объем невыполненной работы, но Казервуд по состоянию здоровья более не мог жить и работать в полевых условиях, поэтому 24 июня 1840 года, после более чем года непрерывных путешествий и исследований,

компаньоны взяли курс на родину. По прибытии в США Стефенс тотчас взялся за написание новой книги «Путевые впечатления от поездки по Центральной Америке, Чьяпасу и Юкатану» («Incidents of Travel in Central America, Chiapas and Yucatan»), которая и была издана год спустя. Подлечившись и набравшись сил за 9 месяцев, друзья предприняли новую экспедицию, причем Стефенс теперь не нес никаких дипломатических обязательств, и поэтому компаньоны могли полностью посвятить себя исследовательской работе.

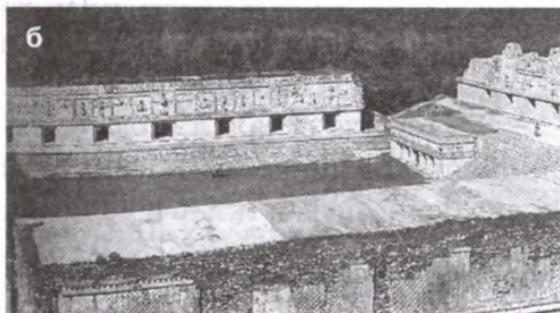
Они провели в Ушмале целых шесть недель, и впервые в чисто научных целях там была применена дагерротипия, то есть не просто прообраз современных фотоаппаратов,

Ушмаль:

а) Центральная дверь в Доме правителя, декорированная традиционной каменной мозаикой. Над дверным проемом изображен сидящий на троне повелитель Чак в украшенном перьями головном уборе

б) Вид на Женский монастырь – наиболее красивый комплекс зданий, построенный в эпоху правления царя Чака в начале X века

но, по сути, полноценная фотокамера, позволявшая запечатлеть после долгой выдержки абсолютно точное изображение окружающего мира. Казервуд научился управлять дагерротипом, предварительно натренировавшись в Мадриде, где он охотно фотографировал местных дам. К сожалению, многие его фотопластинки исчезли во время грандиозного нью-йоркского пожара 1842 года, который уничтожил аттракцион-панораму Казервуда вместе со многими рисунками и другими материалами, привезенными из экспедиций.

В окрестностях Ушмаля на обширном, но невысоком плато Пуук, исследователи посетили дюжину других примечательных мест, таких как города Сайиль, Лабна с его удивительными городскими воротами и Кабах, где Стефенс обнаружил сохранившиеся деревянные оконные и дверные перемычки, исписанные иероглифами, а также отрезок *сакбе* (что означает «белый путь») – древней дороги майя, мощенной известняковыми плитами. Дорога соединяла этот город с Ушмалем. Характерный архитектурный стиль с обилием настенной мозаики; чудовища в масках, изображенные на фасадах зданий, а также «портреты» вездесущего длинноносого бога дождя Чака – все эти элементы встречаются во всех описанных городах, что говорит о теснейших связях между ними и об общем их культурном развитии.

От плато Пуук исследователи направились на северо-восток, к городу Чичен-Ица. По пути они познакомились с местным ученым-краеведом Хуаном Пио Пересом, который многие годы занимался изучением истории и культуры майя. Он упорно

Храм в Лабне

копался в местных архивах в поисках древних манускриптов и не стеснялся расспрашивать местных старожил. Энтузиаст оказал путешественникам неоценимую услугу, передав им копии любопытнейших артефактов, таких, как «Словарь юкатекского майяского языка», содержащий около 4000 слов, и «Древняя хронология Юкатана», объясняющая суть календаря майя и включающая названия дней и месяцев. Стефенс не скрывал своего восхищения:

Я установил один интересный факт, что, оказывается, календарь Юкатана, за исключением некоторых частных, существенным образом походит на мексиканский. Сравнение календарей ясно дает понять, что при их составлении использовался один и тот же набор знаний и представлений об окружающем мире. Составители обращались практически к одним и тем же богествам, что еще больше укрепляет меня во мнении об общем происхождении коренных обитателей Юкатана и Мексики.

Стефенс склонялся к мысли, что кроме культурного единства всех майя, расселившихся на обширной территории, есть еще общие элементы в культуре всех народов, населяющих Месоамерику.

Предупредительный Пио Перес, между тем, продолжал снабжать гостей посылками из прошлого: на этот раз он передал Стефенсу копию манускрипта из города Мани. Это была одна из хроник майя – так называемые книги «Чилам Балам», написанные в XVI в. на языке майя, но буквами латинского алфавита. В течение столетий после конкисты книги продолжали постоянно дополняться. В них содержались мифы, мистические прорицания, астрологические экскурсы, «исторические» факты, охватывающие каждый *катун*, или двадцатилетие. В эпоху Стефенса и Казервуда соотношение катунов с нашим летосчислением не представлялось возможным, поскольку не были еще определены точные даты конкретных, описанных в хрониках событий. Не обладая такими «временными маяками», нельзя определить ни одной точной даты, даже если событие добротнo описано на испанском языке. В манускрипте из Мани, например, содержалось упоминание об основании города Чичен-Ица и других городов, а также о войнах между ними, происходивших до испанского завоевания. Эти записи, конечно же, потенциально представляли колоссальную ценность для науки, несмотря на то, что описанные события пока невозможно было датировать. Пио Перес, кстати, сегодня признан основоположником мексиканской документалистики вообще и первым мексиканцем, серьезно взявшимся за изучение документов майя,

в частности. Он разыскал множество архивных документов, книг и манускриптов, причем некоторые из них не были опубликованы вплоть до 1949 года!

Хронику из Мани вместе со статьей о хронологии маяя Стефенс прикрепил к своему отчету, причем опубликовал ее под именем Пио Переса, тем самым обеспечив ему научное и читательское признание современников и не только.

Самый знаменитый и наиболее посещаемый сегодня туристами город маяя Чичен-Ица был хорошо известен и в эпоху Стефенса и Казервуда. Потрясающая пирамида Кукулькана, вознесшаяся на высоту более 30 метров, вполне сопоставима с современным двенадцатиэтажным домом. По мнению Стефенса, город таких размеров и с такой масштабной архитектурой явно доминировал политически и экономически на всем севере Юкатана до прихода сюда испанцев. Знаменитый путешественник также предположил, что грубый, мрачноватый архитектурный стиль, в котором выстроено пространство вокруг пирамиды Кукулькана, по-видимому, указывает на то, что ядро города гораздо старше окрестных секторов, особенно прилегающих к зданиям Женского монастыря, где царствует более изысканный, утонченный архитектурный стиль. Разница во внешнем виде построек, а также большая разница во времени их возведения – головная боль даже для современных ученых.

А теперь вернемся к открытиям наших героев, сделанным в Ушмале. Там Стефенс и Казервуд обнаружили странное место – поле, на котором возвышались две параллельные стены, удаленные

друг от друга на расстояние в 20 метров. К каждой стене на некотором удалении от земли было прикреплено каменное кольцо, напоминающее, как бы сейчас сказали, баскетбольное. Путешественники справедливо предположили, что данное поле со странными стенами и кольцами на них служило «площадкой для какой-то массовой игры». Такая же площадка, только более внушительных размеров, имелась и в Чичен-Ице. Стефенс назвал этот комплекс «Гимназиум». В записях испанского хроникера Эрреры исследователи нашли описание игры в мяч – *тлачтли*, – которую практиковали ацтеки во времена испанской конкисты:

Мяч этот сделан из резины, которую дает одно дерево, растущее в жарких странах. Они ударяли по нему любой частью тела... иногда били по нему бедрами, что считалось высшей степенью проворства и ловкости. Место, где проходила игра, представляло собой длинное узкое поле, всегда оштукатуренное и ровное. На боковых стенах они прикрепляли плоские камни, похожие на мельничные жернова. В центре каждого камня зияло отверстие такого же размера, как и мяч, и тот, кто попадал мячом в это отверстие, выигрывал игру.

Таким образом, предположения Стефенса подтвердились. Вот научный подход к

Игрок в мяч

исследуемой теме, комбинация внимательного наблюдения и работы с документированными источниками – именно так работают современные археологи. Ученый логически пришел к выводу о «родстве народа, построившего великие архитектурные комплексы на Юкатане, и тех, кто населял Мексику на момент испанского завоевания». Без сомнения, вернувшись теперь в полуразрушенные и поросшие лесом Копан или Паленке, вооруженный новыми знаниями Стефенс и там бы обнаружил подобные спортивные площадки.

В Чичен-Ице исследователи провели три недели и, собрав огромное количество научного материала, взяли курс на Тулум – портовое селение на северо-восточном побережье Юкатана. Там путешественники оказались среди тех же хижин и зданий, которые впервые предстали перед глазами конкистадоров в далеком 1518 году во время экспедиции Грихальвы.

В Тулуме компаньоны приняли решение побыть на Юкатане еще какое-то время. Отдохнув и пополнив съестные припасы, они вновь отправились в дорогу. На этот раз экспедиция отправилась на запад, в Мериду, через Исамаль и Аке. В Исамале путешественники восхитились огромными пирамидами, возвышавшимися над сонным захолустным городком, населенным преимущественно плантаторами и батраками. На подворье одного из плантаторов исследователи обнаружили полуразрушенную плиту с барельефом бога солнца. Затем они осмотрели монастырь, основанный Диего де Ланда, и ознакомились с его деяниями.

В мае 1842 года Стефенс и Казервуд попроща-

лись с Юкатаном и взяли курс на родину, где уже следующей весной вышел в свет их фундаментальный труд «Случаи из путешествий на Юкатан» («Incidents of Travel in Yucatan»), вызвавший большой интерес у читающей публики. Этот многотомник быстро разошелся как в Европе, так и в США. Прекрасный текст Стефенса, лишенный всякой характерной для тех лет помпезности, а также исключительно точные иллюстрации Казервуда сделали труд настоящей энциклопедией.

Через весь итоговый отчет исследователей красной нитью проходят две темы: образцы архитектуры и иероглифическая письменность майя. Что касается первого, то Стефенс и Казервуд задаются вопросами о возрасте зданий, об их строителях и, собственно, о предназначении этих архитектурных шедевров. В ходе экспедиции ученые пришли к выводу, что все сооружения не такие уж и древние, как считалось ранее. Тот факт, что все они присыпаны толщей пыли и земли, обросли деревьями, травой и кустарником, совершенно не указывает на их древнее происхождение. В условиях теплого и влажного тропического климата джунгли способны за короткое время поглотить любое заброшенное здание. «Если постройкам действительно несколько тысяч лет, то как могли сохраниться такие города, как Паленке и Ушмаль, в таком прекрасном состоянии? Невозможно даже представить, что по прошествии двух или трех тысяч лет, учитывая воздействие землетрясений, оползней и агрессивных тропических джунглей, могло уцелеть хотя бы одно-единственное здание». Иное дело, если города или даже разные части од-

ного и того же города были построены в разное время. Обратившись к трудам и отчетам более ранних исследователей, которые своими глазами видели еще «живые» индейские селения, ученые приходят к выводу, что жизнь в этих краях угасала постепенно, деградируя в течение столетий. В чем же причина этой деградации? Вот один из главных вопросов для будущих поколений историков и археологов.

Знаменитый путешественник и его компаньон подняли еще один важный вопрос: сами ли майя построили свои города? И вообще, есть ли что-то общее между архитектурой майя и архитектурой заокеанских народов? Сравнения и параллели в работе исследователей проводились постоянно. Величественные строения Древней Греции, Древнего Рима и Древнего Востока, скульптурные и архитектурные шедевры Древней Индии и Древнего Китая – все подвергалось сравнительному анализу, и ничто не напоминало архитектуру городов, найденных в джунглях Юкатана и Гватемалы, даже отдаленно. А как насчет Древнего Египта? Некоторые исследователи до сих пор находят сравнение двух культур вполне уместным:

Главным камнем преткновения для наших споров являются пирамиды. Пирамидальная форма – одна из тех, что человеческий разум во все времена и у всех народов считал наиболее простым способом строительства высокого здания на прочном основании. Таким образом, подобный способ строительства у разных народов не может указывать на их родство, а тем более на по-

тенциальные связи, если только такие пирамиды не несут в себе какие-то совершенно особенные, но похожие черты.

Стефенс вполне аргументировано доказал нам, что пирамиды Древнего Египта и пирамиды майя имеют существенные различия. У пирамид майя – как правило усеченных и геометрически не совсем правильных – ребра при продолжении не сходятся в одной точке, что коренным образом отличает их от древнеегипетских собратьев. Но самым кричащим различием авторы считают непохожесть архитектурных концепций, положенных в основу строительства пирамид. У майя все они имеют платформы, на которых покоятся какие-то дополнительные самоценные структуры: башенки, иногда многоэтажные, домики, перегородки и так далее. Древнеегипетские же пирамиды – архитектурные монументы сами по себе, они не имеют никаких дополнительных надстроек и украшательств и служат огромными склепами для усопших фараонов. В эпоху Стефенса ни в пирамидах, ни под пирамидами майя не было найдено ни одной погребальной камеры, и сам он считал, что «видимо, их даже не существует». Великий Стефенс ошибался, остальные исследователи также заблуждались на этот счет вплоть до 1950-х годов, когда в результате впечатляющих открытий было доказано, что пирамиды майя на самом деле несли погребальную функцию.

Помимо пирамид Стефенс и Казервуд сравнили и остальные элементы обеих культур и пришли к выводу, что, за исключением создания барелье-

фов, культуры древних египтян и майя не имеют между собой ничего общего. Исследователи пришли к выводу, что майя уникальны и, скорее всего, развивались изолированно в течение всей своей истории:

...Их артефакты совершенно отличаются от архитектурных и художественных творений других известных народов, они полностью и абсолютно самобытны... Наши выводы куда интереснее, чем мнение о предполагаемых контактах строителей майя со своими древнеегипетскими коллегами. Наши выводы заключаются в том, что народ, столь искусный в архитектуре, скульптуре и рисовании, не пришел из Старого Света, а появился и вырос здесь, не имея ни хозяев, ни образцов для подражания, ведя совершенно независимое существование, словно растения, растущие только на этой почве.

И все-таки главной темой «Записок», вокруг которой так или иначе крутятся все рассуждения, предположения и выводы, является иероглифическая письменность майя. Те самые таинственные знаки, с помощью которых «когда-нибудь будет проведена конференция с исчезнувшей расой». Очевидно, что письменный язык майя был достаточно богат и разнообразен. Не зная значения ни одного иероглифа, Стефенс с полным на то основанием предположил, что благодаря их многообразию и многочисленности майя были в состоянии выразить любую мысль и описать любое событие. Богатство лексикона предполагает и богатство смыслового выражения. Для пущей наглядности

Стефенс скопировал иллюстрацию из «Дрезденского кодекса», опубликованного Гумбольдтом и лордом Кингсборо, и поместил ее рядом с письменами, срисованными Казервудом с верхней грани «Алтаря Q» из Копана. И хотя в первом случае надпись была нарисована на странице книги, выполненной из коры дерева, а в другом – вырезана на каменном монолите, сходство их поразительно. В обоих случаях все иероглифы оказались как бы сгруппированы в блоках, имели одни и те же вспомогательные элементы – вертикальные черточки и точки, и в обоих образцах четко просматривались головы и руки. Без сомнения, обе надписи являлись образцами одной и той же письменной системы. И, как предположил Стефенс, дальнейшие исследования требовали рутинного изучения в тиши кабинетов – собственно, того, чем уже начал заниматься мексиканский энтузиаст Пио Перес. По этому поводу Стефенс писал, что за столетие в монастырских библиотеках скопилось множество манускриптов и документов, написанных святыми отцами, касиками и индейцами, которые быстро выучились испанскому языку и овладели грамотой. Знаменитый путешественник верил, что письмена будут рано или поздно прочитаны, и его не покидало чувство, что ключ к дешифровке «будет найден даже быстрее, чем в истории с Розеттским камнем». Ключ, отомкнувший двери к разгадке таинственных иероглифов майя, действительно был найден. Через сто с небольшим лет.

Почему Стефенс и Казервуд не предприняли новых экспедиций на землю майя, мы не знаем.

Письмена с «Алтаря Q» (*вверху*) в сравнении с письменами из «Дрезденского кодекса» (*внизу*)

Скорее всего, у исследователей возникли проблемы со здоровьем. Они планировали издать еще одну книгу, более дорогую, гораздо лучше иллюстрированную, чем две первых, и даже придумали название – «Американские древности», – намереваясь включить туда материалы исследования

Гумбольдта и великого историка Уильяма Прескотта, книга которого «Завоевание Мексики» вышла в свет в 1843 году. Однако при предполагаемой немалой цене будущей книги в 100 долларов Стефенс для финансирования проекта не смог найти девятистот подписчиков. Тем не менее в 1844 году в Лондоне Казервуду удалось издать свою собственную, хорошо иллюстрированную 25 литографиями книгу «Виды древних памятников Центральной Америки, Чьяпаса и Юкатана» («Views of Ancient Monuments in Central America, Chiapas and Yucatan»). Книга получилась весьма необычной: кроме ранее издававшихся гравюр Казервуд поместил множество рисунков, проливавших свет на первозданную природу Месоамерики и обычаи ее коренных жителей.

В последующие годы Казервуд вернулся к занятиям архитектурой, а затем, обнаружив в себе дар инженера-путейца, вернулся в Латинскую Америку, где с энтузиазмом участвовал в строительстве железной дороги в Панаме. А что же его компаньон? Стефенс некоторое время подвизался на ниве политики, временами участвовал в прибыльных экономических проектах, включая инвестирования в горнорудное дело и финансирование паровой компании. И все-таки не вылеченная до конца малярия подточила и без того неидеальное здоровье великого путешественника. Говорят, что его обнаружили лежащим без сознания под раскидистым панамским деревом и в тот же день отправили в Нью-Йорк, где он через несколько суток скончался. Стефенсу было всего 47 лет. Его друг и компаньон Казервуд погиб спустя два года,

когда пароход «Арктик», на котором он совершал поездку из Англии в США, в густом тумане у берегов Ньюфаундленда столкнулся с другим судном. Казервуд оказался в числе трехсот утонувших пассажиров.

Сегодня археологи всех стран с уважением и некоторой завистью оглядываются на своих великих предшественников. И вправду, есть чему завидовать: Стефенс и Казервуд окунулись в джунгли и в мистерию майя в ту самую эпоху, когда все замечательные открытия ждали своего часа и своего первооткрывателя. Быть первопроходцем – трудное, опасное дело, однако невероятно интересное и благодарное.

Ученые и исследователи

Во второй половине XIX века под влиянием книг Стефенса и Казервуда интерес к истории народов Нового Света вообще и майя в частности вырос необычайно. На волне этого интереса появилось множество новых исследователей. Одни, как и предсказывал Стефенс, вели свою научную работу в тиши библиотек и кабинетов, а другие пошли по стопам смелых путешественников, чтобы добывать научный материал «вживую». Такое раздвоение интеллектуальных усилий продолжается по сей день. Прежде чем заглянуть в библиотеки и кабинеты ученых, необходимо упомянуть о Джордже Стюарте и Майкле Коу, которые вытащили из научного небытия основоположника дешифровки майяской письменности Константэна Самюэля

Рафинеска-Шмальца. Этот человек родился в 1783 году в немецко-французской семье, и ему исполнилось всего лишь три года, когда Антонио дель Рио вел свои исследования в Паленке. Рафинеск стал прекрасным ботаником и зоологом, но свое признание видел в мире точных чисел. Через десять лет интенсивной учебы, скитаний и приключений он в 1820 году перебрался в США, где посвятил себя изучению древних письменных систем. Истинный любитель популярной научной литературы, выписывавший множество научных журналов, Рафинеск в середине 1820-х годов познакомился с иллюстрациями иероглифов Паленке, выполненными Вальдеком для довольно неточного и небрежного отчета дель Рио. Также он обратил внимание на копии страниц «Дрезденского кодекса», опубликованные в гумбольдтовском труде «Виды на Кордильеры».

В ту эпоху два вышеупомянутых труда между собой никак не связывали. Кодекс вообще каталогизировали в Дрездене как «разукрашенный мексиканский манускрипт» и считали принадлежащим цивилизации ацтеков. В сотрудничестве с американским историком Джеймсом Маккалохом Рафинеск выяснил, что иероглифы из «Кодекса» и письма Паленке принадлежат одному и тому же языку. Он определил иероглифы, которыми майя обозначали вполне конкретные числа, и установил связь между иероглифическим письмом майя и поздним, «усовершенствованным» письмом ацтеков, а также между письменной системой древних майя и их современными диалектами цельталь и чонталь.

Интересно, что Рафинеск создал свой собственный журнал – «Атлантический журнал для любителей знаний», куда львиную долю научных статей писал сам. В 1832 году на страницах собственного периодического издания он опубликовал статью под заголовком «Второе письмо мистеру Шампольону, касающееся американской графической системы и иероглифов Отолума и Паленке в Центральной Америке». В общем-то публикация представляла собой развернутое резюме всех его достижений, открытий и догадок:

Кроме монументальной письменности у того же народа, который построил Отолум, существовал и демотический алфавит, обнаруженный в Гватемале и на Юкатане. Образцы этого письма, представленные Гумбольдтом, находятся в Дрезденской библиотеке. Эти образцы признаны элементами гватемальской культуры, но никак не мексиканской. На одной их страниц «Дрезденского кодекса» изображены буквы и цифры. Цифры представлены линиями, обозначающими «5», и точками, обозначающими единицы. Это видно из того, что точек никогда не бывает более четырех. Цифры из кодекса довольно похожи на цифры, срисованные со стел и монументов. Слова же из кодекса не так красивы, как высеченные на монументах, и между ними имеются небольшие различия, прежде всего, художественные. Я не вижу препятствий для расшифровки древних текстов, тем более что манускрипты составлены на все еще живом языке, и смысл записанного был понятен в Центральной Америке по крайней мере 200 лет назад.

Стюарт, Коу и целая армия исследователей майя горячо приветствовали появление новой научной величины, нового энтузиаста, который за несколько лет до путешествий Стефенса и Казервуда, используя скудный научный материал, предпринял первые практические шаги на пути к дешифровке писем майя. Нам неизвестно, встречались ли Рафинеск и Стефенс лично, но перед тем как Рафинеск умер в 1840 году в полной нищете, Стефенс в одном из своих трудов уже назвал его «первопроходцем в своем деле». Оба ученых считали, что наступит тот день, когда письменных источников накопится так много, что уже не составит никакого труда расшифровать все древние записи.

Величайшим охотником за документальными материалами и одним из главных популяризаторов майяологии, или майяистики, в XIX веке считается француз Шарль-Этьен Брассёр де Бурбур. В 1854 году Брассёр совершил свою третью и самую успешную поездку в Центральную Америку. Он находился там почти три года, причем целый год даже служил приходским священником в маленьком городке Рабиналь в высокогорье Гватемалы. Бывший журналист и писатель, он в возрасте 31 года облачился в рясу священнослужителя, для того чтобы, по его словам, под такой серьезной, удобной и уважаемой личиной предаться серьезной исследовательской работе.

В качестве генерального викария Брассёра отправили в Бостон, где он прочитал «Завоевание Мексики» знаменитого бостонца Уильяма Прескотта и «заразился» историей майя и историей

народов Месоамерики вообще. Брассёр познакомился с большинством манускриптов и других письменных источников, хранящихся по обе стороны Атлантики, но его целью стал поиск все новых и новых документов. Кстати, священник-исследователь обладал выдающейся способностью: он с легкостью брался за изучение иностранных языков и с такой же легкостью ими овладевал. Брассёр быстро выучил ацтекский язык науатль, а также два языка майя – киче и какчикель, что позволяло ему молниеносно просматривать манускрипты, идентифицировать и переводить.

В Рабинале Брассёр услышал единственную сохранившуюся с доиспанских времен «устную эпическую драму», известную ныне как «Рабиналь-ачи» («Воин из Рабиналя»). Это фольклорное произведение ученый записал и опубликовал вместе с грамматикой языка киче. В Гватемале ему удалось разыскать «Анналы какчикелей», или «Летопись какчикелей» – записанную историю покорения испанцами высокогорья Гватемалы. И там же, в библиотеке местного университета он ознакомился с единственной копией манускрипта «Пополь-Вух».

«Пополь-Вух» (Книга Совета, а в более широком смысле – Книга Народа) написана членами правящей династии киче на своем языке-диалекте, правда, на основе испанского алфавита. Она создавалась, очевидно, сразу после испанского нашествия и повествует о доиспанской истории этой части народа майя, однако более ранние главы книги посвящены генезису майя вообще. Оригинал книги ныне считается утраченным, однако

на рубеже XVIII века священник-доминиканец Франсиско Хименес, обнаружив книгу в Чичикастенанго, сделал ее копию и перевел на испанский язык. Именно копию Хименеса увидел Брассёр в Гватемале. Если быть совсем точным, первым испанский перевод Хименеса обнаружил и опубликовал его для широкой публики в 1857 году другой исследователь, австриец Карл Шёрцер; однако именно Брассёр в 1861 году впервые опубликовал оригинал книги, снабдив его французским переводом. Настойчивый и хитрый француз «одолжил» манускрипт для перевода, а затем попросту переправил его во Францию, откуда в 1911 году он попал в чикагскую библиотеку «Ньюберри».

Брассёр вернулся в Европу в 1857 году, прихватив с собой целый ворох документов, многие из которых вовсе не относились к майя. Однако среди майяского материала находился и 1200-страничный манускрипт, который француз приобрел в книжной лавке Мехико за смехотворную сумму – четыре песо. Это так называемый «Словарь Мотуль», манускрипт XVI века, в котором отражена лексика юкатекского варианта языка майя. Этот раритет – бесценный подарок для лингвистов и дешифраторов всех поколений, ибо многие слова XVI века и их значения до сих пор используются для интерпретации майяских текстов классического периода. Вывезенные материалы послужили основой для создания четырехтомного труда «История цивилизованных наций Мексики и Центральной Америки».

В Европе, а точнее, в европейских архивах Брассёр продолжил свою исследовательскую и по-

исковую работу, и величайшее открытие не заставило себя долго ждать. В 1863 году в библиотеке Мадридской академии истории он наткнулся на старый рукописный фолиант, пылившийся на полке и абсолютно никем не замечаемый. Это была копия отчета испанца Диего де Ланда «Сообщение о делах в Юкатане». После этого во всей истории майяологии настал действительно переломный момент.

Большая часть отчета была опубликована уже в следующем году, и эта публикация, без преувеличения, произвела среди исследователей майя настоящий фурор. Чем же была вызвана такая реакция? Отметим два важных момента. Во-первых, Брассёр обнаружил письменные знаки-иерогли-

Алфавит языка майя. Страница из отчета Диего де Ланда «Сообщение о делах в Юкатане»

фы, обозначавшие дни 260-дневного календаря «цолькин», или священного календаря, а также названия месяцев 365-дневного солнечного календаря. Сами названия дней и месяцев были известны давно, еще с тех пор, как мексиканский краевед Пио Перес поведал о них Стефенсу. Но теперь широкой публике стали известны еще и иероглифы, обозначавшие эти названия. Во-вторых, в своем отчете де Ланда недвусмысленно пояснил, что он демонстрирует читателю майяский алфавит. Вы также имеете возможность увидеть его.

Каждой латинской букве от А до Z соответствует какой-либо майяский знак-иероглиф, начертание и значение которого де Ланда узнал от своего информатора Гаспара Антонио Чи. Несколько букв отсутствуют, и Ланда объяснил это тем, что в языке майя попросту нет некоторых привычных нам звуков. Кстати, любопытно, что иной раз одной и той же испанской букве соответствует сразу несколько иероглифов. Более того, некоторые иероглифы читаются как сочетание согласного и гласного звука и являются по сути слогами. Увидев этот подарок судьбы, Брассёр понял, что великая иероглифическая мистерия близится к своему разрешению, и «Розеттский камень», о котором так грезил Стефенс, уже находится перед его глазами.

Перед тем как уделить внимание попыткам Брассёра расшифровать некоторые письма, затронем вкратце тему так называемых кодексов майя. К сожалению, лишь три из них пережили испанскую конкисту, костры де Ланда и бессмысленное пренебрежение со стороны заокеанских

пришельцев. Там не менее эти уцелевшие манускрипты оказались в Европе и носят названия тех городов, где они до сих пор хранятся. Первый из них – «Дрезденский кодекс» – скорее всего, отправил из Мексики сам Кортес в 1519 году. Далее документ теряется из виду до тех пор, пока его в 1739 году не приобрел за бесценок у частного лица директор Саксонской Королевской библиотеки в Дрездене. В следующем году манускрипт каталогизировали как «бесценную мексиканскую книгу с иероглифическими фигурами». «Бесценная книга» так и провалялась бы в запасниках библиотеки неизвестно сколько времени, если бы о ней не услышал Александр фон Гумбольдт, работавший в то время над книгой «Виды на Кордильеры». Все 74 страницы кодекса скопировал для Гумбольдта итальянский художник Агостино Алью.

«Дрезденский кодекс» – наиболее информативная из всех дошедших до нас майяских книг. Основная часть кодекса посвящена ритуалам, которые надлежит исполнять в рамках 260-дневного священного календаря. Другая часть книги состоит из таблиц-эфемерид движения Венеры по небосводу, а также таблицы с датами ожидаемых солнечных и лунных затмений. Пространные тексты написаны черной и красной краской на красном, желтом и голубом фоне. Книга иллюстрирована изображениями богов, каждый из которых соответствует определенному дню календаря.

В 1859 году в Париже неожиданно «всплыл» еще один кодекс. Его обнаружил молодой исследователь древних рукописей Леон де Росни. Говорят, он обнаружил раритет в пыльной корзине,

задвинутой в самый угол в одном из подвальных помещений Имперской библиотеки.

«Парижский кодекс» представляет собой 22-страничный фрагмент майяской книги, по содержанию и значению не уступающий своему дрезденскому собрату. В нем также содержатся инструкции по отправлению религиозных ритуалов, но на этот раз связанных с катунами – двадцатилетиями. Современные ученые находят в «Парижском кодексе» элементы своеобразного «зодиака» майя, то есть собрания тех созвездий, через которые проходят планеты, луна и солнце. На сегодняшний момент известно, что кодекс побывал в руках не одного исследователя еще до Росни, но как он попал в Париж, до сих пор остается загадкой.

Третью сакральную книгу майя в 1866 году обнаружил в Мадриде Брассёр де Бурбур. Древний манускрипт на 70 страницах принадлежал профессору палеографии, страстному собирателю старинных рукописей Хуану де Тро-и-Ортолано, который объявил себя ни много ни мало потомком самого Кортеса. Брассёр одолжил манускрипт для печатной публикации, что, собственно, и сделал в 1869 году, озаглавив вышедшее издание «Кодексом Троано», – так он соединил элементы сложной фамилии хозяина раритета. Заполучив в руки заветный манускрипт и «подсказку» – алфавит де Ланда, Брассёр пребывал теперь в полной уверенности, что таинственная письменность майя будет вот-вот расшифрована.

Сегодня у меня есть все. Мне доступны теперь любые письма, и даже несмотря на многочислен-

ные вариации одного и того же знака в некоторых случаях, тот самый «ключ», который я использовал, чтобы прочитать «Кодекс Троано», позволит мне прочитать и дрезденский манускрипт и мексиканский из Имперской библиотеки («Парижский кодекс»), так же, как и письма Паленке и надписи на монолитах в Копане.

Итак, в руках у Брассёра оказались материалы, лингвистический анализ которых должен был привести, по его мнению, к подлинному научному прорыву. Однако, как выяснилось позже, ожидания были чересчур оптимистичными. Пылкому французу так и не удалось понять смысл отдельных слов, предложений и целых текстов. Иероглифы майя через толщу столетий упорно не желали материализоваться в звуки и понятные слова. Брассёр находил то там то здесь похожие по написанию знаки, выстраивал их определенным порядком, пытался хотя бы приблизительно догадаться об их значении, но всё было тщетно: упрямые иероглифы не собирались сдаваться. Еще одна проблема Брассёра, хоть это и может показаться забавным, заключалась в том, что он пытался читать майяские тексты задом наперед, то есть в неправильном направлении. Он «проходил» столбец иероглифов сверху вниз, а затем принимался за соседний столбец слева, то есть пытался прочесть их на манер китайских – сверху вниз и справа налево. На самом деле читать письма майя следовало слева направо и снизу вверх – это в 1882 году установил американский исследователь Сайрус Томас. Ну а Брассёр, глубоко разочаровавшись,

должен был признать свое поражение, однако этого не сделал и вместо этого стал всех уверять, что прочитал майяские тексты, не объясняя, правда, каким образом. Его фантазии позабавили многих: так, Брассёр уверял, что тексты майя посвящены... пропавшей Атлантиде. По его словам, выжившие атланты перебрались в Месоамерику и основали цивилизацию майя. Интересно, что Брассёр настолько уверовал в свои фантазии, что без устали пропагандировал их вплоть до своей смерти в 1874 году.

Тем не менее значение открытий и методологию изучения письменности майя, предложенную Брассёром, умалять ни в коем случае нельзя. Он правильно подтвердил значение и произношение некоторых известных иероглифов и открыл значение некоторых новых, таких как знак «кин», обозначающий один из дней года; иероглиф «тун», обозначающий 360-дневный период и иероглиф «у», выполняющий функцию обычной буквы алфавита.

После смерти Брассёра эстафету по изучению письменности майя подхватил де Росни. Уже в 1875 году мадридский Археологический музей приобрел еще один фрагментарный кодекс майя, так называемый «Кодекс Кортезианус». Ходили слухи, что артефакт привезен в Европу самим Кортесом. Де Росни тотчас же примчался в Мадрид и убедился, что новая находка есть не что иное, как недостающая часть «Кодекса Троано». Обе части сегодня находятся в Музее Америки в Мадриде и известны ученому миру под общим названием «Мадридский кодекс».

По результатам своих собственных исследований кодексов де Росни удалось определить иероглифы, обозначающие стороны света. Но главной его заслугой стала уверенность, что знаки в алфавите де Ланда – не просто «буквы», а нечто иное. Очень немногие в ту эпоху думали так же, как Росни, но время показало, что они оказались правы.

Впервые настоящего прогресса в дешифровке письменности майя добился немецкий исследователь Эрнст Форстеман в период между 1880-м и 1900-м годами. В этом Форстеману прежде всего помогала занимаемая должность – он служил имперским библиотекарем в Дрездене, поэтому любой артефакт или манускрипт находился у него перед глазами. Имея непосредственный доступ к реликвиям, он позаботился о публикации нескольких прекрасных факсимильных изданий, за что мы, потомки, безумно ему благодарны.

Когда Форстеман приступил к своим изысканиям, ему было 58 лет, но несмотря на возраст, в следующие четверть века он опубликовал 50(!) работ по иероглифической письменности майя. Лингвист, сын видного математика, Форстеман был необычайно скрупулезным и дисциплинированным исследователем, и поэтому нет ничего удивительного в том, что он считается одним из столпов в области изучения письменности майя. Он увидел, что работа с алфавитом де Ланда ничего не дает, и поэтому сосредоточился на других аспектах истории и языкознания, таких как календарь, мифы, точки и столбики как составные части письма, сами тексты кодексов и сведения, собранные Пио Пересом и опубликованные Стефенсом. К моменту сво-

ей смерти в 1906 году Эрнст Форстеман, как и его современники, имел уже четкие представления о таких фундаментальных вещах, как календарь майя и их астрономические и математические познания. Стало точно известно, что календарь майя базируется на двух великих циклах – 260-дневном *цолькине* и 365-дневном *хаабе*, чуть укороченном, по нашим представлениям, земном годе (как известно, в году 365, 25 дня). Комбинация, а точнее, совпадение этих двух циклов, носящее название Календарного Круга, в точности повторяется каждые 52 года. Форстеман также разобрался в системе так называемого *долгого счета* и открыл, что за его начало принят день 4 Ахау 8 Кумху Календарного Круга. По всему выходило, что в основе всех расчетов у майя лежала двадцатиричная система исчисления, а не десятичная, как у нас. Кроме того, исследователь обнаружил в «Дрезденском кодексе» так называемые эфемериды Венеры, то есть таблицы с точными координатами утренней планеты на небосводе, и точные даты предстоящих лунных затмений!

В свое время Стефенс не раз говорил, что следующим за ним поколениям предстоит гигантская работа. Действительно, изучив лишь небольшую часть наследия майя в своих двух экспедициях, он осознал, что основная, и быть может, самая интересная его часть все еще скрывается в непролазных тропических джунглях. Очевидно, великий путешественник имел в виду труднодоступные районы гватемальской низменности и плоскогорья. Эта мысль встречается в одной из его книг, где он рассказывает, как во время экспедиции по

пути из Гватемалы в Паленке в маленьком местечке Санта-Крус-дель-Киче они встретились с удивительным человеком – местным падре, который прожил в гватемальском высокогорье 30 лет. Когда-то он начинал свое служение Господу в городке Кобан, где и услышал от местных прихожан фантастические истории о том, что «далеко за северными склонами гор находится большой обитаемый город, населенный индейцами, который сохранился в том же виде, каким был до открытия Америки». Заинтересовавшись услышанным, молодой священник взобрался на гору, и его взору открылся вдалеке «большой город с белыми, сверкающими на солнце башнями». Однако посетить это место у падре не достало духу: поговаривали, что жители города убивали всякого непрошеного гостя. Не решились побывать там и Стефенс с Казервудом. Правда, сам Стефенс объяснял это тем, что тогда у них не было ни времени, ни ресурсов для организации еще одной серьезной экспедиции. Кстати, во время своего второго путешествия по северу Юкатана он подумывал о том, чтобы углубиться в южные тропические леса, однако тотчас же отказался от этой идеи, только представив трудности, с которыми пришлось бы столкнуться ему и его команде. Нет, это для более молодых и энергичных исследователей, решил он, которые непременно обследуют нетронутый район, раскинувшийся от Белиза до Гватемальской равнины и долины реки Усумасинты. Ну а пока...

Уокер и Кэдди пересекли северный Петен на пути в Паленке, однако оставили очень мало свидетельств. Галиндо гостил во Флоресе, на самом

берегу озера Петен-Ица, откуда сделал вылазку к руинам Топоште к востоку от озера, однако на север идти не решился. Лишь в 1848 году Амбросио Тут, губернатор провинции Петен в то время, и полковник Модесто Мендес, фактический правитель Флореса, посетили и исследовали великий город Тикаль. Сам Тут по происхождению был майя и, как любой уроженец этих мест, не только знал о существовании древних городов, но и посетил многие из них лично. Шесть дней, проведенных Тутом и Мендесом в Тикале, считаются первым официально признанным и зарегистрированным современной историографией посещением этого города людьми со времен его упадка в конце классического периода, то есть за последнюю тысячу лет.

Тут и Мендес оказались довольно посредственными исследователями; еще более наивным и ничемным оказался их компаньон, так называемый «художник» Эусебио Лара. Рисовал он также откровенно и бестолково, как, например, Хосе Кальдерон, исследовавший в свое время Паленке. И все же несмотря на несерьезность и неосновательность предприятия, отчет Мендеса в том же году появился в Гватемале, а рисунки Лары опубликовали в Германии в 1853 году. А всемирное признание Тикаля как выдающегося исторического комплекса ждало своего часа. Этот час наступил в 1881 году вместе с появлением в тех местах английского исследователя Альфреда Модсли.

Модсли прибыл в Тикаль на Пасху вместе с вереницей нагруженных мулов, несколькими слугами, небольшой бригадой местных рабочих, расчищавших дорогу в джунглях, а также со своим

немецким приятелем Заргом, ожидавшим экспедицию в Кобане и обещавшим показать «только что открытые возле Флореса, но не исследованные еще руины города, о котором говорят, что он так же прекрасен, как Паленке». Дорога от Кобана до Тикаля заняла более двух недель, в течение которых Модсли мучался желудочным расстройством, а его слуги и рабочие не желали работать на Страстной неделе. В общем, по прибытии в конечный пункт экспедиции – Тикаль – бедный, изможденный англичанин смотрел на все красоты и достопримечательности без особой радости и энтузиазма. Казалось бы, цель достигнута – тайна, к которой путешественник продирался сквозь джунгли, будет раскрыта, а самого его ожидает непочатый край интереснейшей работы... Но не всегда, к сожалению, счастливики осознают исключительность момента и бросают вверх шляпы от восторга, особенно если их валят с ног усталость и болезни.

Храм в Тикале. Рисунки
Эусебио Лары

Я расстроился необыкновенно: лес, казалось, рос повсюду; работа по расчистке зданий мне виделась невыполнимой, а о хорошем качестве фотографий и речи быть не могло. Без сомнения, я стоял на окраине очень большого города, гораздо большего, чем все те, о которых упоминал Стефенс.

Правда, на следующий день настроение Модсли резко улучшилось: его слуги и рабочие вернулись к своим обязанностям, а сам глава экспедиции приступил к фотографированию, самому первому в истории изучения Тикаля. Он карабкался на пирамиды, хватаясь за ветви деревьев, кусты и лианы. Взобравшись на вершину одной из них (вероятно, Храм I, известный также как Храм гигантского ягуара), он смог по достоинству оценить красоту огромного архитектурного комплекса, утонувшего в непролазных джунглях. Его первые же фотографии дают нам полномасштабную панораму города, справедливо кем-то названного «майским Римом».

Тикаль стал конечной остановкой в путешествии, начатом Модсли в декабре предыдущего года. По окончании работ он вернулся в Гватемалу, для того чтобы «провести зиму в теплом климате». Модсли был очень скромным, стеснительным и довольно скрытным человеком, и в Гватемалу он вернулся не для того, чтобы нежиться под теплым солнцем. Одиннадцать лет назад он уже посещал Центральную Америку: в ту пору Модсли изучал анатомию и ботанику в Кембридже и много слышал от знаменитого натуралиста Осберта Салвина о Гватемале – чудесном месте для изучения влажных лесов и животного мира, их населяющего. У Модсли возникло страстное желание посвятить себя орнитологии, и он в 1870 году отправился в Гватемалу, где провел целый месяц, изучая местных пернатых. Древних руин он тогда, правда, не видел.

По сведениям исследователя Яна Грэхема,

Модсли в молодости очень страдал от хронического бронхита, и поэтому по окончании Кембриджского университета решил продолжить научную карьеру непременно в теплых странах. Он поступил на государственную службу, ведавшую делами колоний, и это позволило ему провести долгое время на Тринидаде, в Австралии и на Фиджи, где он серьезно увлекся этнографией. В 1880 году Модсли внезапно потерял интерес к государственной службе и вернулся из Океании в Англию, где у него появилось новое увлечение – археология. Когда-то Салвин показал ему фотографии Копана и Киригуа, и Модсли, пораженный увиденным, бросился читать труды Стефенса. Не имея стеснений в средствах, в декабре 1880 года он во второй раз отправился в Гватемалу с целью посетить древние города майя и понять, может ли он сам внести какой-нибудь вклад в дело, начатое когда-то его соотечественниками Стефенсом и Казервудом.

В январе 1881 года молодой англичанин прибыл в Ливингстон – порт на Карибском побережье Гватемалы, откуда, наняв нескольких местных крестьян, тотчас же отправился в Киригуа, который некогда посетил и Казервуд. Там взору путешественников предстали величественные стелы и каменные монументы, отдельные из которых вздымались на высоту 9 метров, то есть были самыми высокими из всех, когда-либо воздвигнутых майя. Затем экспедиция Модсли отправилась в Копан. Местные стелы очень походили на своих собратьев из Киригуа – их также украшали глубокие барельефы и обрамляли иероглифы, а человеческие фигуры на них изображались в таких же

одеждах. Посетив оба комплекса, Модсли убедился, что рисунки Казервуда не отличались точностью и не показывали многих деталей, особенно это касалось иероглифов.

Модсли, никогда не позиционировавший себя большим знатоком и крупным исследователем, не стал выдвигать никаких теорий и делать поспешных выводов. Любой, кто читал его труды, легко убеждался в том, что застенчивый англичанин не торопился высказывать своего мнения и предпочитал, чтобы это делали другие. Свою задачу он видел в поиске артефактов и документов, в фотографировании, в нанесении планов и выполнении зарисовок, то есть намеревался лишь предоставлять информацию всем тем, кто был в этом заинтересован. Как он сам позднее высказался: «Я пытался помочь ученым разгадать загадки, которые нам оставила цивилизация майя, не выходя из-за письменного стола». В лице Модсли мы одновременно видим приверженца научного стиля и методологии,

Тикаль в 1881 году. Снимок сделан Альфредом Модсли с вершины Храма I

господствовавших в Европе конца XIX века, а также ответственного государственного служащего и настоящего английского джентльмена.

Итак, в начале 1881 года, перед самым началом сезона дождей, Модсли успел посетить Киригуа, Копан и Тикаль. Летом он съездил в Англию, а декабре того же года вернулся в Гватемалу. На этот раз путешественник провел неделю в Тикале и пять дней в Киригуа. От своего старого приятеля мистера Зарга он узнал о неизвестных древних руинах, находящихся где-то на берегу Усумасинты. В марте 1882 года Модсли в сопровождении нескольких слуг и проводника на двух каноэ отправился в путь по реке с целью добраться до далекого, неизведанного места, хранившего свои тайны от взгляда посторонних. Путникам пришлось пробираться через бесчисленные пороги, стремнины и заросли, кишасщие крокодилами. Изредка попадались и люди – настоящие лесные индейцы. Спутники Модсли называли их *лакандонами*, или *карибес*. В одном месте путешественники заметили причаленное к берегу каноэ, хозяев которого нигде не было видно. Модсли приказал приблизиться и ждать владельцев суденышка. Наконец, из лесу показались женщина и молодой человек.

Перед нами стоял неотесанного вида паренек с крепкими конечностями и длинными черными волосами. Его резкие черты лица – выступающий нос, толстые губы – и мощное телосложение не шли ни в какое сравнение с характеристиками моего гребца. На молодом человеке было длинное коричневое одеяние из плотного и грубого мате-

риала, похожего на мешковину, сплошь забрызганную пятнами красной краски.

Сразу после этой встречи путешественники направились в селение лакандонов, расположенное в двух милях от берега. Сквозь заросли буйной тропической растительности туда вела едва заметная, петляющая, как змея, тропа, на которую, судя по всему, ступала нога не только человека, но и дикого хозяина здешних просторов – ягуара. Вскоре показались три хижины, которые от засеянного хлопком, маком, перцем и табаком поля отделял быстрый звонкий ручей. Славный малый, пригласивший путников в свою деревню, по-видимому, никогда не расставался со своим охотничьим снаряжением – луком и стрелами с каменными наконечниками. Хорошо рассмотрев этих «примитивных людей со скошенными лбами и выступающими скулами», Модсли поймал себя на мысли, что они поразительно походят на героев древних майяских барельефов и скульптур.

Путники переночевали у гостеприимных индейцев, а утром вернулись к реке и, погрузившись в свои каноэ, продолжили

Стела 11, Йашчилан

путь вниз по реке. В тот же день они увидели нагромождение огромных каменных глыб на высоком берегу. Скальные породы или руины древнего поселения? Они выбрались на берег и, расчищая себе путь в джунглях, стали пробираться наверх по террасам, а на высоте 75 метров над рекой наткнулись «на такое большое и необычное здание», в котором Модсли, по его словам, и сам не отказался бы пожить. Потом путники полезли еще выше и, в конце концов, очутились «на самой верхней площадке похожего на пирамиду здания, волшебным образом сохранившегося даже еще лучше, чем увиденные в Тикале».

Город майя, обнаруженный путешественниками на высоком берегу Усумасинты, известен сегодня как Йашчилан (Яшчилан). Название города буквально означает «зеленые камни». Он расположен на мексиканском берегу реки, в подковообразной излучине, с трех сторон защищающей город от непрошенных гостей. Архитектура здесь довольно разнообразная, и в отличие от высоких храмов-пирамид Тикаля постройки Йашчилана достаточно скромны и по масштабности, скорее, напоминают сооружения Паленке. У большинства зданий толстые стены, множественные входы и, как в Паленке, характерные «мансардные» крыши с большими «гребнями», издалика напоминающими огромные голубятни. Многие здания украшали барельефы, причем вырезанные преимущественно на известняковых притолоках, в отличие от Тикаля, где притолоки были выполнены из дерева. Модсли решил снять и увезти с собой несколько и для этого даже испросил разрешения

Храм 33 в Йашчилане.

Построен в 756 г. в честь правителя по имени Птица-Ягуар через 4 года после его воцарения. Крыша в виде гребня – характерная особенность городской архитектуры. В центре здания размещена большая барельефная фигура Птицы-Ягуара, выполненная из известняка

гватемальского правительства. Удивительно, что эти дикие и удаленные места гватемальское правительство считало своими, даже не догадываясь, что руины Йашчилана принадлежат Мексике. Модсли довольно быстро получил разрешение на вывоз, и теперь притолоки с иероглифами и сценами из жизни мифических героев можно увидеть в мексиканской галерее Британского музея.

На четвертый день нахождения в Йашчилане, как раз в тот момент, когда рабочие вовсю очищали комплекс от зарослей, Модсли узнал, что с запада приближается еще одна экспедиция – во главе с французским исследователем Дезире Шарне. Путешествие это спонсировали французское правительство и франко-американский табачный ко-

роль Пьер Лорийяр, именем которого Шарне обещал назвать какой-либо вновь найденный город майя. Шарне, между прочим, стал всемирно известным основоположником историко-археологической фотографии. Он побывал и в Паленке, и в Ушмале, и в Чичен-Ице – всегда в компании с громоздким фотоаппаратом-обскурой и хрупкими стеклянными кассетами конца 1850-х годов. В эту же, свою вторую экспедицию он вновь взял фотографический, теперь уже более совершенный аппарат и был преисполнен желанием изготавливать модели зданий из папье-маше. Современный историк Дэвид Адамсон назвал его «подобием современного продюсера, отправившегося в джунгли со своей телевизионной бригадой». Естественно, Шарне хотел найти что-нибудь этакое и стяжать себе славу первооткрывателя, но – увы и ах! – его опередили. На подходе к Йашчилану его экспедиция встретила с человеком Модсли, который ходил по деревням лакандонов в поисках провизии. Шарне вошел в положение незнакомца и великодушно подарил тому полпоросенка, мешок риса и бисквиты. Не забыл он предоставить и свою визитную карточку – «Мсье Дезире Шарне. Франко-американская научная миссия». Двумя днями позднее среди руин Йашчилана состоялась незабываемая встреча двух исследователей. Шарне описал ее так:

Мы пожали друг другу руки. Он узнал мое имя и назвал свое: «Альфред Модсли, эсквайр из Лондона». Видимо, он заметил мою неловкость и мой потерянный взгляд. «Все в порядке, – сказал он, – не стоит так смущаться. Нам просто выпал

шанс начать это путешествие раньше, просто шанс. И не стоит беспокоиться на мой счет, я всего лишь любитель, путешествующий в свое удовольствие. В вашем случае, конечно, все по-другому... Я не стану что-либо публиковать. Что ж, добро пожаловать! Я уже приготовил вам место для обустройства, а что касается руин – они полностью в вашем распоряжении. Вы можете как-нибудь назвать этот город и заявить, что это именно вы его открыли, то есть делайте все, что вам угодно». Я был необыкновенно тронут его предложением и участием, но на самом деле мне хотелось лишь разделить с ним славу открытия и изучения этого города. Мы жили и работали, как братья или как лучшие друзья на свете.

Откровенно говоря, несмотря на весь этот фейерверк благородства, Модсли не испытывал никакого удовольствия от присутствия Шарне. Любое присутствие посторонних людей, конечно же, отрицательно сказывается на работе, и Модсли в неопубликованных заметках на полях посетовал: «Шарне не произвел на меня впечатления высококлассного ученого. Да, он приятный в общении джентльмен, жаждущий славы и кафедры американской истории в Париже... По мне, так он обыкновенный французский путешественник, а не щепетильный исследователь».

Однако в Йашчилане Шарне оказал Модсли одну очень большую услугу: он обогатил научный инструментарий англичанина простым и надежным способом сохранения объемных пропорций монументов, храмов и пирамид с помощью папьемаше. Модсли немедленно посадил своего секре-

таря за изготовление бумажных моделей некоторых майяских артефактов, например, притолок с барельефами. «Это такой простой процесс, что я до сих пор удивлен, почему я не знал о нем раньше», – писал позднее Модсли.

С 1881 по 1894 год Модсли предпринял семь экспедиций по всей империи майя. Кроме Тикаля и Йашчилана он уделил внимание таким комплексам, как Копан, Киригуа, Паленке, Чичен-Ица, а также малоизвестному местечку Ишкун в Петене. Во всех своих путешествиях он стремился собрать как можно больше информации об архитектуре и письменности, используя фотографирование и два способа изготовления моделей: из папье-маше и гипса. Кроме фотографического оборудования и провианта на многие недели полевых работ теперь еще требовалось много гипса, бума-

Дезире Шарне в поисках затерянных городов

ги, упаковочного материала и специальных ящиков для транспортировки хрупких гипсовых моделей на пароходах. В Копане Модсли и его новый компаньон промышленник Гинтини использовали 4 тонны гипса и выполнили 1400 различных артефактов. А в Киригуа изготовление одной только копии скульптуры «Великая черепаха» потребовало 600 разных моделей и 2 тонны гипса.

Случайные происшествия, внезапные дожди в самый неподходящий момент, когда гипсовые оттиски и формы сушились под открытым небом, неосторожное обращение с готовыми изделиями вынуждали всю работу делать заново. Финансирование экспедиций целиком ложилось на плечи Модсли, кроме единственного путешествия в Копан, оплаченного Музеем археологии и этнологии Пибоди при Гарвардском университете. У французов же, наоборот, со времен Наполеона установилась традиция государственной поддержки любого научного или культурного изыскания.

Все отчеты Модсли, его фотографии, рисунки и схемы публиковались в период между 1889 и 1902 годами в многотомном энциклопедическом издании «*Biologia Central-Americana*». В основном этот труд посвящен описанию флоры и фауны Мексики и Центральной Америки, однако один из его издателей Осберт Салвин, а также доверенное лицо Британского музея Фредерик Дю Кейн Годман уговорили Модсли включить свои материалы в четырехтомный раздел под названием «*Archeologia*». Качество этой опубликованной работы неподражаемо, и все вошедшие туда фотографии и рисунки оставались непревзойденными вплоть до 1970-х (!), когда Ян Грэхем начал свою работу «Собрание майяских иероглифических писем» – проект, целью которого стала публикация всех фотографий, рисунков и всех мыслимых материалов, посвященных только одной-единственной теме – иероглифической письменности майя. Грэхем и его коллеги продолжили начатую Модсли тради-

Альфред Модсли за работой в Чичен-Ице

цию — делать все возможное для того, чтобы ученые могли изучать секреты майя «не вставая из-за своего письменного стола».

Модсли заслуженно признан величайшим собирателем и исследователем наследия майя конца XIX века, однако в один ряд вместе с Модсли и Шарне можно поставить Теоберта Малера, натурализованного австрийца, родившегося в семье выходцев из Германии. В 1846 году он вступил в ряды французской армии и отправился в Мексику, где помогал экспедиционному корпусу усадить на местный трон нового короля Максимилиана. После всех бурных событий Малер с группой индейцев попал в Паленке, где нашел... свое новое призвание. Он купил дом в мексиканской Мериде и решил посвятить остаток своей жизни изучению истории майя, в чем блестяще преуспел. Вспыльчивый, колючий, очень тяжелый в общении чело-

век, Малер тем не менее признан одним из выдающихся «полевых» исследователей. Он не делал гипсовых слепков с барельефов и вырезанных иероглифов, не мастерил объемных конструкций из папье-маше; его конек – яркие, насыщенные описания и планы многих неизвестных городов майя, а также прекрасные фотоснимки, по качеству не уступающие фотографиям Модсли.

В 1880-х годах Малер обследовал северный Юкатан и долину реки Усумасинты и открыл неизвестные города майя, условно названные (Алтар-де-Сакрифисьос) и Пьедрас-Неграс (буквально – «черные камни»). Также он продолжил работу, начатую Модсли в Йашчилане. И все же ранее изученные леса Петена – главное достижение Малера как исследователя-первопроходца. В 1890-х годах этот регион стал открываться миру главным образом из-за американского экономического бума и, следовательно, из-за потребности американской промышленности в натуральном каучуке – застывшем соке (или «чикле» по-майяски) дерева гевеи (в империи майя это дерево называлось «чикосапоте»). Чиклерос – собиратели чикле бродили по бескрайним зарослям Центральной Америки в поисках вожделенного сока и, конечно же, являлись прекрасными проводниками для разного рода ученых, промышленников, авантюристов. Вероятно, с их помощью Малер наткнулся в джунглях на свое главное открытие – мало известный до тех пор городок, условно названный Наранхо. Путешествовавший налегке, без громоздких приборов и оборудования, он нашел множество других замечательных мест, свя-

занных с майя. Кстати, весьма плодотворно и долго Малер работал в Тикале, где, как мы помним, время Модсли было ограничено. С 1898 года Музей археологии и этнологии Пибоди предложил австрийцу контракт на проведение экспедиций под своей эгидой и, соответственно, с предоставлением полного финансирования. В итоге в течение целого десятилетия интереснейшие фотографии и другие материалы украшали стены музея-спонсора. К разрыву отношений между музеем и исследователем привела неисполнительность последнего, а также его желчный, скандальный характер. Умер Малер в Мериде в 1917 году. Его главное наследие – огромный фотоархив, который много лет служил в качестве прекрасного исследовательского материала для нескольких поколений ученых.

В период с 1880-го по 1910-й годы было собрано огромное количество научного материала и сделаны все ключевые открытия. Все, кроме одного: в ту эпоху так и не удалось расшифровать таинственные письмена майя. Следует признать, что кое-какие успехи все-таки имелись. Подробные записи и зарисовки, которые составил Модсли после экспедиции в Копан, позволили Форстеману понять значение некоторых иероглифов, изображенных на стеле в этом городе. Эти знаки относились к системе долгого счета – разновидности майяского календаря. Однако разгадка значения нескольких знаков не позволила немцу соотнести календарь майя с христианским. Лишь в 1905 году этого колоссального успеха добился владелец одной американской газеты, исследователь-любитель, лингвист Джозеф Гудмэн. Опираясь на тру-

ды Форстемана, публикации Модсли и рукописи де Ланда, Гудмэн добился такой точной корреляции календарей, что она, с некоторыми исправлениями, дожила до сегодняшних дней. Открытие американца означало, что теперь все важнейшие события из жизни майя можно было привязать к привычной нам системе координат. При анализе характерных иероглифов на различных монументах выяснилось, что расцвет цивилизации майя пришелся на период с 300 по 900-й годы н. э., который вскоре стал называться классическим периодом. Кроме того, не вызывал сомнений тот факт, что древние майя придавали чрезвычайно большое значение записи хода времени. На упомянутой стеле, например, половина текста относилась к календарной информации, то есть представляла собой иероглифы, при помощи которых летописцы майя обозначали датировку. Но данная информация не имела никакой ценности, так как не было известно о событиях, привязанных к этой датировке. К сожалению, самую главную часть писем расшифровать не удалось. Важный шаг в этом направлении сделал еще один немецкий ученый, Пауль Шелльхас, успешно идентифицировавший в кодексах имена многих богов и иероглифы им соответствующие. В 1904 году он опубликовал список из 15 майяских божеств, каждому из которых присвоил латинский индекс от А до Р. После опубликования трудов Шелльхаса в ученом мире окрепло подозрение, что все письмена на монументах и зданиях классического периода представляют собой либо датировки, либо имена богов.

Открытия, сделанные к началу XX века как в

джунглях, так и за письменным столом, показали истинные масштабы, временные и географические, распространения необычайной цивилизации. Конечно, критерии цивилизаций оставили после себя известные культуры Старого Света, но майя, благодаря своим выдающимся интеллектуальным способностям и достижениям в письменности, архитектуре, астрономии, математике и других областях, не так уж и далеко отстают от наиболее развитых древних обществ Европы и Востока. Их архитектура, яркая и величественная, а в случае с Паленке и Ушмалем – еще и утонченная, не идет ни в какое сравнение с тем, что имелось у других народов Америки. Скульптура майя и роспись глиняной утвари (хотя изображавшая весьма неприятные вещи) стоят вровень с античным искусством исчезнувших цивилизаций Старого Света. В 1913 году на эту тему высказался искусствовед Герберт Спинден:

На первый взгляд, их искусство, чересчур экзотичное и уникальное, нельзя сравнивать с искусством Старого Света, однако, внимательно рассматривая наиболее выдающиеся творения майя, мы находим, что они абсолютно аналогичны самым ранним произведениям народов Средиземноморья в том, что касается мастерства художников и совершенства форм. Кое в чем, например, в умении тонко разрезать твердые горные породы или в умении составлять и отображать художественные композиции, майя, похоже, даже превзошли своих собратьев с Крита, из Эллады и других мест Средиземноморья.

В общем и целом, в начале XX века в ученых кругах окончательно утвердилось мнение о майя как о народе самобытном, необычном, но в чем-то походившем на другие высокоразвитые народы древнего мира. Цивилизацию майя теперь стали называть не иначе как классической. Помимо всего прочего, неясным и необъяснимым оставался факт странного ее упадка примерно к 900-му году н. э., что, конечно, добавляло ей изрядную долю таинственности и мистицизма и делало предстоящую работу по изучению этой цивилизации для последующих поколений ученых и исследователей более волнительной и интересной.

Утопия в джунглях

Кто-то может подумать, что наступивший на рубеже XIX–XX веков прогресс в науке и технологиях не оставит от загадок майя камня на камне. Однако этого не произошло. Более того, на каком-то этапе отношение к этой проблематике стало более романтизированным и даже мифологизированным.

Все изменилось сразу же после окончания Первой мировой войны. Великая эра исследователей-одиночек, исследователей-энтузиастов подошла к концу. Отныне за дело взялись крупные фонды, правительственные органы, университетские кафедры и другие общественные и коммерческие институты. Мы уже знаем, что инициатором в деле привлечения к исследованиям значительных сил и средств стал в 1890-х годах музей Пибоди. Одна-

ко в дальнейшем пальму первенства в этом деле перехватил Институт науки Карнеги в Вашингтоне. Под моральной и материальной эгидой института к организации новых полевых исследований приступил великий американский специалист по майя и предприимчивый археолог с талантом руководителя Сильванус Морли. Совместно с Эндрю Карнеги в 1920-х годах он затеял два больших исследовательских проекта: экспедиции в Чичен-Ицу и Вашактун. Морли лично руководил началом работ в Чичен-Ице, а позже организовал систематическое изучение природных ресурсов северного Юкатана. Что касается Вашактуна, то это был малоизвестный и неприметный городок майя, лежащий в труднодоступной лесистой местности в 40 километрах к северу от Тикаля. Между прочим, там была обнаружена стела, датированная 328 годом н. э. На тот момент это был самый древний из когда-либо найденных артефактов майя, и в 1926 году именно в этом месте было решено начать систематические раскопки, продолжавшиеся более десяти лет.

Работа в Вашактуне принесла чрезвычайно важные и полезные плоды. Письмена с датами, найденные во время раскопок, позволили восстановить хронологию развития этого города. Все монументы и здания с их архитектурными особенностями были точнейшим образом нанесены на карту. Что еще более важно – удалось установить хронологическую последовательность развития гончарного дела майя. Так, ученые определили четыре периода развития керамики, и это помогло в дальнейшем лишь по внешнему виду и неко-

торым особенностям найденных черепков судить о примерном возрасте находки. На тот момент считалось, что появление древнейшей керамики восходит к 500–600 годам до н. э.

Институт Карнеги тем временем деловито расширял ареал раскопок, и полевые работы начались в таких городах, как Тулум, Коба и Копан. Одновременно начали свою работу и другие учреждения: в городе Пьедрас-Неграс, например, развернула полевые работы команда из университета Пенсильвании; в Паленке всю «хозяйничали» мексиканские археологи, а чуть раньше начали свои раскопки в Лубаантуне и Пусилье сотрудники Британского музея.

Пышущий энергией и энтузиазмом Морли очень быстро, уже в 1920 году, опубликовал книгу «Письмена Копана», а в конце 1930-х он выпустил многотомный труд «Письмена Петена», ценность которого, прежде всего, заключалась в относительно точной хронологии становления майяских городов в гондурасских джунглях. Морли обстоятельно отнесся к своей миссии: он объявил, что награду получит каждый, кто принесет ему какой-нибудь артефакт с нанесенными на него иероглифами. Однако современные ученые выражают серьезные сомнения по поводу серьезности и достоверности опубликованных американцем трудов. Странно... Казалось бы – такой обстоятельный, профессиональный, с истинным американским размахом подход к выполняемой работе... В чем же дело? Во-первых, качество фотографий и рисунков Морли не соответствует стандартам, определенным Модсли и Малером. Во-вторых, Мод-

сли хоть и не понимал иероглифов, но поставил дело так, что любой его помощник фотографировал и рисовал с абсолютной точностью и щепетильностью, чего не скажешь о Морли. Более того, американец просто игнорировал те части текстов, которые, как ему казалось, не были связаны с календарем, и вообще все знаки, которые не сопровождались датировкой. Естественно, у профессиональных ученых сложилось впечатление, что Морли намеренно относился с прохладцей к тем письменам, которые, по его мнению, никогда не будут расшифрованы.

Помимо сравнительной, описательной и практической археологии в те времена появился новый научный подход к изучаемой тематике. Это направление сегодня мы назвали бы этнографическим. Ученые начали пристально изучать современных майя, их традиции, привычки и ритуалы, чтобы затем свои выводы и наблюдения экстраполировать на народ, живший здесь до испанского завоевания. В итоге выяснилось, что сохранились общие элементы в верованиях современных майя и их предков. Например, майя Северного Юкатана до сих пор обращались к богу дождя Чаку, когда их поля нуждались в поливе, а в высокогорье Гватемалы в некоторых индейских общинах все еще использовался 260-дневный священный календарь. Общее же впечатление ученых сводилось к тому, что майя в отличие от соседних народов очень религиозны – это касалось как католицизма, так и древних верований. Кстати, технологии современных крестьян в точности повторяли те, что когда-то описывал Диего де Ланда. Речь идет

о так называемом подсечно-огневом земледелии, когда община вырубала и сжигала какой-нибудь участок леса, засаживала его культурами, а затем по мере уменьшения плодородности этого участка обрабатывался другой. Этот метод эффективен лишь при наличии обширных лесных массивов и относительно малой плотности населения.

Если Альфред Модсли был воплощением истинного джентльмена из старой доброй викторианской Англии, то Эрик Томпсон являлся представителем современной, довольно близкой нам эпохи. Сын успешного доктора, он по окончании школы сразу же очутился в окопах Первой мировой. На войне Томпсон получил ранение, а по излечении отправился в далекую Аргентину, где работал ковбоем-гаучо на ранчо какого-то своего дальнего родственника. Вернувшись на родину, поступил на антропологический факультет Кембриджского университета, где впервые познакомился с трудами Модсли. Вдохновленный его примером, и буквально влюбившись в историю и культуру майя, Эрик Томпсон решил присоединиться к экспедиции своего кумира, направлявшегося в 1926 году в Чичен-Ицу. Затем под эгидой Британского музея и Музея естественной истории в Чикаго он самостоятельно руководил раскопками в Британском Гондурасе, а с 1935-го и все последующие годы его научная деятельность была связана с вашингтонским Институтом Карнеги. Томпсон, без сомнения, стал блестящим ученым, одним из самых величайших исследователей майя. Настоящий археолог-практик, он заслуженно пользовался громадным авторитетом среди ученых и слыл большим знатоком

майяской письменности. Томпсон также был образцовым этнографом: он не гнушался долгое время жить среди современных майя, подмечая все их традиции и особенности, наблюдая за всем укладом их жизни. Дружный со многими коренными жителями, в том числе со своими рабочими, Томпсон видел в них воплощение их далеких предков. Его описания общества майя классического периода – «как бы это могло быть» – основаны на личных наблюдениях за современными майя. Томпсон безошибочно полагал, что с приходом католицизма, электричества и радиоприемников в душевной и духовной структуре этого древнего народа не изменилось главным образом ничего.

Исследователь небезосновательно считал, что древние майя были совершенно безобидным, миролюбивым народом, жившим в структурированном, иерархическом обществе под сенью многочисленных городов-государств.

Э. Томпсон с группой
индейцев-лакандонов
в 1946 г.

Сами же города не являлись городами в нашем общепринятом смысле этого слова. Это были практически незаселенные церемониальные центры, управляемые жрецами-правителями. Похоже на то, что эти правители целыми днями занимались астрономией, предсказаниями и радением за свой народ, не забывая, конечно, время от

времени собирать подати и мобилизовать своих подданных на военные или строительные свершения. Социально-общественная структура майя была довольно проста. Патерналистским обществом руководили мудрые и щедрые полубожественные правители, общавшиеся с «настоящими богами». Подданные, в основной своей массе крепкие крестьяне, жили в окрестностях и оставляли свои кукурузные поля в особенные – сакральные или праздничные – дни для того, чтобы явиться в город и поклониться богам. Дни эти предусматривались священным календарем, действовавшим по всему ареалу расселения майя. Представляется (по убеждению Томпсона), что и правители, и подданные были людьми простыми, скромными и глубоко религиозными. Все, о чем они писали на своих монументальных творениях, относилось исключительно к религиозным верованиям и, вероятно, к определенной части собственной истории. То, что мы называем политикой и обывательской, рутинной жизнью, в их писаниях не отражалось вовсе, так как не представляло для них интереса. Вероятность того, что майя могли описывать исторические события или деяния простых индивидуумов, по Томпсону:

...в высшей степени невероятно. Тексты если о чем и сообщают, то о необратимом беге времени – с подчеркнутым уважением к такой серьезной философской теме. Датировка событий – таких, как война, мир, чья-то женитьба, – служит лишь для характеристики того или иного периода. Это похоже на то, как туристы украдкой вырезают свои имена и некоторые обстоятельства своего путе-

шествия на исторических архитектурных памятниках, указывая заодно и дату.

Обратимся, например, к каменной тумбе из Копана под названием «Алтарь Q». Стефенс, имея за плечами опыт изучения подобных артефактов в Старом Свете, предположил, что изображения 16 сидящих фигур являют собой предположительно майяских правителей. Вполне резонное, логичное предположение. Так считалось до 1950-х годов, когда в этой версии усомнились, посчитав ее слишком простой и приземленной. С тех пор на многие годы установилось мнение, что высеченная на камне группа сидящих людей – не что иное, как собрание «жрецов-астрономов», обсуждающих возможные изменения в майяском сакральном календаре. Между прочим, эта версия выглядела столь убедительной, что сделалась общепринятой в научном мире. Так, Джейкоб Броновски в 1973 году написал в своем «Восхождении человека»:

Храмовые комплексы майя, все эти пирамиды со ступенями-террасами были построены астрономами, и некоторых из них мы видим на большом алтарном камне, который дошел до наших времен. На алтаре запечатлен древний астрономический конгресс, состоявшийся в 776 году нашей эры. Шестнадцать математиков-астрономов в знаменитом майяском научном центре, известном нам как священный город Копан в Центральной Америке...

Наиболее ярким тезисом Томпсона является утверждение о миролюбивой природе общества

майя – идея о том, что в отличие от любой другой древней цивилизации майяская менее всего была склонна к воинственности и агрессивности между своими городами-государствами. Сегодняшние ученые более всего озадачены именно этим тезисом, не находящим никакого подтверждения в изобразительном искусстве майя. Более того, многие барельефы рисуют нам совершенно иную, подчас жуткую картину. В особенности это видно на единственной сохранившейся в Бонампаке настенной надписи.

В 1946 году британский журналист Жиль Хейли был командирован в США для съемки фильма о лакандонских индейцах. Когда он прибыл на место съемок, будущие герои фильма отвели его в Бонампак, тогда еще совершенно неизвестное в мире местечко в мексиканской провинции Чьяпас, расположенное в 30 километрах южнее Йашчилана. Там Хейли и обнаружил стены, расписанные неизвестными майяскими художниками. Строго говоря, о фасадах, стенах или тумбах с оставшимися на них следами краски было известно и раньше. Но лишь в одном из помещений какого-то здания стены оказались покрыты тонким слоем кальцита, под которым, как под покрывалом, чудесным образом сохранились рисунки. На стенах были изображены сцены пышных ритуалов с участием танцоров, музыкантов и самих правителей с многочисленной свитой. Эти редкостные и поэтому тем более удивительные изображения показывают жизнь майяского общества вовсе не унылой и однообразной, как можно было бы подумать, глядя на серые ка-

менные монументы и руины, покрытые мхом, плесенью и кустарником. Майя умели веселиться и устраивать пышные празднества. Но... значительную часть этих примечательных стен занимают, тем не менее, сцены безудержного насилия. Они включают в себя батальные сюжеты, эпизоды пленения противников, совершенно недвусмысленные картины пыток и ритуальной кровавой резни. Любой зритель отчетливо видит на этих стенах указание на то, что обществу древних майя были знакомы и воинственность, и жестокость и вкус вражеской крови. Все это очень слабо соотносится с тезисом Томпсона о дружелюбности и простоте древних майя. В своей книге «Взлет и падение цивилизации майя», изданной в 1954 году, он уже демонстрирует несколько иное видение этого вопроса.

Вероятно, мы можем допустить, что отношения между городами-государствами майя в классический период были достаточно дружественными. Предположительно, их правители общались между собой и имели идентичное воспитание, образование, художественный вкус и религиозные верования. Этот факт вовсе не означает, что отношения между ними всегда были сердечными и добрососедскими. Думаю, случались привычные трения на границах, иной раз выливавшиеся в стычки, и даже рейды на чужую территорию в поисках сакральных жертв. Однако, на мой взгляд, подобные инциденты не доказывают обязательности больших кровопролитий или войн в значительных масштабах... Майя следовали принципу: «Живи сам и давай жить другим», —

и я не думаю, что запугивание и третиrowание каким-либо большим городом маленького было явлением повсеместным и обычным.

Теории Томпсона, величайшего исследователя своего времени, властвовали над умами современников, и это при том, что некоторые утверждения абсолютно ничем не подкреплялись, отличались наивностью и не имели прямых доказательств. Представления о городах майя как о необитаемых религиозных центрах базировались в основном на визуальном осмотре этих давным-давно покинутых комплексов, состоящих из нагромождения безжизненных в настоящее время храмов, пирамид и расписанных монументов. Утверждение Томпсона о практиковавшемся в древности подсечном земледелии основано также на наблюдениях за современными крестьянами. И действительно, все могло происходить так, как предполагал Томпсон. А если нет? С какой бы стороны мы ни посмотрели на эту дилемму, решить ее без расшифровки иероглифов мы не в состоянии, то есть в отсутствие самих доказательств, прямых и недвусмысленных, о которых нам поведали бы сами древние майя. К слову сказать, к 1950-м годам удалось разгадать значение лишь тех знаков, которые имели непосредственное значение к астрономии и календарям. Теперь мы видим, что такие полузнания вели лишь к еще большей путанице и неведению и ни на йоту не приближали к разрешению основных загадок майя. Оставалось лишь одно средство – расшифровка этих интригующих иероглифов, из которых соткана ткань любого майяского текста и которые так игнорировал мистер Морли.

Новая археология

Умозаключения Томпсона и его современников были практически полностью отвергнуты последующими поколениями исследователей, которым наконец-то удалось проникнуть в тайны майяской письменности. В деле дешифровки иероглифов наметился прогресс, не стояла на месте и археология. К началу 1960-х годов некогда эмпирическая и весьма поверхностная наука, полная дилетантов, вдруг превратилась в строгую дисциплину, опирающуюся, прежде всего, не на вольные предположения, а на стройную хронологическую, описательную и сравнительную систему. Взятая на вооружение новейшие методы определения возраста найденных артефактов, эта серьезная наука в определенных научных кругах, прежде всего американских, получила название «новой археологии». Теории и выводы теперь никто не осмеливался называть спекуляциями. Серьезные журналы публиковали отчеты и выводы, подкреплявшиеся железными аргументами. В случае с майя это касалось не только пирамид, храмов, письмен и календаря. Не меньший интерес представляли такие приземленные и неромантические аспекты, как устройство и структура поселений, взаиморасположение отдельных зданий, рельефное и топологическое окружение городов. Более пристальное внимание ученые начали уделять адаптации майя к окружающей среде, развитию их технологий, сельского хозяйства и торговли. Изучение всех этих вопросов требовало строгой научной методологии и новых, современных подходов буквально ко всему – от ос-

нащения экспедиции точными приборами до разумного планирования раскопок и привлечения ученых – специалистов в других, казалось бы, не имеющих отношения к археологии областях, например, математиков, статистиков, социологов.

Возможно, впервые такой комплексный подход применили ученые из Университета Пенсильвании, работавшие в Тикале в период с 1956 по 1970-й год. В те времена это место по-прежнему оставалось изолированным и труднодоступным: добираться до него приходилось верхом на мулах от озера Петен-Ица – совсем как во времена Модсли. Первым делом экспедиция оборудовала взлетно-посадочную полосу и разбила свой лагерь в непосредственной близости от ядра города. Предполагалось, что в проекте в разное время примут участие несколько сот ученых. Это была крупнейшая и плодотворнейшая попытка изучения какого-либо комплекса майя, предпринятая за всю историю исследования древнего народа. Результаты, отчеты, вся информация, добытая за эти годы, анализируется и публикуется до сих пор.

К каким же выводам пришли ученые в итоге столь масштабной и растянутой во времени экспедиции? Что нового мы узнали о Тикале в частности и о майя вообще? Начнем с того, что Тикаль – самый большой из известных нам исторических комплексов на территории расселения майя. Приступая к его исследованию, ученые по-прежнему задавались вопросом: действительно ли города майя являлись городами-призраками, населенными лишь жрецами, астрономами и их челядью? Изыскания, проведенные на территории, занима-

ющей 16 квадратных километров, принесли ошеломляющие результаты. Используя различные методы, в том числе аэрофотосъемку, удалось насчитать ни много ни мало 3 тысячи (!) отдельных сооружений, начиная с храмов, дворцов, полей для игры в мяч и кончая фундаментами и одиночными каменными плитами, тумбами и даже отдельными холмиками. Без сомнения, подсчет предполагаемого числа жителей Тикаля, населявших город в какой-то конкретный период времени, был делом очень сложным, предусматривавшим множество условий и допущений. Тем не менее самая консервативная оценка численности населения давала результат в 100 тысяч человек, которые жили в самом ядре города в конце классического периода, то есть в эпоху наивысшего расцвета культуры майя. Но это не все: современные исследования показывают нам, что городской ареал в действительности составлял не менее 120 квадратных километров с населением в 40–60 тысяч человек! Поселение было очень разбросанным и слабо структурированным, явно не существовало никакой планировки. Но это был именно город, во всех смыслах этого слова, с большим числом постоянных жителей.

Сразу же возникает вопрос: каким образом поддерживалась жизнедеятельность столь большого народонаселения, чем они питались и кто их снабжал? С трудом верилось, что дело ограничивалось примитивным подсечным земледелием. Сомнения ученых начали подтверждаться в 1960-х годах в результате аэрофотосъемок Белиза. С воздуха оказались заметны странные решетчатые образова-

ния, испещрившие многие влажные районы страны, в особенности обширные пойменные низины вдоль больших рек. В следующее десятилетие к делу подключилось НАСА, которое предоставило ученым данные космического сканирования Белиза и Гватемалы с использованием радара, предназначенного первоначально для исследования поверхности Венеры. Теперь окончательно подтвердилось, что загадочные наземные «сетки», различимые лишь с высоты, представляют собой сеть дренажных каналов. Данное открытие свидетельствовало о более высоком, чем считалось ранее, уровне земледелия в Месоамерике. Каналы выкапывались не ради самих каналов: выбранная земля засыпалась и разравнивалась на пространствах между каналами, позволявшими осушать влажные, заболоченные участки и значительно повышать урожайность. Экспериментальная реконструкция такой технологии доказала ее исключительную эффективность. В окрестностях Тикаля никаких дренажных сооружений не обнаружено, однако из этого не следует, что их не было в далеком прошлом. Кроме указанной технологии «поднятых полей» майя могли использовать и другие методы интенсивного земледелия, позволявшего прокормить жителей такого большого города, как Тикаль.

При обследовании ядра Тикаля выяснилось, что основные, главенствующие здания расположены вовсе не хаотично: многие из них образуют внутренние дворы – патио. Другие структурные группы наводят на мысль, что между ними существовало нечто, объединявшее их в особый комп-

Руины Тикаля в 1966 г.

Слева – Храм I, на заднем плане – центральный Акрополь, на переднем плане – северный Акрополь, гробница первых правителей

лекс и не дошедшее до наших дней, – деревянное святилище или что-то подобное. По итогам раскопок выяснилось, что часть зданий представляла собой мастерские и цеха по изготовлению, например, кремниевых топоров или тонких обсидиановых ножей, резачков и прочих инструментов. Известно, что в окрестностях Тикаля месторождений таких материалов нет, значит, их привозили издалека. Это свидетельствует об интенсивных торговых связях города с другими частями империи майя. Найденные в изобилии керамические, нефритовые и прочие артефакты указывают не только на возможность их изготовления в Тикале, но и на явное имущественное расслоение населения. Где-то находки ограничиваются лишь глиняными черепками, а обнаруженная утварь в других зданиях говорит о зажиточности их бывших владельцев. Все собранные вместе свидетельства дают нам

представление о довольно сложной структуре городского общества и противоречат устоявшемуся мнению о том, что города майя были всего лишь ритуально-сакральными центрами, наполнявшимися толпами экзальтированных гостей во время больших праздников. Касается ли это только Тикаля?

Исследования, проведенные за последние десятилетия в других местах, подтверждают общую картину. Специфические изыскания в Белизе провел американский археолог Гордон Уилли. Ему также удалось доказать, что большие древние города являлись центрами всей политической жизни майяского общества. Томпсон и другие говорили о городах-государствах майя как о некоем подобии древнегреческих «собратьев», причем майяские поселения они считали менее структурированными и оформленными, как бы «недогородами». Из работ Уилли следовало, что ядро любого большого поселения древних майя составлял комплекс, который мы с полным на то основанием могли бы назвать «малым городом». Это урбанистическое ядро, хотя и перегруженное сакральными зданиями, населялось именно постоянными жителями и являлось не только религиозным, но и политическим центром, вокруг которого располагались поселения и деревушки, отношения которых с городским ядром носили явно подчинительный, «вассальный» характер.

Итак, к концу 1970-х годов ученые уже не сомневались в том, что социальная и политическая структура майяского общества классического периода отличалась многообразием и строилась по

иерархическому принципу. Историки без тени сомнения говорили теперь о майяской знати и простолюдинах, о правителях и торговцах, о художниках, жрецах, писарях и земледельцах. Существовали большие города с «пригородами», а сельское хозяйство было развито настолько, что могло свободно обеспечивать пропитание как самих земледельцев, так и многочисленных горожан.

Глава 2

ИСТОКИ ЦИВИЛИЗАЦИИ МАЙЯ

Прибытие

Среди сонма нелепейших, циркулировавших в XVI веке слухов и предположений относительно происхождения народов Нового Света были слышны несколько на удивление трезвых голосов. Один из них принадлежал иезуиту отцу Хосе де Акосте, долгое время прослужившему миссионером в Перу и Мексике. Его большой труд «Естественная и духовная история Индий» увидел свет в 1590 году. Миссионер совершенно беспристрастным и непредвзятым взглядом посмотрел на биологический мир Америки, а также на народы, ее населявшие, и нашел, что непохожесть, своеобразие и того и другого есть продукт совершенно независимого развития в течение многих столетий. Что до конкретного происхождения коренных американцев,

то де Акоста предположил, что в очень далекие времена эти сыны Адама, вероятнее всего, пришли на континент через неизвестную пока землю-мост либо с севера, либо с юга. Это были дикие охотники, как полагал миссионер, которых судьба погнала с насиженных мест на чужой континент.

Современный ученый мир полностью разделяет мнение де Акосты. На сегодняшний момент господствует теория, согласно которой люди появились на американском континенте во время последнего ледникового периода, когда группы охотников и собирателей перешли из Сибири на Аляску по тонкому перешейку, соединявшему тогда два континента. Эти люди не бежали от чего-то, скорее, наоборот: они преследовали стада мамонтов и гигантских бизонов, которые паслись на необъятных просторах сибирской тундры. Оказавшись на Аляске, они, конечно, не знали, да и подумать не могли, что попали в какое-то особенное место. Эти люди и их потомки упорно продвигались вперед, постепенно заселяя всю Америку. Согласно современным генетическим и другим исследованиям, в том числе и сравнительной морфологии зубов, сейчас с большой долей вероятности можно сказать, что из Азии в разное время вышло три миграционных волны, из которых лишь одна, самая первая, привела впоследствии к заселению американского континента.

Среди ученых пока имеются значительные разногласия по поводу характера и самого времени переселения древних людей. Приблизительно за 8 тысяч лет до н. э. огромный ледник стал таять и отступать к северу, из-за чего повысился уровень

**Археологические памятники майя
периодов каменного века, архаического
и доклассического**

Мирового океана. Таяние ледяного панциря привело к исчезновению тонкого перешейка, соединявшего Евразию и Северную Америку – теперь оба материка разделял довольно широкий Берингов пролив. Да, наверное, можно было переплыть пролив на подручных средствах, но верить, что ни с того ни с сего целые толпы на утлых суденышках бросились покорять соседний континент... Увольте.

А теперь подумаем, могли ли люди прийти в Америку еще раньше, чем за 8 тысяч лет до нашей эры? Раньше считалось, что мост на месте Берингова пролива, положивший начало колонизации континента, образовался 20 тысяч лет назад. Также считалось, что именно с этого момента потоки переселенцев двинулись на Аляску, а затем по долине Юкона и вдоль Скалистых Гор вышли на Великие Равнины. Однако совсем недавно общепринятое мнение изменилось: выяснилось, что в период с 19 по 11-е тысячелетие до н. э. никакого «пешеходного» коридора не было. Значит, люди могли попасть в Америку до или после этого периода совершенно иным путём, например, посредством каботажного плавания вдоль береговой линии. Чтобы выяснить, так ли это, на помощь призвали археологию и современнейшие методы определения возраста найденных артефактов – требовалось найти наиболее древние предметы человеческой деятельности. Таковыми к середине XX века оказались находки, относящиеся к так называемой «культуре Кловиса» – археологического слоя, раскопанного возле местечка Кловис, штат Нью-Мексико, в 1934 году. Главными наход-

ками Кловиса являются обработанные каменные наконечники стрел, датированные приблизительно 9500-м годом до н. э. Обнаруженные наконечники находились среди россыпи костей мамонтов и других больших травоядных. В 1937 году в двух пещерах на берегу Магелланова пролива были найдены каменные инструменты и наконечники стрел, а также множество костей съеденных людьми животных. Такие же убежища и такие же артефакты удалось разыскать в Патагонии. Все, что обнаружили ученые, однозначно датировалось 9000-м годом до н. э., и это были древнейшие известные нам в середине XX века находки. Итак, уже к 9000-му году до н. э. люди в хорошую погоду могли увидеть с мыса Горн близлежащие суровые антарктические острова и проплывающие мимо айсберги. На юге же современных Соединенных Штатов первые охотники появились не раньше, чем за 9500 лет до н. э. Совершенно разумно предположить, что на Аляску нога первого человека ступила незадолго до охотников из Кловиса. Что же в итоге? Всего-то чуть более пятисот лет, как считалось, понадобилось человечеству для заселения всей Америки из конца в конец!

Археология, как и вся наука, не топчется на месте. И вот уже в скальном прибежище Мидоукрофт в 30 милях от Питтсбурга удалось обнаружить свидетельства, доказывающие присутствие человека на американской земле по крайней мере с 11000 года до н. э. И если датировки по Мидоукрофту оспариваются и по сей день, то возраст стоянки в Чили (Монте-Верде) признается практически всем мировым ученым сообществом, а возраст

этот такой же, как у находок из Мидоукрофта! При раскопках на окруженной сосновым лесом стоянке обнаружено множество артефактов, сделанных из камня, дерева и кости животных, остатки очагов и жаровней и даже несколько конструкций, собранных из больших костей, которые, по-видимому, покрывались когда-то шкурами мастодонтов и служили жилищами. Эта стоянка, покинутая людьми, вероятно, из-за частого подтопления, прекрасно сохранилась.

Дальше – больше. В скалистом прибежище Педра Фурада в Бразилии обнаружены остатки каменных очагов и орудий, датированные 45000 годом до н. э. Подтвержденные и доказанные, эти данные означают подлинную революцию в истории, археологии, антропологии и других смежных науках. Многие ученые, однако, относятся к этим цифрам с большим скептицизмом, потому что не доказано, что результаты радиоуглеродного анализа определяют возраст именно тех предметов, которые подверглись человеческому воздействию. Совсем недавно археологи, работающие непосредственно в Монте-Верде, заявили, что самый реалистичный возраст находок составляет приблизительно 15 тысяч лет. А в Педра Фурада, открытом гораздо позже, возраст находок, по их мнению, не меньше 30 тысяч лет. В общем, вопрос о времени заселения американского континента остается открытым.

Что касается майя, то стоянок в местах их обитания обнаружено чрезвычайно мало. В равнинных джунглях следов пребывания доисторических людей практически не остается из-за высокой

влажности и температуры, что способствует быстрому разложению любой органики. А на гватемальском высокогорье из-за вулканической и сейсмической активности рано или поздно разрушаются или покрываются лавой любые свидетельства пребывания там человека. И все-таки одно исключение есть: это пещера Лольтун на севере Юкатана, в которой мексиканские археологи обнаружили множество костей съеденных животных и иные свидетельства пребывания там человека. При помощи радиоуглеродного метода все находки датированы 8 тысячелетием до н. э. Орудия и предметы, найденные в северном Белизе, а также в районе Киче к северо-западу от столицы Гватемалы, старше на тысячу лет, то есть подверглись воздействию человеческих рук за 9 тысяч лет до н. э. Таким образом, будем считать, что первые группы охотников и собирателей проникли в регион, который впоследствии станет называться империей майя, за 8–9 тысяч лет до нашей эры.

Расселение

В момент прихода людей в Месоамерику северную часть континента покрывал толстый ледяной панцирь, поэтому там, где сейчас буйствуют влажные тропические джунгли, в ту дальнюю эпоху властвовал умеренный климат. Склоны гор покрывали хвойные и смешанные леса, а равнины Юкатана устилал травяной ковер, на котором паслись тучные стада крупных травоядных животных.

К началу архаического периода (6000–1800 гг.

до н. э.) климат поменялся. Северные льды растаяли, а на Месоамерику опустилась тропическая жара. Всему живому – людям, животным и растительному миру – приходилось приспосабливаться к новым условиям. Леса умеренного климата замещались влажными джунглями, теплее становилось и в высокогорье. В это же время стали исчезать или полностью уже исчезли крупные животные, такие как бизон, мамонт, гигантский ленивец и гигантская лошадь; причем большей частью они оказались истреблены древними охотниками. В эту же эпоху зарождается земледелие, а оседлые жители пытаются приручить некоторых животных. По всей видимости, первые постоянные поселения на земле майя возникли к 1800 году до н. э., а первыми культивируемыми растениями стали маис (кукуруза), фасоль и перец.

В начале 1960-х годов в долине Теуакан, что в 200 километрах к юго-востоку от Мехико, экспедиция, возглавляемая американским археологом Ричардом Макнишем, в ходе тщательных исследований выяснила, каким образом в течение примерно десяти тысяч лет первобытные охотники и собиратели превратились в земледельцев, знающих толк в ирригации и проложивших столько дренажных каналов, что их густая сеть даже видна из космоса. Самое значительное открытие, сделанное экспедицией, – обнаружение в одной из пещер чудом сохранившихся початков кукурузы, вернее, их фрагментов. Первоначально сочли, что это дикорастущее растение и что маис попал в пещеру так же, как и все остальные съедобные растения – то есть благодаря стараниям людей-собираателей. Однако най-

денные фрагменты оказались образцами именно окультуренного маиса! За четыре с половиной тысячи лет до нашей эры люди уже сеяли и выращивали съедобные культурные растения. Если учесть, что обнаруженные образцы были уже генетически модифицированы, то мы вправе предположить, что сама работа по окультуриванию растений началась как минимум за два тысячелетия до знаменательной находки. Доподлинно мы не знаем, с чего началось «приручение» растительного мира, но можем представить, как кто-то обронил на землю несколько зерен, а через положенное время получил урожай. Все просто и случайно, как и бывает со многими великими открытиями. Зачем бродить по горам и долинам в поисках съедобных зерен, корней и орехов, если все это можно вырастить возле дома? Воплотив в жизнь эту простую идею, древний земледелец заметил, что если посадить в землю лучшие семена, то в конце сезона можно собрать отменный урожай. А если на семена много лет подряд отбирать только лучшие зерна, то через некоторое время урожайность окультуренных растений будет неизменно больше, чем у их дикорастущих сородичей. Кроме того, растения, возделываемые на плантациях, лишены какой-либо конкуренции с другими видами растений за место под солнцем. Такими были первые шаги земледелия и селекции. Что же касается кукурузы, то уже к 2000 г. до н. э. растение приобрело знакомый нам всем внешний вид, а технология его возделывания решительно ничем не отличалась от агрономических приемов, используемых современными фермерами. Единственное, чего не знали в ту далекую эпоху, – ис-

кусственные удобрения. Кроме кукурузы (маиса) в Теуакане к 3000 г. до н. э. стали выращивать фасоль, перец, тыкву. Эти культуры также на первых этапах не отличались высокой урожайностью, однако их выращивание (пусть в небольших объемах) служило хорошим подспорьем к традиционным видам деятельности древних людей – собирательству и охоте, что гарантированно обеспечивало продуктами небольшую деревушку в десяток дворов. Дальнейший прогресс в земледелии и, соответственно, стабильность продуктового самообеспечения не заставили себя долго ждать: приблизительно за 1500 лет до н. э. появились первые постоянные поселения. К этому времени люди научились изготавливать кухонную утварь, ткани из хлопкового волокна и все необходимое для ведения оседлой жизни.

В долинах вокруг Мехико и в Оахаке археологические раскопки отчетливо показали, как медленно, но верно древнее общество охотников и собирателей превращалось в общество поселян, занимающихся, в основном, земледелием. Любопытно, что в Оахаке первой возделываемой сельскохозяйственной культурой стала тыква, что говорит о различных эволюционных траекториях сообществ, живших в различных местах. Тем не менее со временем доминирующей культурой всей Месоамерики стал маис (кукуруза). До сих пор ведутся споры о ботаническом происхождении этого растения и превращении его в кормовую культуру. Существуют две версии. Согласно первой, маис представляет собой слегка видоизмененную, окультуренную форму некоего своего

предшественника, ныне исчезнувшего. На эту роль вполне подходило дикорастущее растение, которое на индейских наречиях называлось «теосинта». По другой версии, менее популярной, маис никак не видоизменялся, а лишь спустился с террас гватемальского высокогорья на равнины Юкатана. Такого же мнения придерживался Макниш. Открытие, сделанное недавно в Панаме, опровергает эту теорию: там найдены кукурузные зерна, явно предназначенные для посева, датируемые 5000 г. до н. э. В свою очередь, ископаемые початки, обнаруженные на Мексиканском нагорье и на которые ссылался Макниш, согласно радиоуглеродному анализу относятся самое раннее к 3500 г. до н. э.

Из последних открытий в сельскохозяйственной сфере отметим найденные на севере Белиза свидетельства (например, пыльца) о совместном культивировании маиса и маниоки за 2500 лет до н. э. вкуче с явными следами массовой вырубке леса под сельскохозяйственные угодья. Что любопытно, не обнаружено никаких следов поселений, соответствовавших возрасту находок; и это является загадкой, потому что земледелие с использованием достаточно развитых технологий требует определенной оседлости.

Между народами Месоамерики установились на удивление интенсивные связи – об этом свидетельствуют, например, изделия из обсидиана, найденные очень далеко от мест его добычи; и все это за 5000 лет до н. э. Что же касается самых ранних *постоянных* поселений майя, чье существование именно в таком качестве не вызывает никаких со-

мнений, то мы находим их на тихоокеанском побережье Гватемалы и мексиканского Чьяпаса. Населявшие эти места люди – охотники и рыболовы – перешли к преимущественно оседлому образу жизни к началу 1800-х гг. до н. э., то есть к началу так называемого раннего доклассического периода. Интересно, что наиболее крупные поселения возникли в некотором удалении от побережья. К традиционным охоте и рыболовству добавилось выращивание маиса и маниоки, но самым заметным достижением той эпохи и той культуры стало изобретение и изготовление достаточно сложной глиняной утвари, нередко удивительной формы и раскраски. К 1500-м годам до н. э. прибрежное население разрослось настолько, что было вынуждено разделиться. Многие переселились далеко от побережья и перебрались на новые плодородные угодья. При этом в основу питания переселенцев легла растительная пища. Знаменательно, что и общественная структура в больших поселениях начала стремительно усложняться. Исследования показали, что два поселения выделяются из общего ряда своими размерами и, вероятно, некогда доминировали над своими соседями. Во многих поселениях Чьяпаса в 1500–1100-х гг. до н. э. впервые появляются насыпные структуры в виде курганов, выполнявшие, без сомнения, сакральную функцию. Археологи так и назвали их «насыпными храмами». Эти структуры – первые и самые древние свидетельства зарождавшейся в Месоамерике общественной и религиозной культуры. Например, в местечке Пасо-де-ла-Амада американский археолог Гарет Лоу обнаружил насыпной храм высотой 3 метра,

окруженный множеством слегка приподнятых площадок, на месте которых располагались хижины обывателей. Совсем недавно обнаружены подобные ритуально-жилые комплексы, принадлежащие к гораздо более древнему периоду.

Современное устойчивое мнение научного сообщества таково, что племена и группы поселян, обитавшие на тихоокеанском побережье Чьяпаса и Гватемалы, стояли у истоков будущей великой цивилизации майя. К слову, на высокогорье первые постоянные поселения сложились к 1200 г. до н. э.; и лишь в среднем доклассическом периоде появились гончарное искусство, сельскохозяйственное производство и прочие атрибуты цивилизации. Для того чтобы лучше понять ход истории народов Месоамерики, мы должны обратить внимание на соседей майя, живших на равнинах Табаско и Южного Веракруса на рубеже 1200 г. до н. э. Итак, поговорим о народе, известном нам как «ольмеки».

Влияние ольмеков

Ольмеков часто называют народом-феноменом или народом-загадкой. Загадочным этот народ остается большей частью из-за того, что его начали изучать чрезвычайно поздно, лишь с 1920-х годов. А феноменальным он считается из-за своего внезапного и яркого появления на исторической сцене Месоамерики. Известно, что постоянные поселения ольмеков появились приблизительно в тот же период, что и поселения на тихоокеанском побережье. Народ этот занимался охотой и рыболов-

ством на многочисленных медленных реках, впадающих в Мексиканский залив. На плодородных пойменных аллювиальных почвах ольмеки также выращивали маис. Основную информацию об ольмеках ученые получили по результатам раскопок в окрестностях Сан-Лоренсо и Ла-Вента.

Городище Сан-Лоренсо расположено на склоне холма, возвышающегося над поймой реки Коатцакоалько в мексиканской провинции Веракрус. Оно было заселено уже к 1700 г. до н. э., однако именно в период между 1100-м и 900-м годами до н. э. Сан-Лоренсо трансформировалось в нечто большее, чем заурядное поселение. Вершину холма срезали, и на образовавшейся огромной площадке выстроили деревянные здания, что подтверждается современными научными методами. Между строениями ольмеки проложили наземный водопровод, подававший воду в каменные резервуары и даже к фонтанам. Выдолбленные из камня желоба имели U-образное сечение.

Гигантская базальтовая голова, изваянная ольмеками. Сан-Лоренсо, 1200–900 гг. до н. э.

На территории поселения ольмеки установили монументы в виде фигур людей и животных, но наиболее впечатляющими были гигантские каменные головы, в которых проступали черты человека и священного зверя ягуара.

Головы, вырезанные из цельных глыб базальта, достигали в высоту двух метров и весили до 20 тонн. На сегодняшний момент обнаружено 10 таких голов. Базаль-

товые глыбы для их изготовления привозили из каменоломен в горах Туштла, в 60 километрах к северо-западу от Сан-Лоренсо. Огромные фрагменты горной породы грузили на плоты и переправляли до места назначения по реке.

Сейчас нам известно, что чуть позже 900 г. до н. э. Сан-Лоренсо подвергся разорению, и жители покинули город. Многие монументы, памятники и скульптуры были разрушены и сброшены в каналы – так же, кстати, поступали майя, когда менялись их властители, или незадолго до предсказуемой кончины действующего правителя. Уходил правитель – сбрасывались с пьедесталов его монументы.

Мы не знаем пока, что случилось в Сан-Лоренсо, однако нам известно, что после его гибели сразу же расцвел другой центр ольмекской цивилизации – Ла-Вента. Это поселение возникло на болотистом берегу реки Тонала в 100 километрах к северо-востоку от своего старшего собрата – Сан-Лоренсо. В Ла-Венте мы видим еще более впечатляющую строительную и скульптурно-художественную программу, исполненную неизвестными ольмекскими зодчими в период с 900 по 500 г. до н. э. Городище занимает площадь 2 квадратных километра и представляет собой нагромождение руин, уцелевших фундаментов и насыпей-курганов. Примечательно, что все эти сооружения ориентированы строго по оси север–юг, как в городах майя.

На самом краю поселения возвышается удивительное сооружение – 30-метровая насыпная пирамида с почти идеальным квадратным основанием. Пирамида имеет 10 граней, и некоторые ученые

всерьез полагают, что данный объект символизирует священный для ольмеков вулкан, спрятавшийся в горах Туштла. На пирамиде нет никакого подобия лестниц или террас, и не ясно, существовали ли на ее вершине какой-либо культовый объект. С восточной и западной стороны пирамиды находится две узких и длинных (80 м) платформы, также ориентированных строго на юг. Завершают комплекс с севера от пирамиды странная квадратная яма глубиной 8 метров и небольшая пирамидка со ступенями по бокам, по которым можно взойти на ее вершину. На всех научных планах и картах этот комплекс называется «Комплекс А» и, по мнению ученых, служил для древних ольмеков религиозным центром. Каждый из элементов комплекса окружен большим количеством стел, тумб, монументов и просто валунов непонятного предназначения. Имелись в Ла-Венте и свои «головы». Все эти артефакты и изваяния выполнены из разных материалов: базальта, гранита, серпентина, нефрита и дру-

Алтарь в Ла-Венте.

В правой руке ольмекский правитель держит веревку, к которой привязан пленник (высечен на боковой стороне алтаря)

гих. Интересно, что под одной из базальтовых тумб нашли останки двоих детей, что говорит о ритуальном значении «Комплекса А». Кстати, обнаруженные останки оказались буквально пересыпаны нефритовыми украшениями и поделками, что указывает на расслоение ольмекского обще-

ства: в Месоамерике нефрит считался драгоценным камнем. Захороненные дети явно принадлежали знатной ольмекской семье или даже являлись отпрысками самого правителя.

Проведенные в последнее время раскопки в Сан-Лоренсо и Ла-Венте подтверждают, что это были крупные поселения со многими тысячами обитателей. В основном ольмеки проживали в некотором удалении от своих столиц и занимались сельским хозяйством. Их угодья как правило располагались на пойменных, болотистых низинах. Престижные здания, непосредственно окружавшие «Комплекс А», принадлежали элите – тем, кто организовывал, координировал и контролировал церемониальное строительство, подвоз огромных базальтовых блоков, а также импорт драгоценностей, в частности, нефрита и серпентина из далеких месторождений. Но как и почему у ольмеков в частности и у народов Месоамерики вообще появились имущественное неравенство и знать?

Присвоение богатств и власти какой-либо узкой группой общества, разделение на правителей и управляемых – это фундаментальный излом и в некотором роде скачок в истории любого народа, однако в случае с ольмеками все не так однозначно. По-видимому, этот народ не испытал никакого внешнего принуждения; не обнаружено признаков порабощения ольмекского народа либо вторжения силы извне. Скорее всего, расслоение среди ольмеков оказалось вызвано как увеличением населения, так и ростом урожайности маиса на аллювиальных почвах побережья Мексиканского залива. Эти почвы настолько плодородны, что оль-

меки получали два урожая в год. Появление излишков маиса вместе с ростом числа жителей в ольмекских поселениях, которые охотно могли выменять продукты на изделия своего труда, вероятно, привело к первичному имущественному расслоению и, как следствие, к появлению знати. Очевидно, что жители в некоторых поселениях голодали, а в других – считались относительно зажиточными; в этом случае конфликт интересов оказался неизбежен. Появились поселения-лидеры, так же, как и правители-лидеры – смелые, жестокие и харизматичные. Но так ли было на самом деле? Дебаты на эту тему не утихают до сих пор, хотя общая картина в целом ясна; понятны и причинно-следственные связи между увеличением товарной продукции, ростом населения и усилением общественно-политического брожения.

Сегодня большинство ученых считает, что расслоение ольмекского общества произошло за счет внутренних причин и условий, и не последнюю роль здесь сыграли религиозные верования ольмекков. Появившиеся лидеры, удачливые и убедительные, объявили себя посредниками между богами и смертными людьми. Взобравшись на тумбы и пирамиды, они, вскинув руки к небесам, молились за свой народ, и народ поверил в их божественное предназначение. Скорее всего, именно так все и было, правда, с учетом особенностей того или иного поселения.

Религиозная составляющая политической жизни ольмекского общества особенно хорошо проявилась в искусстве – выдающемся, возможно, самом удивительном в истории доколумбовой

Америки. Такого разнообразия, особенно в скульптуре, таких высот в выразительности не достиг ни один из древних народов. Только взгляните на сохранившиеся образцы! Полулюди-полуягуары, кайманы, орлы и змеи... и множество полутонов человеческих эмоций, весь спектр – от угрюмой злобы до неподдельной радости.

Значение и смысл большинства изображений нам не понятны. Исследования дают основания предполагать, что изваяния ягуаров и орлов представляют собой ольмекский пантеон – богов дождя, земли, неба и прочих стихий. Но это еще не все.

В Сан-Лоренсо местная верхушка «запортретирована» в виде огромных пугающих голов. Кстати, это единственное место, где такие головы встречаются. В отличие от Сан-Лоренсо в Лавенте местное искусство представлено большими вертикальными каменными столбами с вырезанными изображениями, то есть стелами. Здесь ольмекские правители предстают в виде фигур, украшенных головными уборами и сжимающих в руках символы власти, а над их головами изображены сверхъестественные ягуароподобные существа. Другие монументальные артефакты выполнены в виде так называемых «алтарей», хотя, скорее всего, они служили тронами ольмекских правителей. На них изображены сидящие со скрещенными ногами человеческие фигуры у входа в пещеру, вероятно, символизирующие способность правителей общаться с богами и обитателями подземного мира. Конечно же, эти изображения должны были внушить простым смертным ольмекам, что к своим правителям нужно отно-

ситься так же, как к богам. В этом отношении искусство ольмеков и майя имеет одинаковую направленность.

Следует отметить, что в 1930–1940-х гг., когда началось углубленное исследование империи ольмеков, ученые думали, что они и майя – ровесники и периодов расцвета и упадка достигли одновременно. И только в 1950-х гг. с помощью радиоуглеродного метода выяснили истинный возраст ольмекской цивилизации. Теперь совершенно точно эта культура могла называться «матерью всех цивилизаций Месоамерики», потому что именно ольмекское общество настолько развилось политически, усложнилось общественно-социально и выразило себя художественно, что могло называться первой цивилизацией Америки.

Около 1000 г. до н. э. влияние ольмеков простиралось от Герреро (800 км к западу от Мехико) до Эль-Сальвадора. В некоторых местах современной Мексики они основали свои колонии, населенные в основном торговцами, главный интерес которых заключался в бесперебойном приобретении полудрагоценных и драгоценных камней. Не имеется никаких свидетельств прямых контактов между ольмеками и равнинными майя, но в районе провинции Чьяпас и вдоль Тихоокеанского побережья такие связи просматриваются.

На побережье Гватемалы, в местечке Такалик-Абах (на языке киче означает «прочный камень»; ранее неверно именовался Абах-Такалик. – Прим. ред.), найдено несколько валунов с высеченными на них в ольмекском стиле человеческими фигурами, облаченными в характерные одежды. Подобные

артефакты покоятся и в Чальчуапа в Сальвадоре. Около 900 г. до н. э. древние обитатели Копана изготавливали керамическую посуду по-ольмекски и даже вырезали на нефритовых изделиях сцены по мотивам ольмекских религиозных верований!

Уточнить и конкретизировать элементы ольмекского влияния на цивилизацию майя до конца не представляется возможным, но даже те знания, которыми мы располагаем, однозначно указывают на то, что культура майя – во многом наследница культуры ольмеков.

Развитие цивилизации равнинных майя

**Средний доклассический период
(1000–400 гг. до н. э.)**

В густых влажных равнинных лесах южного Юкатана на рубеже тысячелетия до нашей эры обосновались первые земледельческие общины. Были это разрозненные группы охотников и собирателей, вдруг догадавшиеся посадить зерно в землю, чтобы потом получить урожай, или же цивилизация пришла откуда-то еще? Археологи до сих пор очень мало знают о доклассических, «доисторических» майя. Главным образом, потому, что сами майя зачастую строили новый храм или дворец на месте старого, предварительно разрушенного здания (майя верили, что духи не покидают места прежних святилищ. – *Прим. ред.*). То же самое можно сказать и о других монументах, поэто-

му открытия, связанные с наиболее древними периодами истории майя, достаточно случайны.

Ученым удалось обнаружить крупное поселение близ Куээльо, просуществовавшее в течение всего первого тысячелетия до н. э.! Первые поселяне, вероятно, несколько сотен человек, пришли сюда около 1200 г. до н. э., причем маис, который они стали возделывать, оказался абсолютно адаптирован к местным условиям, а сами земледельцы еще и владели гончарным искусством. Скорее всего, эти люди мигрировали из Белиза вдоль многочисленных рек, впадающих в Карибское море. Существует, однако, мнение, что леса близ Куээльо заселялись гостями с горного юга. В подтверждение этой теории говорят находки кукурузной пыльцы, найденной на стоянках, расположенных вдоль береговой линии многочисленных озер горного Гондураса и датированной 2000 г. до н. э., притом следов истинно оседлых поселений, как на севере Белиза в то время, здесь не обнаружено.

В Куээльо ученые выяснили удивительный факт: жилые деревянные дома здесь строились не на голой земле, а на приподнятых земляных платформах, покрытых известняковыми плитами. Похоже, в ту пору еще не существовало значительного имущественного и иерархического расслоения среди членов общины: до 400 г. до н. э. во всех захоронениях присутствует один и тот же стандартный набор вещей, сопровождавших усопшего на тот свет, – несколько предметов глиняной посуды и бусы из речных или морских ракушек и раковин.

Население деревушки росло, жителям становилось тесно, расчищенных делянок на всех не

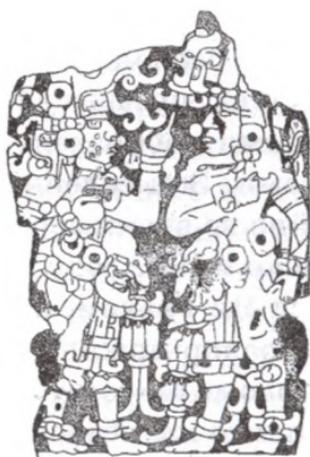
хватало, и тогда несколько отважных семей покидали обжитое место и углублялись в девственный лес в поисках места, удобного для строительства нового поселения. Для сохранения воды и урожая от порчи майя догадались выдалбливать в известняковых пластах так называемые «чультуны» – небольшие полости.

В ходе раскопок в Куээльо удалось обнаружить остатки общественной архитектуры – низкие фундаменты, очевидно, служившие для возведения строений ритуального характера. До недавнего времени считалось, что в средний доклассический период происходила устойчивая колонизация равнинных джунглей племенами майя, стоявшими по уровню развития ниже ольмеков и даже своих собратьев с гватемальского высокогорья. Также считалось, что эта эпоха оставила нам очень мало произведений искусства, архитектурных памятников да и вообще доказательств каких-либо форм цивилизованной жизни.

Оказалось, что это совсем не так. Глубоко в джунглях, на севере Петена, рядом с мексиканской границей в 12 км друг от друга расположены Накбе и Эль-Мирадор – два местечка, чрезвычайно редко посещавшиеся археологами, собирателями сока гевеи или авантюристами. Эти селения обнаружили совершенно случайно во время аэрофотосъемки в 1930 году, но только в 1962 году до труднодоступных руин добрался Ян Грэхем, посчитавший, что Накбе и Эль-Мирадор можно датировать доклассическим периодом. Мало кто с ним согласился, так как описанные им образцы архитектуры считались совершенно невысказанными

ми для той эпохи. Скептиков поставила на место команда археологов из университета Калифорнии, ведомая Ричардом Хансеном. Ученые выяснили, что Накбе, скорее всего, был первым большим центром майя в равнинных джунглях и что развивался он совершенно независимо от ольмеков и одновременно с ольмекской Ла-Вентой.

Между 1000 и 700 гг. до н. э. поселение Накбе представляло собой «большую деревню, застроенную ничем не примечательными хижинами». Однако в последующие 300 лет поселение резко преобразилось: в образовавшемся центральном ядре вдруг появились впечатляющие постройки, для возведения которых требуются недюжинные способности организатора и талант строителя. Как и в большинстве майяских городов более позднего периода, в Накбе сформировалась центральная площадь с окружавшими ее каменными пирамидами и другими структурами. Здесь они сосредоточены по линии восток–запад и разделены на две группы мощным тротуаром километровой длины.

Стела 1. Накбе

Самой интригующей находкой оказалась стела, воссозданная археологами из осколков. Соединив фрагменты, ученые увидели изображения двух мужских фигур, стоящих лицом друг к другу и облаченных в весьма странные одежды. Возможно, они были правителями Накбе, однако некоторые исследователи считают, что на

стеле изображена сцена из древней майяской легенды о близнецах-героях, сюжетная линия которой впервые найдена в эпической книге «Пополь-Вух». Очевидно, что древние скульпторы создавали свое творение около 400 г. до н. э.

Результаты работы в Накбе привели к переоценке некоторых представлений о происхождении и развитии цивилизации майя.

Сложнейшие фундаментальные сдвиги, произошедшие в социально-политической организации майяского общества в классический период, родом из тех, древнейших времен. Примитивные некогда поселения охотников и рыболовов, собирателей и первых земледельцев постепенно превратились в полноценные города-государства. Процесс этот начался не раньше 800 г. до н. э., а обнаружение кукурузной пыльцы в Петене отодвигает зарождение цивилизованного общества майя еще дальше – к 2000 г. до н. э.

Поздний доклассический период

400 г. до н. э. – 250 г. н. э.

На рубеже 400 г. до н. э. жители Накбе продолжали строить все новые и новые объекты, теперь еще более величественные, чем раньше. Местные строители возвели четыре огромных пирамиды, все со ступенями, и впервые (по крайней мере, в майяском мире) использовали для отделки их фасадов декоративные известняковые панели и штукатурку. Археологи нашли несколько гигантских панелей, до сих пор сохранивших следы красной и го-

лубой краски. И все же наиболее значительным достижением древних мастеров являются рельефы пятиметровой высоты, изображающие чудовищного вида бога, известного как «Главное Божество – Птица», или птица Вукуб-Какиш, еще один персонаж из эпоса «Пополь-Вух».

Накбе и Эль-Мирадор сообщались между собой посредством мощенной известняком тропы длиной 12 километров. Вскоре после 300 г. до н. э. по непонятной нам причине центр общественно-политического и экономического развития переместился в Эль-Мирадор. Накбе, ставший в этот период по сути городом-призраком, ожил лишь в позднеклассический период.

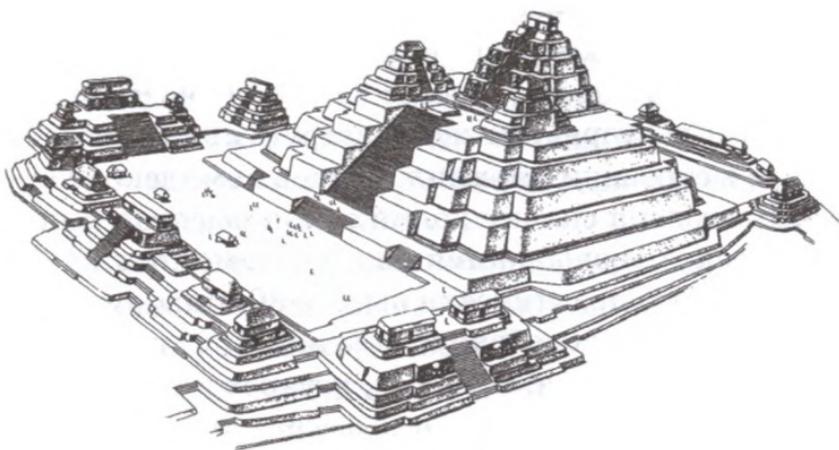
В свою очередь, Эль-Мирадор за 450 лет превратился в процветающий город, раскинувшийся на площади 20 квадратных километров. По плотности и масштабам выдающихся архитектурных памятников он мог бы поспорить с любым из городов, построенных майя.

Как и в Накбе, архитектурный комплекс Эль-Мирадора делится на две части – восточную и западную. В западной группе доминирует комплекс пирамид Тигре (Тигр), среди которых главная пирамида покоится на основании 125x135 метров и взмывает в высоту на 55 метров. На срезанной вершине-площадке возвышаются три пирамидальных конструкции, одна большая и две малых. Такое же сочетание присутствует и на других усеченных пирамидах. Исследования и раскопки у подножия Тигре ведутся до сих пор, и есть основания считать, что в некоторых зданиях комплекса жили правители Эль-Мирадора.

В двух километрах восточнее Тигре расположен другой архитектурный комплекс, известный под названием Данта. Он вырос на склоне невысокого холма и повторяет те же конструктивные особенности в строении пирамид, что и в комплексе Тигре. Благодаря склону холма самая высокая точка комплекса возвышается над фундаментом на 70 метров – это практически высота 30-этажного здания. Здесь также обнаружены плиты с устрашающими изображениями богов, ягуаров и прочих существ, украшавшие некогда фасады пирамид.

Несмотря на наличие современной аппаратуры, монументы Эль-Мирадора, спрятавшиеся в джунглях, поначалу даже не обследовались с точки зрения архитектуры и геометрии. И это при том, что площадь поверхности главной пирамиды Тигре в шесть раз превышает площадь поверхности самой большой пирамиды Тикаля, а Данта – самый объемный, самый большой комплекс, когда-либо созданный майяскими зодчими. Сравнение пирамид Эль-Мирадора с пирамидами Древнего Египта напрашивается само собой – и мы видим, что здесь много общего: сопоставимы и размеры некоторых пирамид, и продолжительность их строительства, и даже ориентировочное число задействованных в строительстве людей. Вот только древнеегипетские пирамиды и выше, и старше...

Раскопки в Эль-Мирадоре показали, что самые древние фундаменты относятся к среднему доклассическому периоду, а сам город строился в основном в поздний доклассический период – между 200 г. до н. э. и 150 г. н. э. В ту эпоху в Эль-Мирадоре проживало не меньше нескольких десятков

Комплекс пирамид Тигре. Эль-Мирадор

тысяч человек. Любопытно, что мощные тротуары протянулись от города не только к Накбе, но и к другим поселениям – к Гидо или Тинталю, например. Два эти поселения – совсем маленькие, поэтому появляются основания думать, что они находились в вассальной зависимости от своих «хозяев» Накбе и Эль-Мирадора. Таким образом, оба этих древних города по многим характеристикам могут считаться прототипами других майяских городов-государств, расцветших в более позднюю эпоху – классический период.

Ученые уверены, что ни один город, существовавший в ту же эпоху, что и Эль-Мирадор, не мог сравниться с последним как по влиятельности, так и по количеству населения. Это была эпоха, когда население росло необычайно быстро, поселения превращались в политические образования – то есть становились городами-государствами, а монументальные творения во всем майяском мире приобретали знакомые нам размеры и художественные фор-

мы. Например, Тикаль, расположенный в 80 километрах к юго-востоку от Эль-Мирадора, был населен уже в 800 г. до н. э. Столетиями он представлял собой самое заурядное крестьянское поселение, раскинувшееся на возвышенности посреди болот. В то время когда Накбе и Эль-Мирадор росли ввысь и вширь, в Тикале еще не строили ничего фундаментального; и так продолжалось до II в. до н. э., когда жители Тикаля украсили свой город первой 30-метровой пирамидой, лестницы которой, как и в Эль-Мирадоре, украшали барельефы фигур и масок, только гораздо меньших размеров. Известная как пирамида «Затерянного мира», она сохранилась в своем первоначальном виде. Исторический и религиозный центр Тикаля много раз достраивался и перестраивался. Пирамиды, храмы, монументы, стелы и другие сооружения зачастую строились на фундаментах снесенных ранее зданий. За 900 лет на одном и том же месте в разные эпохи могло быть построено 3–4 сооружения, иногда по своему

Керамический сосуд, покрытый нефритовой мозаикой. Найден в гробнице предположительно Йик'ина-Чана-К'авиля – 27-го правителя Тикаля. Точно такой же сосуд нашли и в погребальном склепе его отца Хасава-Чана-К'авиля. Сосуд увенчан портретом царя, готового к таинству воскрешения

предназначению совершенно различных. В 1960-х гг. под основанием пирамиды «Затерянного мира» археологи обнаружили остатки другого храма, существовавшего до I в. до н. э. От прежнего комплекса сохранились фундамент и часть стены со следами рисунков, выполненных красной, желтой и черной краской.

Археологи нашли и несколько захоронений. В одном из них покоился (в вертикальном положении) обернутый в хлопчатобумажную ленту труп мужчины без головы и без ног. Куда делись голова и конечности, осталось неясным – возможно, их унесли «на память» родственники погребенного (считается, что такая традиция существовала в классический период), а возможно, мужчина лишился их в битве с врагом. В этом же захоронении оказалось много глиняной посуды, раковин, а также позвоночник морского ската (маяя использовали его для ритуального кровопускания: мужчины – из ушных раковин и пениса, а женщины – из языка). Но самое интересное – на месте человеческой

Маска из захоронения № 85, Тикаль

голове покоилась маска из зеленой слюды. Глаза и зубы неизвестный портретист выполнил из перламутра, а верхнюю часть маски украсил рельефным подобием царской короны – предмета, который станет символом царской власти лишь через несколько столетий. Выяснить, что это был за чело-

век, ученым не удалось, однако с помощью радиоуглеродного анализа установлено, что захоронение относится к I в. н. э. Большинство исследователей сочли усопшего одним из древних, додинастических правителей Тикаля. В последнее время ученые все больше склоняются к мнению о том, что этого человека наградили почестями его потомки – цари, которые признали его основателем тикальской династии классического периода.

В позднеклассический период в городах майя наметился бурный рост населения. Появлялись новые поселения и расширялись старые. Резкое увеличение числа жителей не могло не отразиться на взаимоотношениях между майяскими общинами, вернее не могло не привести к трениям и конфронтации в том или ином виде. Свидетельства воинственности майя не так очевидны: в Эль-Мирадоре обнаружены признаки оборонительной стены; некое подобие фортификационных сооружений встречается на острове в Кампече, где расположен позднеклассический город Эцна (исп. Edzna). Единственное место, где наличие военного укрепления не вызывает никаких, даже малейших сомнений, – это Бекан, находящийся в самом центре полуострова Юкатан. Двухкилометровый ров, окружающий поселение, имеет очевидное оборонительное предназначение.

С ростом населения возросла роль рыболовства, охоты и сельского хозяйства. Первые специально засеваемые плантации, как нам теперь известно, появились в поймах рек северного Белиза в раннеклассический период. Особенно много древних полей обнаружено вдоль рек Рио-Ондо

и Нью-Ривер. Ирригация и землеустройство, зародившиеся здесь, получили развитие и распространились по всему Юкатану. В упомянутый город Эцна, например, вода подавалась из реки Чампотон при помощи 12-километрового канала. Канал пересекал центр города, наполнял городские резервуары, а затем нес воду на окрестные поля. Подсчитано, что в ирригационной системе Эцны помещалось 2 250 000 кубических метров воды, а на ее строительство затрачено 1,7 млн человеко-дней! Такая циклопическая работа могла быть осуществлена только при централизованном руководстве.

В связи с этим возникает вопрос: почему многие города в центре Юкатана, такие как Накбе, Тикаль или Вашактун, возникли вдали от рек и озёр среди негостеприимного природного окружения? Недавние научные исследования проливают свет на эту загадку. Дело в том, что 2-3 тысячи лет назад климат на Юкатане был более влажным, и огромные низинные территории превосходно подходили для интенсивного земледелия. Такими условиями могли похвастаться не только окрестности Эль-Мирадора, но и любого другого майяского города, возникшего в ту пору в низинах Юкатана.

Без сомнения, расцвету городов способствовало и развитие торговли, так как благодаря удачному расположению они контролировали торговые пути, протянувшиеся от Белиза к верховьям рек, впадающих в Мексиканский залив. По сути, Эль-Мирадор и другие города контролировали всю торговлю Юкатана. Главной статьёй импорта в Эль-Мирадоре являлись обсидиан и вулканический туф. В обмен на них торговцы вывозили из города

и окрестностей перо, шкуры животных, древесины и прочие товары.

Мы уже знаем, насколько сильно повлияла ольмекская цивилизация на рост и развитие майяских поселений, особенно на гватемальском высокогорье. Станным образом ольмеки исчезли к 100 г. до н. э., а майя достигли расцвета (по крайней мере, в горах). Главным высокогорным оплотом майя в поздний доклассический период стал город Каминальуйю (название его переводится как «холм смерти»). Он раскинулся в той же долине, где и нынешняя столица Гватемалы. Когда-то этот город занимал площадь 8 квадратных километров; после него сохранилось около 200 фундаментов. То есть по величине и значению Каминальуйю вполне соответствовал своему равнинному собрату Эль-Мирадору. Расположенный на перекрестке торговых путей из Мексиканского нагорья в Центральную Америку, он являлся в крупнейшим торговым центром своего времени. Однако жители этого славного города занимались не только торговлей: всего в 12 километрах от Каминальуйю находится месторождение Эль-Чайяль – главное хранилище запасов обсидиана в регионе. Кстати, частички этого минерала, обнаруженные в одной из мастерских в Эль-Мирадоре, подверглись экспертизе, которая показала, что обсидиан сюда привезен из карьеров Эль-Чайяля.

Под одним из обширных фундаментов в Каминальуйю археологи нашли два величественных надгробия, при одном взгляде на которые становилось ясно: они изготовлены для представителей знатного рода. Художественные изображения

усопших правителей, как и сама традиция их увековечения на каменных стелах, пришли к майя от их соседей по пространству и времени – ольмеков.

Одним из значительнейших событий раннего доклассического периода в высокогорье стало распространение письменности, хотя справедливости ради стоит отметить, что изобрели ее в Месоамерике не майя. Нам мало известно о письменности ольмеков, но, несомненно, она имеет отношение к становлению письменности майя, тексты которых содержат примитивные элементы, характерные именно для ольмекского письма.

Приблизительно на рубеже 400 г. до н. э. на территории современных мексиканских штатов Веракрус и Чьяпас, а также в майяском высокогорье возникло несколько глифических систем. До сих пор они не поддаются дешифровке, и даже неизвестно, каким народам эти письменные системы принадлежат.

Уже к I в. н. э. во многих майяских поселениях южного высокогорья и тихоокеанского побережья появляются письмена, представляющие собой

Стела 1, Эль-Бауль

связанные тексты с обилием различных дат. Например, в Такалик-Абах ученые нашли стелы, украшенные, помимо человеческих фигур, письменами. Одна из надписей повествует о передаче власти от одного правителя к другому. Ученым удалось распознать данные, относящиеся к долгому сче-

ту – майяской календарной системе, что и позволило установить абсолютно точную дату сообщения – 126 г. до н. э. Подобная стела найдена в Эль-Бауле, расположенном в сотне километров к юго-востоку от Такалик-Абах.

На стеле изображена фигура правителя, сжимающего в руке длинный предмет, похожий на скипетр. Часть иероглифов стерлась, однако дату, к которой относятся письма, ученые установили – 36 г. н. э. Что характерно, надпись сделана не на языке майя, а, вероятно, на одном из наречий языковой семьи мише-сокеан, распространенных в ту эпоху на побережье Мексиканского залива. Вполне возможно, на этих языках говорили ольмеки.

К началу нашей эры цивилизация майя в основном приобрела очертания, характерные для нее и в классический период, то есть в эпоху ее наивысшего расцвета. Однако что-то произошло с этой цивилизацией в 100–200 гг. н. э., что заставило Эль-Мирадор, процветающий город с населением несколько десятков тысяч человек, кануть в небытие. Совсем недавно археологи отыскивали следы кровопролитного насилия, случившегося в самом центре города. Кто разбил стелы и монументы? Враги? В чем причина тотального исхода многотысячного населения, руководимого крепкой властью? Сегодня мы имеем возможность ознакомиться с версиями ученых-климатологов и почвоведов относительно исчезновения Эль-Мирадора. Главная из них – быстрое исчезновение окрестных лесов в результате стремительно разрастающегося города. Леса вырубались под сельхозугодья, для отопления, обжига глиняной посуды и огромного количества изделий из известняка,

изготавливаемых для облицовки дорог, тротуаров и зданий. Тотальная вырубка лесов совпала с глобальным потеплением, начавшимся приблизительно в 100 г. н. э. и длившимся около четырехсот лет. Летом окрестности Эль-Мирадора превращались в выжженную пустыню, а в период дождей ливни смывали плодородный слой почвы с полей и террас, лишая жителей возможности собрать хороший урожай. По всей видимости, нечто подобное произошло со всей империей майя в конце классического периода, когда лишённые растительности низины Юкатана превратились в одно сплошное болото. Условия существования городов, как и всей цивилизации майя, оказались под угрозой.

Современные ученые установили, что люди, покидавшие Эль-Мирадор, устремлялись на север, пополняя ряды жителей города Калакмуль. Именно этому городу вскоре предстояло подхватить от Эль-Мирадора эстафету «столицы» империи майя той эпохи. Более мелкие города в Петене, такие как Тикаль и Вашактун, похоже, убереглись от экологической и климатической катастрофы, развившейся в конце позднего доклассического периода. В высокогорье события развивались по более драматическому сценарию. Города и селения обезлюдели, жители покидали эти места, и лишь некоторым оплотам цивилизации, таким как Каминальхуйю, после кратковременного упадка удалось встать на путь развития. Ещё одной причиной, повлиявшей на климат и судьбу древних майяских городов, стало длительное и мощное извержение вулкана Илопанго, находящегося на территории современного Сальвадора.

В III в. н. э. центр тяжести политической и экономической жизни майяского общества переместился на равнины Юкатана, в густые тропические леса, где вскоре засверкала всеми своими гранями блестящая цивилизация майя эпохи классического периода.

Любая цивилизация накануне своего расцвета испытывает подъем, а перед ним – подготовительную фазу, когда все элементы нарождающейся цивилизации собираются воедино и как бы «притираются» друг к другу. Естественно, все выдающиеся достижения майя не появились из ниоткуда; последние археологические открытия показали, насколько сложным и удивительным был процесс становления этой великой цивилизации. Отправной точкой здесь является 250 г. н. э., начало классического периода. Сами майя пишут, что именно в эту эпоху возникли их великие правящие династии, сопоставимые с династиями фараонов Древнего Египта либо великими императорскими династиями Древнего Китая.

Итак, перейдем с туманного додинастического этапа развития майя к настоящей истории, наполненной реальными персонажами.

Глава 3

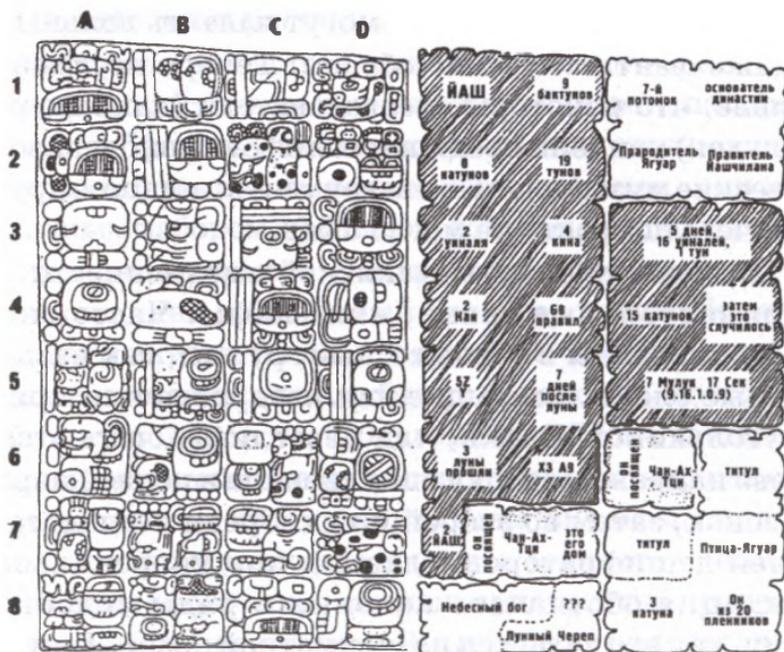
ВЗЛАМЫВАЯ КОДЫ

«Иероглифы объясняют все, но... они совершенно непонятны. Кто сможет прочесть их?» Лишь через 150 лет после того как Джон Ллойд Стефенс задал этот вопрос, иероглифы майя, действительно, начали что-то объяснять – они, наконец, заговорили. Сегодня профессиональные дешифровщики по-прежнему чрезвычайно занятой народ, снующий между пыльными запасниками музеев и полевыми лагерями археологов, развернутыми в самой чаще Центральноамериканской сельвы.

Иногда кажется, что полная расшифровка такой сложной, запутанной, часто нелогичной письменной системы майя не будет закончена никогда. Процесс этот долгий и кропотливый. Малейшее продвижение вперед, ничтожная зацепка, единичный успех – и дешифратор тотчас бросается уточ-

нять тысячи предыдущих текстов, прошедших через его пытливый ум и взор. Зачастую такая работа требует коллективного взаимодействия – тексты анализируются одновременно несколькими лингвистами, после чего результаты исследований приводятся к общему знаменателю (не всегда правильному). Ежегодно тайнам письменности майя посвящается множество семинаров и конференций. Семя, брошенное на почву познания в начале XX в. Форстеманом, дало обильные, но довольно однообразные всходы лишь к 1950-м годам. К этому моменту были расшифрованы почти все письма, относящиеся к астрономии и календарной системе.

Плита 21 из Йашчилана.

На заштрихованных участках – переведенные фрагменты текста, относящиеся к календарю майя. На незаштрихованных участках – иероглифы, которые не относятся к календарю и были дешифрованы совсем недавно

Остальные, «некалендарные» иероглифы по-прежнему оставались тайной за семью печатями. Прекрасным наглядным примером служит Плита 21 из Йашчилана. Этот образец показывает, чего достигли, а чего нет лингвисты к середине XX в.

Всякий, кто не знаком с письменной системой майя, бросив взгляд на рисунок, даже не поймет, где, собственно, начинается сам текст. При более внимательном рассмотрении можно разобрать некоторые вполне реалистичные элементы: головы людей и животных, черепа, раскрытые ладони, скрещенные ноги и даже фигурки маленьких птичек. Иероглифы, которые нельзя интерпретировать моментально, вполне могут навеять вольные и даже фантастические образы. Теперь неудивительно, что некоторые исследователи (например, Вальдек) увидели среди иероглифов слонов, экзотические музыкальные инструменты и многое другое, чего попросту не могло быть.

Базовые элементы майяской письменности – индивидуальные знаки, или глифы. Часто они сгруппированы в очень тесные группы, так называемые блоки, имеющие вид квадратов или прямоугольников. Блоки, или иероглифы, читаются слева направо и сверху вниз сначала в первой паре колонок, затем во второй и т. д. Среди исследователей-дешифраторов с давних пор укоренилась традиция обозначать колонки и ряды подобно тому, как это делается на шахматной доске. Таким образом, на Плите 21 иероглифы читаются так: А1, В1, А2, В2, А3, В3 и так далее до В8. Затем мы переходим к следующим двум колонкам и читаем иероглифы так: С1, D1, С2, D2, С3, D3... и до D8.

Однако некоторые тексты представляют собой неправильную форму либо, как иногда встречается на глиняной посуде и украшениях из нефрита, вытянуты в одну строчку. Правда, и в этом случае иероглифы читаются слева направо и сверху вниз, пусть и не по парам.

Чтобы установить хоть какой-то порядок в исследовании текстов, дешифровщики классифицировали иероглифические элементы по размерам и позициям, которые они занимают в блоке. Наибольшие по размерам элементы условились называть основными знаками, а более мелкие элементы, окружающие основной знак, – аффиксами. Последние в зависимости от расположения подразделяются на префиксы (находятся слева от основного знака), суперфиксы (стоят над основными знаками), постфиксы и субфиксы (расположены соответственно справа и снизу). Очень редко основной знак окружен полным набором аффиксов, довольно редко встречаются и совершенно «голые» основные знаки, представляющие собой целый блок-иероглиф. Порядок чтения внутри блока следующий: префикс, суперфикс, основной знак, субфикс и, наконец, постфикс. То есть порядок чтения элементов блока такой же, как и при чтении самих блоков в тексте: парами слева направо и сверху вниз. Однако такой порядок иногда не выдерживается – все зависит от числа и позиции аффиксов и личных пристрастий неизвестных майяских писцов. Вышеописанная методика принадлежит современным исследователям; сами майя, кажется, не различали ни основных знаков, ни аффиксов. Подобная мысль приходит в голову при анализе текста с Плиты 21 из Йашчилана.

Часть иероглифов прочитана уже более полувека назад, и сейчас мы рассмотрим, какие это иероглифы. Чтение начинаем с иероглифа А1 – это «вводный иероглиф начальной серии». Как правило, он служит для введения даты в календаре долгого счета. Сама дата долгого счета обозначена иероглифами В1-А2-В2-А3-В3, которые соответствуют дате 16 октября 454 г. н. э. Иероглифические элементы, представляющие долгий счет – бактуны, катуны, туны, уинали и кины, – являются основными знаками, а столбики и точки слева от них выступают в форме префиксов. В связке блоков А4–А7 представлена некоторая некалендарная информация и датировка по Календарному Кругу. В этом же промежутке находятся довольно любопытные иероглифы – например, В4, представляющий одного из «Хозяев Ночи». Впервые он был определен еще Эриком Томпсоном. Каждое из девяти божеств подземного мира по очереди патронировало дни майяского календаря. Следующий блок, А5, остается нерасшифрованным, и за ним следуют иероглифы В5-А6-В6 из так называемой «Лунной серии». Они обозначают появление Луны в определенный день долгого счета. Впервые эти иероглифы в 1930-х гг. расшифровал Джон Типл, старый друг Томпсона, энтузиаст и большой любитель майяологии. Так, блок В5 говорит о том, что прошло семь дней со дня последнего новолуния; иероглиф А6 указывает, что три Луны завершили цикл из 6 лунных месяцев, а в блоке В6 содержится информация о том, что текущий лунный месяц насчитывает 29, а не 30 дней. Из всего прочитанного следует вывод, что майя уважали точность и недвусмысленность.

Теперь мы вступаем в область «некалендарных» иероглифов – от А7 до D2, – значение которых более 60 лет оставалось непонятным. С иероглифа С3 майя снова обращаются к своему календарю. Несколько важных дат он вложили в следующие 6 блоков, от С3 до D5. Здесь подразумевается, что нужно считать от первой даты долгого счета до второй даты Календарного Круга, а именно даты 7 Мулук 17 Сек (иероглифы С5 и D5), что соответствует 12 мая 752 г. н. э. Томпсон первым предположил, а затем и убедился, что иероглиф D4, который он назвал «идентификатором последующей даты», указывает на то, что считать нужно ко второй дате Календарного Круга, а сама разница в датах выражается блоками С3 и С4 и составляет 16 уиналей, 1 тун и 15 катунов. Но что это все-таки значит? Причем здесь фазы Луны и какая связь может быть между датами, отстоящими друг от друга почти на три столетия? Вторая дата могла оказаться для первой какой-нибудь годовщиной либо означать окончание какого-то временного цикла. Однако никто из исследователей ничего конструктивного относительно этих дат не предложил.

Что касается группы блоков С6–D8, то она в 1950-е гг. совершенно не поддавалась дешифровке, и, таким образом, непрочитанной оставалась третья часть всего текста. Теперь-то мы знаем, что именно в этой части скрывался весь смысл странного послания.

Сейчас мы чуть отвлечемся, а затем вновь вернемся к Плите 21. Сделаем паузу и попытаемся понять, почему такие люди, как Томпсон и Типл, при-

шли именно к тем выводам, к которым пришли. Очевидно, они решили, что «концепция времени» является одной из основных, если не основной категорией в мировоззрении майя. Что касается «некалендарных» частей текста, то Томпсон, например, был убежден, что неподдающиеся расшифровке иероглифы скрывают какие-то абстрактные понятия, имеющие отношение к религии, ритуальной практике либо религиозным откровениям.

Так или иначе, Томпсон опубликовал каталог из 800 иероглифических элементов, как основных знаков, так и аффиксов, – труд, который имеет непреходящую ценность до сих пор. Наряду с публикацией каталога Томпсон пришел к выводу, что иероглифы – не буквы. Алфавиты большинства языков состоят из 20–40 знаков, и их достаточно для передачи звуков. Это наводит на мысль об истинно иероглифической природе майяской письменности, когда каждый иероглиф (как, например, в китайском языке) означает либо смысловое понятие, либо отдельный слог определенного слова. Насколько известно из лингвистики, в иероглифической письменности не может быть менее 100 иероглифов. Ограничение же количества знаков говорит о том, что (как считали Томпсон и Морли) майя выражали в письменном виде довольно скудный набор идей, мыслей и тем, которые к тому же имели ритуально-мистический и даже изотерический характер, понятный, скорее, майяским жрецам и старейшинам, нежели современным лингвистам-дешифраторам. И все-таки с конца 1950-х гг. цитадель под

названием «письменность майя» начала сдаваться. Несколько независимых друг от друга исследований наконец-то позволили ученым заглянуть в тайны майяской письменности и совершенно точно понять, что же скрывалось за рядами странных, таинственных иероглифов.

Секреты письменности майя

Первые лучики надежды забрезжили на научном горизонте лишь с приходом на историческую сцену некоего бизнесмена немецкого происхождения Генриха Берлина. У проживавшего в Мехико бизнесмена было весьма достойное хобби: он посвящал свой досуг расшифровке древних текстов и надписей.

Однажды Берлин взялся за расшифровку майяских текстов, собранных из разных мест, и после их тщательного анализа сделал удивительное открытие: во многих текстах, обнаруженных в одном и том же городе, очень часто повторялся какой-нибудь единственный, характерный только для данного города иероглиф. Причем аффиксы, окружавшие основной знак, были практически одинаковыми, а вот сами основные знаки от города к городу разительно отличались. Например, наиболее часто встречающийся в Тикале знак напоминает стянутые жгутом волосы, а иероглиф-эмблема Копана – ни дать ни взять, голова крысы! Тут-то «мексиканского» немца и осенило: не обозначают ли эти иероглифы сам город, в котором они так часто употреблялись, а может, это имя та-

Иероглифы-эмблемы

мошнего правителя? И тогда почему некоторые иероглифы явно топонимического или антропонимического характера иногда обнаруживаются не в «своих» городах? Возможно, это указывает на политические, экономические и иные связи между данными городами...

Боле того, Генрих Берлин совершил еще одно блестящее открытие, на этот раз после того как мексиканский археолог Альберт Рус в 1952 г. обнаружил под Храмом надписей в Паленке обширный склеп вместе с находившимся там каменным саркофагом с крышкой. В саркофаге, судя по всему, покоился майяский правитель – лицо совершенно реальное. Это было первое открытие археологов подобного рода в Месоамерике.

На этот раз Генрих Берлин заметил, что письма на саркофаге сконцентрированы необычным образом: изображения, являющиеся, по всей видимости, портретами неких людей, сопровождаются короткими иероглифическими пояснениями. Бизнесмен-энтузиаст предположил, что это портреты предшественников усопшего правителя, а

пояснения – их имена. Таким образом, Берлин сделал вывод, что иероглифы несут не только сакральный смысл и отражают ход времени, но могут описывать и самые обычные, житейские факты, события и явления.

Следующим, поистине революционным прорывом в майяологии стали исследования выдающегося ученого русского происхождения Татьяны Проскуряковой – потомка русских эмигрантов, переселившихся в США в 1915 году. Закончив университет Пенсильвании в 1930 году, Татьяна Авенировна вскоре стала сотрудницей университетского музея. В ее обязанности входила организация археологических экспедиций, в том числе и участие в раскопках. Наиболее частые и плодотворные исследования и раскопки проводились в Пьедрас-Неграс. Татьяну долгое время интересовали стелы, монументы, архитектурные элементы – одним словом, сама эстетика и художественные формы, к которым прибегали безымянные майяские зодчие. И лишь к 1959 году под влиянием работ Томпсона и других великих предшественников Татьяна Проскурякова увлеклась историей письменности майя.

Мы знаем, что к концу 1950-х гг. ученые совершенно точно умели «считывать» иероглифы, обозначающие временные даты. Изучая изображения и надписи на стелах в Пьедрас-Неграс, Татьяна обратила внимание на одну важную особенность: изображенные на многих стелах иероглифы, стоявшие по соседству, обозначали точные даты, временной промежуток между которыми был не больше, чем длится обычная человеческая жизнь. Эти даты,

а

б

в

Иероглифы:

а) рождение; б) восхождение на трон; в) смерть

предположительно рождения и смерти, всегда сопровождалась множеством иероглифов, которые, вероятно, описывали земной путь человека – правителя или какого-то замечательного персонажа. Татьяна обратила внимание еще на один нюанс: часто на одной и той же стеле рядом располагались три даты, и первую сопровождал иероглиф, который Томпсон назвал «перевернутая лягушка». Возле второй даты стоял иероглиф, походивший на «челюсть грифа». И, соответственно, третьей дате сопутствовал свой знак. Интересно отметить, что две соседние даты обозначали промежуток от 12 лет до 31 года.

Проанализировав и сопоставив все эти элементы, Татьяна Проскурякова пришла, как оказалось, к неожиданному и блестящему выводу: первая дата и сопутствующий иероглиф обозначают дату рождения правителя; вторая пара иероглифов – его восхождение на трон; третья – дату смерти. В итоге женщина-ученый определила, что на шести стелах в Пьедрас-Неграс увековечены вехи жизни шести правителей, царствовавших, соответственно, 35, 47, 42, 28, 5 и 17 лет.

Оказалось, что после смерти одного правителя его преемник приказывал возвести стелу или груп-

пу стел в честь себя самого, причем не всегда подле того же храма, что и предшественник. Итак, работы Татьяны Проскураковой, ее упорство и логика стали первым настоящим шагом на пути покорения абсолютно неприступной вершины, коей всегда казались майяская филология и, в частности, письменность.

Внес свою лепту, и существенную, американский лингвист Бенджамин Уорф, который еще в 1930-х гг. на основе «Дрезденского кодекса» предположил, что в майяском предложении после глагола следует существительное. Это предположение своего соотечественника Татьяна Проскуракова развила еще далее. Она установила, что в надписях на стелах в Пьедрас-Неграс сразу за датой следует глагол, затем – существительное, а дальше идет короткая серия иероглифов, представляющих властителя. Кроме того, знаменитой исследовательнице культуры майя удалось идентифицировать некоторые глаголы – «умереть», «родиться» и т. д.

Американская исследовательница не только установила правильный порядок языковых элементов в текстах, но и определила иероглифы, относящиеся к женщинам. Мы выяснили, что на стелах после даты рождения указывались имена реально существовавших людей. Так вот, «женские» иероглифы начинаются с префикса – головы женщины со стянутыми в жгут волосами.

Свои выводы Татьяна Проскуракова опубликовала в 1960 году в американском журнале «Американские древности» под скромным заголовком «Исторические аспекты дат, увиденных в Пьедрас-Неграс, Гватемала». Все заключения исследова-

а

б

в

«Женские» префиксы

а) и б) – отдельные префиксы. Префикс в) соединен с основным знаком, обозначающим город Калакмуль. Иероглиф посвящен Госпоже Вечерней Звезде – местной принцессе, ставшей одной из жен йашчиланского правителя Щита-Ягуара

тельницы оказались не только смелыми и новаторскими, но и правильными, что подтвердилось впоследствии.

Надписями, обнаруженными в Пьедрас-Неграс, Татьяна Авенировна не ограничилась, и вскоре она обратила свой взор на тексты, найденные в Йашчилане. Напомню, что местные плиты и стелы вначале тщательно зарисовал Модсли, а затем в свое время сфотографировал Теоберт Малер. Знаменитые йашчиланские плиты чрезвычайно информативны. Жанровые сцены, фигуры и портреты непременно сопровождаются пояснительными текстами. Изучая источники из Пьедрас-Неграс, Татьяна Проскурякова уже пыталась увязать скудные изображения с текстами, однако именно в Йашчилане для этого были предоставлены все условия.

В этом городе русская американка впервые установила историю династического рода, правившего около сотни лет в VII–VIII вв. н. э. Без сомнения, это была эпоха расцвета и экспансии – эпоха, когда правили два могущественных правителя. В отличие от свидетельств в Пьедрас-Неграс письмамена в

Щит-Ягуар

Птица-Ягуар

Йашчилане настолько пиктографичны и наглядны, что Татьяна Авенировна дала именным иероглифам свои прозвища. Так, одного правителя она нарекла Щит-Ягуар, потому что обозначающий его иероглиф состоял из комбинации головы ягуара с маленьким иероглифическим элементом, напоминающим щит. Этому человеку довелось править долго, и умер он в 742 году в возрасте старше 90 лет. Власть перешла к наследнику, но лишь через десять лет, то есть в 752 году.

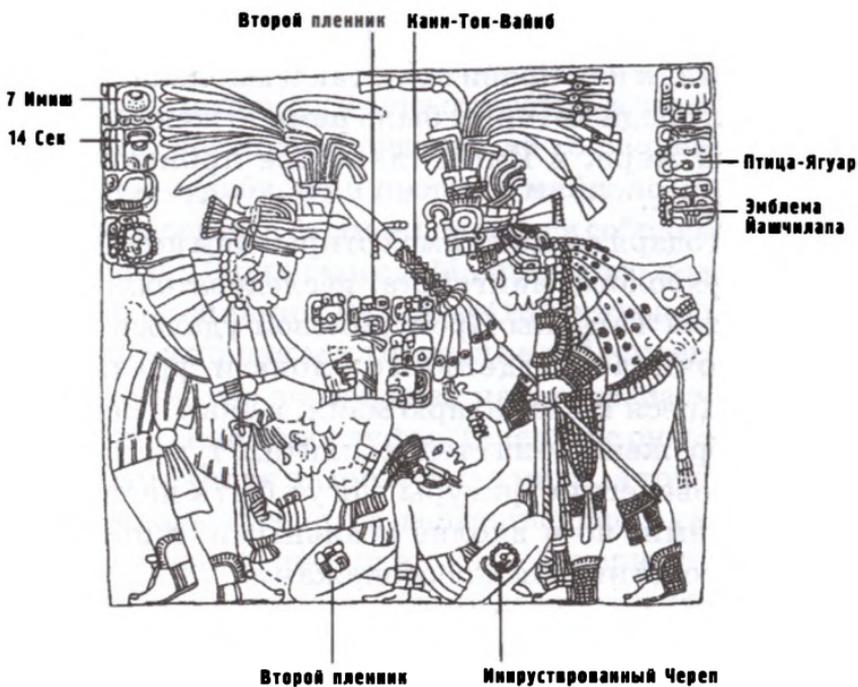
Наследником престола стал, по всей видимости, сын Щита-Ягуара, которого Татьяна Проскурякова назвала «Птицей-Ягуаром», так как в его именном иероглифе голову ягуара обрамлял префикс в виде птицы.

Йашчиланские тексты по аналогии с текстами Пьедрас-Неграс повествовали о рождении правителя, его восхождении к вершинам власти, о некоторых событиях, случившихся в годы его царствования, и, наконец, о смерти. Выяснилось, что (вопреки бытовавшему мнению о том, что древние майя сплошь были мирными пахарями, собирателями и страстными любителями астрономии) оба «ягуара» не прочь запечатлеть себя на фоне славных военных побед. Особенно животрепещущей получилась батальная сцена на Плите 8, где тек-

ста совсем мало, но рисунок так прост и понятен, что Татьяне Проскуряковой не составило труда прочитать все относящиеся к данному рисунку текстовые пояснения. На плите изображен Птица-Ягуар в примечательной одежде, несущий копье в левой руке. Рядом с правителем изображен один из его воинов, и оба заняты одним и тем же делом – пленением врагов. Один несчастный схвачен за руку, а другой – за волосы. Подобный «сценарий» пленения в батальных изображениях майя встречается наиболее часто.

Пояснительный текст начинается с даты Календарного Круга 7 Имиш 14 Сек, что соответствует 9 мая 755 года. Затем следует блок, который Татьяна Проскурякова интерпретировала как страдательный залог прошедшего времени от «пленить» – то есть «пленен». Далее следует иероглиф, который продублирован на фигуре человека, плененного Птицей-Ягуаром, – вероятно, имя собственное несчастного. Проскурякова назвала этот иероглиф «Инкрустированным Черепом», потому что он напомнил ей человеческий череп, усыпанный драгоценными камнями.

Следующая серия иероглифов (над головой Птицы-Ягуара) начинается с блока, который сегодня переводится как «пленение кого-либо». Далее идут именной иероглиф Птицы-Ягуара и иероглиф-эмблема Йашчилана. В итоге текст прочитали так: «9 мая 755 года Инкрустированный Череп был пленен Птицей-Ягуаром, Властителем Йашчилана». Другой пленный, судя по надписям и рисунку, был захвачен вторым по значимости властителем Йашчилана, которого звали Канн-Ток-Вайиб.

Плита 8, Йашчилан

Сегодня мы знаем, что до этого эпизода Птица-Ягуар называл себя Пленителем Ах Ука, однако после поимки такой важной персоны, как Инкрустированный Череп, в анналах стали упоминать имя только этого, видимо, очень опасного и ненавистного врага.

В своих исследованиях Пьедрас-Неграс Татьяна Проскуракова уже упоминала о важной роли майяских женщин в жизни общества вообще и в династических делах в частности. На некоторых плитах изображены женщины, принимающие участие в различных ритуалах. Наиболее сохранившуюся плиту Модсли даже привез на родину и передал Британскому музею. По мнению Татьяны Проскураковой, тексты на этих плитах гла-

силы о ритуальных кровопусканиях, в которых участвовали как правители, так и множество подданных, среди которых было немало женщин. По крайней мере, в Йашчилане все происходило именно так.

Благодаря выдающимся открытиям американского археолога, лингвиста, исследователя культуры майя Татьяны Прскуряковой удалось впервые прочесть отдельные слова и фразы, не относящиеся к календарю майя, а также понять, что изображенные на стенах, плитах, тумбах и стелах человеческие фигуры могут быть не только божествами, но и вполне реальными, жившими много столетий назад персонажами.

Природа письменности майя

Мощнейший толчок к разгадке тайн письменности майя дали работы человека, который появился на научной сцене словно ниоткуда. Никто даже не смел предположить, что такой гигантский прорыв в маяологии произведет этнограф и языковед из далекой сталинской России, чудесные открытия которого в лингвистике майя сопоставимы с исследованиями Татьяны Прскуряковой.

Этот русский ученый никогда географически не приближался к империи майя. Воевавший в Красной Армии Юрий Кнорозов в 1945 году вместе со своим подразделением оказался в Берлине. Волею случая он очутился на заднем дворе Германской Национальной библиотеки, где в огромных кострах погибали тысячи книг, в том числе бесценные ра-

ритеты. Внимание красноармейца привлек фолиант, еще не успевший обуглиться. Мыском сапога Кнорозов отбросил книгу от костра, а затем поднял с земли, чем predetermined не только свою дальнейшую судьбу, но и прогресс майяологии как науки. Спасенный фолиант оказался собранием Дрезденского, Парижского и Мадридского кодексов.

По окончании Великой Отечественной войны Кнорозов продолжил обучение в Московском университете, где до призыва на фронт изучал древнеегипетские иероглифы. Теперь же он полностью сосредоточился на письменах майя, а точнее, взялся с молодым задором за расшифровку таинственной майяской письменности. В первую очередь, Юрий Валентинович обратился к отчету Диего де Ланда «Сообщение о делах в Юкатане», в котором его заинтересовал так называемый «алфавит» языка майя.

Молодой русский ученый пришел к выводу, как и многие до него, что знаки «алфавита» де Ланда настоящим алфавитом не являются. Однако в отличие от предшественников он не счел их бессмыслицей. Тот же Эрик Томпсон призывал изучать лишь календарные знаки, а все остальное он назвал «недоразумением и путаницей». Кнорозов с таким мнением не согласился, он посчитал, что де Ланда неправильно понял своего информатора —

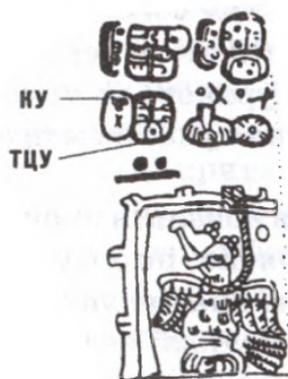
Юрий Кнорозов

Гаспара Антонио Чи. Когда в середине XVI в. испанский миссионер решил составить алфавит языка майя, он совершенно логично попросил своего майяского визави написать против каждой буквы испанского алфавита иероглифический эквивалент. Ланда громко и внятно озвучивал каждую испанскую букву, а Гаспар Антонио Чи добросовестно вписывал те иероглифы, которые, по его мнению, лучше всего соответствовали названным буквам. Строго говоря, Диего де Ланда произносил все-таки слоги: как правило, название большинства букв состоит из двух звуков. Понял это и Кнорозов. Он решил, что «майяский» алфавит де Ланда – не что иное, как некий список иероглифов (причем далеко не полный!), звучащих так же, как испанские слоги. Таким образом, если иероглифический знак из перечня де Ланда обозначает реальное слово или его часть, то звучание этого иероглифа нам известно.

Далее ученый предпринимает следующие шаги: он подсчитывает, сколько знаков было в письме майя, число их повторов и частоту употребления в рукописях. Он установил, что последняя гласная последнего слога выпадает, и назвал этот принцип «сингармонией». По этому принципу слово, обозначаемое двумя иероглифами «ку», должно читаться «кук», а не «куку».

Русский ученый проверил свои идеи на текстах найденных кодексов. Считалось, что они написаны на юкатекском наречии языка майя за несколько столетий до испанского вторжения. Необходимо отметить, что существовало достаточно юкатекских словарей, лексикон которых не

должен был отличаться от лексикона кодексов. Структура кодексов такова, что многочисленные изображения богов, животных и жанровых сцен сопровождаются поясняющими текстами – в идеале, это должно было облегчить их расшифровку. Некоторые иероглифы выступали практически в роли «ярлыков» к соответствующим, вполне однозначным изображениям. Тактику и ход мыслей Юрия Кнорозова поясним на простом примере. Одним из ключевых рисунков, или ярлыков, для него стало изображение индюка в Мадридском кодексе. На юкатекском диалекте в XVI в. слово «индюк» звучало как «кутц». Просматривая алфавит де Ланда, Юрий Валентинович обратил внимание, что один из иероглифических знаков, соответствующий испанской букве «q» (то есть «ку»), одновременно является префиксом для иероглифа, однозначно обозначающего индюка. В соответствии с принципом сингармонии основной знак этого иероглифа должен был звучать как «тцу». Затем, в Дрезденском кодексе Кнороз-

«кутц»
индюк

«тцуль»
собака

зов обратился к состоящему из двух знаков иероглифу, однозначно обозначающему собаку.

В этом слове первый иероглифический знак (префикс) идентичен второму знаку в иероглифе, который обозначает индюка, и теоретически должен звучать как «тцу». Основной же знак иероглифа имелся в списке де Ланда и был помечен испанским слогом «лу». Именно слово «тцуль» переводилось как «собака» во всех старых юкатекских словарях. Таким образом, Кнорозов блестяще определил транскрипцию для двух древних иероглифов: «кутц» – индюк и «тцуль» – собака.

Разработанный метод позволил Кнорозову развить успех. Так, зная, как выглядит иероглифический знак «ку», ему удалось выяснить звучание знака «чу». Знаки «ку» и «чу» составили иероглиф «куч», что переводится как «ноша», «груз», «тяжесть». Этот иероглиф фигурирует в кодексах рядом с изображением некой богини, несущей тяжелую ношу. Знак «чу» Кнорозов обнаружил и в иероглифическом блоке «чу-ка-а» («пленный», «был пленен»), помещенном над изображением некоего плененного бога. Смысл этого иероглифа подтвердила и Татьяна Проскуракова на примере йашчиланской сцены пленения с участием правителя Птицы-Ягуара.

Метод Кнорозова кажется донельзя простым, даже примитивным – невероятно, почему никто до этого не додумался раньше. Значит ли это, что Кнорозов смог бы составить полный иероглифический словарь языка майя и перевести все тексты до единого? Не все так просто. Фонетическая

и лексическая расшифровка майяских текстов продолжается и по сей день. Не забудем, что де Ланда записал лишь ограниченное число иероглифических знаков, которые зачастую весьма приблизительно соответствуют буквам испанского алфавита. Многие иероглифические знаки и целые блоки не поняты до сих пор. Кнорозов пришел к выводу, что письмо майя не является пиктографическим или слоговым – это типичная иероглифическая письменность сродни древнеегипетской или китайской.

«В письменности майя, как и в других иероглифических системах письма, употребляются знаки фонетические (алфавитные и слоговые), идеографические (обозначающие целые слова) и ключевые (поясняющие значение слов, но не читающиеся)».

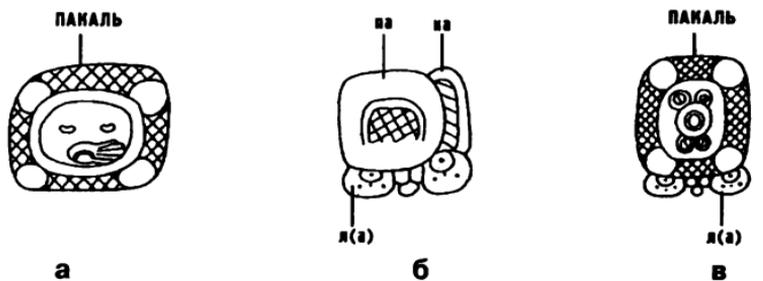
Первую свою статью Юрий Кнорозов опубликовал в 1952 году в журнале «Советская этнография». Статью предваряло короткое вступление (написанное, конечно, не им), где осуждались империалистические академии, а также восхвалялась сталинская наука. Естественно, на Западе эта статья не встретила восхищения – не забудем, начиналась холодная война. Сам Кнорозов поступил довольно мудро: он не стал безапелляционно продвигать свою теорию сингармонии и оставил в статье место для критики и сомнений. Критики не заставили себя долго ждать: выяснилось, что принцип Кнорозова «работал только на короткой дистанции», и при дальнейшей работе он нарушал свои же собственные правила. Особенно свирепствовал Эрик Томпсон, энергично выискивавший в умозаключениях «дерзкого русского» слабые

места. Он считал, что Кнорозов предлагает полностью фонетическую систему, что, конечно же, мировое научное сообщество принять не могло. В ходе дальнейших исследований Юрий Валентинович отказался от идеи голого фонетизма, что тотчас получило одобрение широких академических кругов и таких корифеев, как Майкл Коу (его жена переводила работы Кнорозова) и лингвисты Флloyd Лаунсбери и Дэвид Келли.

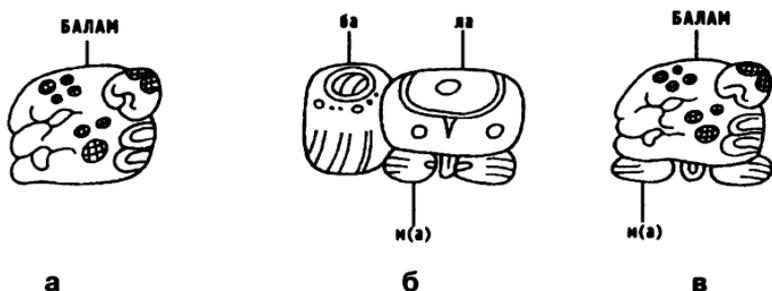
Следующим этапом в майяологии должна была стать интеграция теорий Татьяны Проскураковой и Юрия Кнорозова. Отправной точкой стала серия семинаров и конференций в Паленке в 1973 году, где главными действующими лицами стали Лаунсбери, Питер Мэтьюз и Линда Сикл.

Подход Татьяны Проскураковой условно можно назвать «структурным». Работая в рамках твердых знаний о календаре майя и тщательно изучая видимую связь между рисунками и сопровождающими иероглифическими фразами, она выяснила, что должны значить определенные иероглифы, и пришла к ряду простых, очевидных выводов о порядке слов в текстах. Лаунсбери на одном из семинаров заявил: «Мы должны взять за основы методы Проскураковой, базирующиеся на работах Кнорозова». Сам Лаунсбери в сотрудничестве с Мэтьюз и Сикл пролил свет на тайну правящей династии Паленке, царствовавшей в течение последних двухсот лет истории города. Первый правитель получил условное имя Щит – из-за сходства его именного иероглифа со щитом. Ученые установили также, что после Щита городом правили еще пятеро человек – вплоть до конца IX в. н. э., то есть до

ПАКАЛЬ

БАЛАМ

Различные способы написания слов Пакаль и Балам а) в виде отдельного логографа; б) фонетически; в) комбинированное – логограф + фонетическое дополнение

конца истории города. Останки, обнаруженные в каменном саркофаге в склепе под Храмом надписей, принадлежали Щиту. В конце концов, удалось установить его настоящее имя – Пакаль. В Паленке обнаружено три способа написания этого имени, что является наглядным примером «комбинационной» природы майяской письменности (см. рисунок).

Первый способ: отдельный иероглиф-логограф – изображение маленького щита, часто встречающееся в батальных сценах. Второй способ –

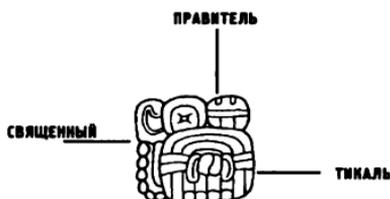
полностью фонетический: имя записывается как «Па-ка-л(а)», причем последний гласный, в соответствии с принципом сингармонии Кнорозова, выпадает. Третий способ: к иероглифу, обозначающему щит, добавляется так называемое фонетическое дополнение. На нашем примере показаны и способы написания слова «Балам», что значит «ягуар».

Часто при расшифровке того или иного текста создавалась путаница из-за различного звучания одного и того же знака. Иногда же знаки звучат одинаково, но имеют совершенно разное значение. Например, слово «кан» означает следующие понятия: «змея», «небо», «четыре». Знак, звучащий как «кан» и обозначающий змею, составляет именно иероглиф наследника Пакаля – Кан-Балама, или Змеи-Ягуара.

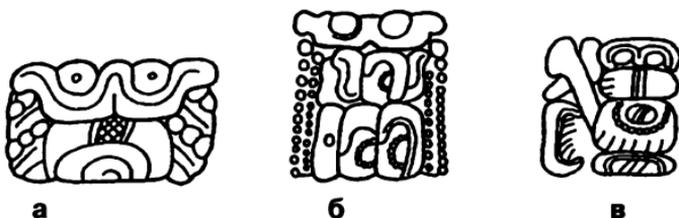
Думаю, все согласятся с тем, что письменность майя является не только коммуникативным средством, то есть служит для передачи информации, но и представляет собой своеобразную форму искусства. При этом каждый майяский город имел свой неповторимый стиль, свою «школу» письменности – от размашистого написания иероглифов

в Копане и Киригуа до монументального, объемно-скульптурного стиля в Тикале.

Несмотря на трудности и проблемы, которые поджидали и еще будут поджидать лингвистов в процессе расшифровки

Эмблема на камне

Военные глифы:

а) «Раковина-звезда» – глиф, обозначающий войну; б) «Звезда над Сейбалем» означает, что город Сейбаль подвергся нападению; в) «Топор» – знак объявления войны

текстов майя, будем считать, что самые важные шаги и выдающиеся открытия были сделаны уже в 1970-х гг. А что же сегодня? Все ли иероглифы поняты и однозначно истолкованы? Послушаем Линду Сикл, человека на этом поприще не последнего:

Многое ли реально расшифровано? Я всегда отвечаю, что это зависит от того, что подразумевать под расшифровкой. Некоторые иероглифы интерпретируются абсолютно точно. Иногда мы знаем приблизительное значение иероглифа, но не можем выразить однозначным словом из современных языков. Например, один иероглиф интерпретируется как «держат» либо «хватать». Разница между возможными значениями, согласитесь, есть. В других случаях нам известно, что иероглиф относится к военной сфере, к свадебному обряду или связан с жизнью подростков, но нам понятна лишь тематика, в которой данный иероглиф уместен. А иногда мы можем определить только синтаксическую принадлежность – то есть выяснить, глагол перед нами или наречие, совершенно

не понимая значения. И самое обидное, когда мы можем фонетически правильно, со всеми нюансами, прочитать иероглиф, но... это слово не встречается ни в одном современном майяском языке и диалекте, поэтому понять его мы не можем. Также у нас мало шансов определить значение иероглифа изолированного или встречающегося крайне редко.

На сегодня ученым удалось не только расшифровать точное значение примерно 50 % иероглифов майя, но и определить их правильное произношение. Общая доля непонятных по сей день текстов – около 20 % ; то есть остался непрочитанным каждый пятый текст.

Пишущий кролик. Деталь керамической вазы

Рука с кистью. Резьба по кости.
Из гробницы правителя Тикаля Чан-К'авиля

Древние майя – «крепкий орешек» для историков, лингвистов и археологов

Ученые довольно подробно восстановили историю зарождения, расцвета и упадка цивилизации майя. Мы даже знаем имена правителей и членов их семей: Пакаль и Кан-Балам из Паленке, Хасав-Чан-К'авиль из Тикаля и придворный художник Ах Машам из Наранхо – имена, дошедшие до нас сквозь толщу столетий и зазвучавшие вновь.

Объективные трудности, которые стоят на пути исследователей, не так-то просто преодолеть. Всякое изучение истории опирается на более или менее достоверные источники. К великому сожалению, сохранившиеся майяские письмена чрезвычайно скудно освещают повседневную жизнь простых людей – нет ни торговых записей, ни административных решений, ни описания житейских ситуаций. Некоторые исследователи полагают, что древние книги со страницами из обработанной коры содержали подобную информацию, но они исчезли. У майя нет ничего подобного шумерским клинописным табличкам, по содержанию которых можно было бы составить настоящую энциклопедию Месопотамии. Огромный древний пласт жизни майя так, по существу, и остается доисторическим. Ту никак не описанную эпоху можно реконструировать лишь посредством археологических методов в сочетании с ранними испанскими отчетами-наблюдениями, такими как «Сообщение» де Ланда, и этнографическими исследованиями традиций современных майя.

Дошедшие до нас письмена – на монументах или на изящных обсидиановых вещицах, найден-

ных в усыпальницах, – все-таки отражают жизнь элиты майяского общества. Тексты, скорее всего, составлялись самими правителями, а придворные мастера вырезали их в камне, по дереву, записывали красной краской, и т.д.

Письменность майя, возникшая в эпоху становления городов-государств, то есть в конце

Стела II в Каминальуйю, на которой изображен один из городских правителей позднеклассического периода в пышном головном уборе и маске птицы. В левой руке вождя – нож для обезглавливания

доклассического периода, наряду с обозначением календарных дат и выражением определенных эзотерических идей, служила в качестве политического инструмента, который правители майя использовали для утверждения и укрепления своего влияния среди народа. Логично предположить, что читать и писать умели лишь избранные члены элиты, культивируемая исключительность которых (как владеющих сверхъестественными способностями) помогала внушать подданным страх и почтение.

Степень грамотности среди простого населения оценить невозможно, но в любом случае она была крайне низка. Очевидно, что сюжетные сцены, изображенные на сценах и зданиях, играли роль

этакой «наглядной агитации» для пришедших в город крестьян и просто для гостей города. Те, кто умел интерпретировать иероглифы, объясняли написанное и нарисованное своим неграмотным землякам. И неважно, какой стиль письма преобладал в данной местности: лейтмотив всех изображений и знаков был неизменным – культ местного правителя и его предшественников.

Глава 4

РАННЕКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Зарождение и расцвет Тикаля

Термин «классический период» относительно цивилизации майя появился в начале XX в. и обозначает эпоху ее наивысшего расцвета, длившуюся с 300 по 900 г. н.э. В начале классического периода уже существовали урбанистические центры, великие строительные проекты, интенсивное сельское хозяйство; появились сводчатые потолки и искусно разрисованная керамика; возникла всемогущая правящая элита. Именно в классический период все эти элементы счастливо соединились в лесах Южного Юкатана; тогда же некогда анонимные правители стали именовать себя «куль ахау» – «священные властители». Классический период стал эпохой майяских царей-индивидуумов, концентрировавших в своих руках властные

функции практически в каждом городе-государстве. Власть эта была династической и передавалась от предка к потомку регламентировано, согласно установленным правилам. Сообщения о передаче власти обязательно появлялись на стенах, монументах и зданиях.

Но не только смена династических поколений, происходившая в различных уголках обширной империи майя, а также появление и развитие новых городов интересуют ученых. В раннеклассический период цивилизация майя испытала сильное влияние, буквально культурное вторжение со стороны великой цивилизации Теотиуакан, что в Центральной Мексике. В эту эпоху возвысилась, а затем испытала подлинный расцвет целая россыпь городов в Петене, на территории современной Гватемалы, и Южном Кампече – в нынешней Мексике. И все это после ошеломляющего упадка гиганта доклассического периода Эль-Мирадора. Именно в этом историческом регионе зародилась династическая форма правления. Ну а самым выдающимся из всей бриллиантовой россыпи городов является Тикаль, судьба и история которого символизирует весь раннеклассический период в истории майя.

Историко-археологические экспедиции Музея Пенсильванского университета, предпринятые в течение 1950–1960-х гг., впервые определили истинную протяженность и былой архитектурный облик города в классический период. Тикаль в ту эпоху занимал площадь в 60 квадратных километров(!), и проживало в нем несколько десятков тысяч человек. У города имеется прекрасно выражен-

Месоамерика классического периода

ное архитектурное ядро, состоящее из дворцов и храмов-пирамид, населенных в ту далекую эпоху представителями местной знати и их челядью. Великая площадь – центральная точка города. Она окружена множеством зданий, главными из которых, несомненно, были Храм I и Храм II. Севернее расположен так называемый Северный Акрополь – обширный комплекс, состоящий из пирамид поменьше, – здесь же находятся россыпи стел и алтарей, украшенные изображениями правителей Тикаля и исписанные многочисленными текстами. Северный Акрополь – ровесник раннеклассического периода, здесь самые ранние фундаменты заложены незадолго до Рождества Христова. В этом же месте хоронили самых первых правителей, строя в память о них пирамиды, на которые нагромождались более мелкие пирамиды после смерти очередного правителя. Так продолжалось приблизительно до 250 г. н. э., когда все возведенные в течение веков здания почему-то оказались снесены и началось новое строительство. Уже через 300 лет Северный Акрополь украшали 8 именных пирамид, которые приобрели тот самый вид, который мы знаем сегодня: украшенные изображениями богов лестницы ведут на верхние площадки, где находятся алтари и высокие постройки. Примечательно, что все пирамиды-храмы воздвигнуты на искусственной насыпи-платформе длиной 100 и шириной 80 метров.

Второй комплекс раннеклассического периода, следы которого дошли до наших времен, – так называемый «Затерянный мир». Этот комплекс открыли гватемальские археологи в конце 1970-х гг.,

и существует предположение, что весь комплекс зданий, пристроек и отдельных структур являл собой астрономическую обсерваторию.

Собственно наблюдения велись с пирамид, а различные каменные сооружения, как геодезические планки, служили для определения различных точек на небесной сфере. Если Северный Акрополь в раннеклассическую эпоху был похож на «правительственную резиденцию», то «Затерянный мир», скорее, был местом для публичных ритуалов с астрономическим уклоном: жрецы-астрономы показывали любопытствующим небесные светила, а также рассказывали о течении времени.

В результате археологических и лингвистических изысканий удалось определить имя основателя первой тикальской правящей династии – Йаш-Эб-Шок, что в переводе означает «Зеленая Акула». Монументальных надписей о времени его правления не сохранилось, но он упоминается в анналах

Стела 39, Тикаль

своих царствовавших потомков. И хотя ни в одном из упоминаний не дается конкретных дат, исследователи полагают, что речь идет о I в. н. э. Кто наследовал Йаш-Эб-Шоку – неизвестно. Первое же зафиксированное восхождение к власти произошло в 292 г. н. э. Эта дата наиболее ранняя из всех «зарегистрированных» в Тикале. А первого прави-

теля, о котором сохранилось немалое число свидетельств и чье правление тщательно задокументировано, звали Большая Лапа Ягуара. Он – четырнадцатый представитель династического рода, произошедшего от Йаш-Эб-Шока, и правил с 317 по 378 год. По мнению гватемальского археолога Хуана Педро Лапорте, именно Большая Лапа Ягуара приказал коренным образом перестроить комплекс, который через 1700 лет назовут «Затерянным миром». В то же время в тикальском Акрополе нашли керамический сосуд, на котором имелось сообщение о некоем «сакральном доме» – предположительно, о дворце Большой Лапы. На стеле 39 (см. рисунок) говорится о том, что в 17-й катун 8 бактуна, что соответствует 376 г. н. э., Большая Лапа Ягуара пустил кровь из своего языка во время ритуала, который проходил на «небесной» площади Тикаля. Вероятно, речь идет о площади в «Затерянном мире», и именно здесь специальная жертва приняла смерть от рук правителя. Но несмотря на принесенную жертву, через два года после «кровавых торжеств» династия, которую основал Йаш-Эб-Шок и к которой принадлежал Большая Лапа Ягуара, прервалась самым трагическим образом.

Тикаль, Вашактун и «гости с Запада»

Продвигаясь по узенькой извилистой туристической тропе, ведущей к Тикалю, можно пропустить малоприметный знак, указывающий направление на Вашактун. Между двумя городами майя расстояние по прямой 25 километров, или 7 часов

ходьбы бодрым шагом. На внедорожнике, несмотря на небольшое расстояние, из-за сильно пересеченной местности нужно добираться не менее трех часов.

С доклассических времен оба города развивались параллельно. Самая ранняя реальная дата, прочитанная в Вашактуне, – 328 г. н. э. Здесь, как и в Тикале, выросли потрясающие дворцы и пирамиды-храмы. Пожалуй, единственное отличие в том, что архитектурные объекты Вашактуна в течение веков подверглись большему разрушению, особенно стелы. Поэтому расшифровка полустертых вашактунских надписей – непростая задача и для сегодняшних ученых.

До сих пор ученые не могут однозначно ответить на такой, казалось бы простой, вопрос: воин-

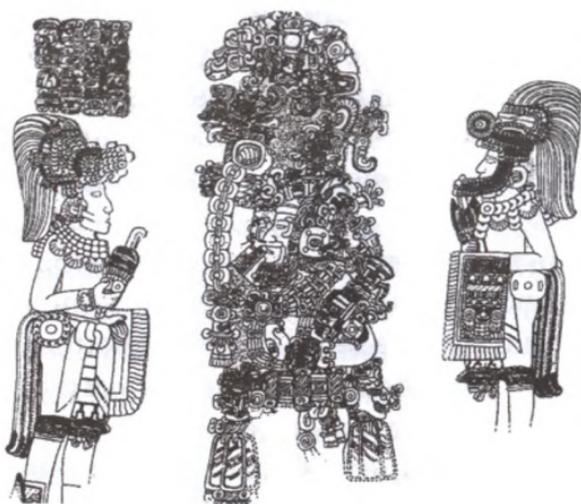
		12 кинов 4 унналей
1 тун		после 17 катуна
Случилось важное событие		соответствует дате: 16 января 378 г.
прибытие		под покровительством
кого?		Кавиля
Курящей Лягушки		бога
(отрубил голову)		Он умер
Большой Лапе Ягуара		

Курящая Лягушка из Тикаля. Часть надписи на стеле 31.

ственны были майя или миролюбивы? Ответ поможет понять, как выстраивались отношения между городами-государствами, как разрешались неизбежные проблемы во взаимоотношениях – путем мирных переговоров или посредством «огня и меча».

Очень долгое время считалось, что короткие и некропролитные стычки случались во все времена, и главную задачу любой царек видел в пленении вождя соперников, которому надлежало пройти обряд ритуального кровопускания – для того чтобы задобрить богов. Упрочение славы и престижа среди своих подданных при этом играло не менее важную роль.

Со временем большинство ученых, веривших в эпизодичность подобных кровавых конфликтов, поменяли свое мнение. Археологические отчеты о раскопках, произведенных в Вашактуне и в Акрополе Тикаля, доказывают, что некоторые здания были сожжены и разрушены вовсе не «в плановом порядке», чтобы освободить место под новое строительство. Нет, они подверглись разрушению в ходе военных действий. И Тикаль, и Вашактун вели войны на полное уничтожение. Без сомнения, рост населения и споры из-за сельскохозяйственных угодий являлись главными причинами возникновения военных конфликтов. Нам доподлинно неизвестно: вступали между собой в частые конфликты соседние Тикаль и Вашактун, или нет. Такие влиятельные и сильные соседи могли сосуществовать без значительного ущерба друг для друга в течение долгого времени. По крайней мере, известно, что в 378 г. н. э. случилось событие, из-

На боковых сторонах Стелы 39 изображены люди, не похожие на майя. Вероятно, они были захвачены в плен с целью принесения в жертву

бавившее на некоторое время Тикаль от угрозы со стороны Вашактуна. Виной тому – не сами майя, а силы, вторгшиеся на их земли извне.

Более чем в тысяче километров от Тикаля, на территории современного Мехико находятся руины города-государства, который появившиеся позднее ацтеки называли Теотиуакан, то есть «город, где человек превращается в бога».

Возникший во II в. до н. э. город в течение двухсот последующих лет испытал бурный рост, и на рубеже тысячелетий его населяли не менее 250 тысяч человек, что превращало Теотиуакан в один из самых больших городов того времени. Мегаполис раскинулся на площади 22 квадратных километра. Через весь город проходила главная улица – Дорога Мертвых, строго ориентированная с севера на юг, вдоль нее по плану строились дома и храмы. По

каждую сторону от осевой улицы насчитывалось приблизительно 2 тысячи домов, выстроенных из камня и кирпича. Город изобиловал торговыми площадями и ремесленными мастерскими, здесь были даже специальные районы, где концентрировались «пришлые», иностранцы. В Теотиуакане возвели 600 пирамид, две из которых выделялись своими исключительными размерами. У северного конца Дороги Мертвых располагалась пирамида Луны, а к востоку от улицы – пирамида Солнца высотой в 60 метров, одно из самых выдающихся сооружений, построенных когда-либо в Новом Свете. Что касается остальных пирамид, то они вполне сопоставимы с подобными сооружениями Эль-Мирадора, Тикаля и Калакмуля.

В окрестностях Теотиуакана процветало сельское хозяйство, имелась очень развитая ирригационная сеть, и многочисленные угодья орошались водой из горных источников. И все же основным источником процветания мегаполиса являлась торговля. Неподалеку от города находились каменоломни, где добывали обсидиан необычайно высокого качества – минерал, который хорошо расходился по всей Месоамерике. Незаменимую услугу городу оказывало и его местоположение на пересечении торговых путей с севера на юг и с востока на запад. Коммерческий успех мегаполиса впоследствии смогла затмить только ацтекская империя.

Для современных ученых Теотиуакан во всех смыслах – «тайна за семью печатями». Ни этногенез народа, населявшего мегаполис, ни его географическое происхождение, ни его язык не известны и по сей день. Теотиуаканцы не оставили ни

одного письменного источника, кроме нескольких пиктограмм и символов, к которым ученые даже не знают, как подступиться. Совершенно ничего не известно о правителях этого мегаполиса. Установлен лишь факт, что в городе господствовали автократия и милитаризм. Похоже, город был настолько богат, что мог себе позволить регулярную армию. Государственная идеология Теотиуакана базировалась на воззрении, что город стоит на том месте, где зародилась жизнь. Благодаря тому, что некогда собравшиеся здесь боги принесли себя в жертву, бросившись в огромный костер, Солнце и Луна получили возможность двигаться по небу, а люди – жить на земле. Война и ритуальное жертвоприношение пленных врагов считались главным источником доблести государства.

В центральном районе города находился Храм Пернатого Змея. В честь открытия храма приблизительно в 225 г. н. э. в жертву было принесено множество воинов. После казни всех их сожгли. Археологи, обнаружившие захоронение, насчитали 260 останков – ровно столько, сколько дней в году согласно священному календарю. Символ Пернатого Змея перешел «по наследству» к ацтекам, которые называли его всем известным словом «Кецалькоатль». Вообще этот символ довольно распространен в Месоамерике. Например, в майяском эпосе «Пополь-Вух» также присутствует Пернатый Змей под именем Кукумац.

Кроме Пернатого Змея в мифотворчестве и идеологии важное место занимают еще два божества: Великая Богиня, прародительница всего сущего, и бог бури, также «перекочевавший» к ацтекам

под именем Тлалока. Этот бог покровительствовал тому же, что и боги древних греков и римлян Арес и Марс, – войне.

Теотиуакан оказал сильнейшее культурное влияние на всю Месоамерику и на империю майя в том числе. Его коммерческое, военное, идеологическое влияние было настолько велико, что невольно напрашивается современное сравнение с влиянием США на всю Северную и Центральную Америку. Первым городом майя, испытавшим на себе плодотворное влияние Теотиуакана, стал высокогорный Каминальхуу. Зачем теотиуаканцы забрались на такую высоту, неизвестно. Тем не менее, зачавший к 250 г. н. э. город после ударного культурно-торгового воздействия вдруг воскрес и даже расцвел. При раскопках там находят не меньше изделий из зеленого обсидиана и характерной посуды, чем в самом Теотиуакане. Естественно, не избежали влияния теотиуаканской культуры и другие города майя, в частности, Вашактун и Тикаль. Насколько это очевидно, припельцы не только изменили уклад местных жителей, но и вмешивались в династические споры и даже участвовали в войнах одного майяского города-государства против другого.

В Тикале иностранные торговцы чувствовали себя как дома – в городе имелось некое подобие «торговой палаты», или «посольства». В свою очередь, тикальские коммерсанты отправлялись по делам в Теотиуакан, о чем неоспоримо свидетельствуют археологические находки. В пути негоциантов охраняли свои воины, что облегчало торговлю и взаимопроникновение культур. Со временем именно Тикаль в раннеклассический период стал

Вашактун. Храм E-VII-sub позднеклассического периода после раскопок группой археологов Института Карнеги в 1930-х гг. Видны хорошо сохранившиеся маски, высеченные из известняка

главным союзником и торговым партнером Теотиуакана, что позволило ему возвыситься на фоне остальных майяских городов юкатанской равнины. Главный соперник, Вашактун, попал в зависимость от грозного соседа, превратившись в заурядный вассальный городок, как и другие майяские поселения в окрестностях Тикаля. Местным зависимым царькам надлежало обращаться к правителю Тикаля, используя титул «а-хау» – «повелитель». Власть города простиралась до Рио-Асуль – поселения, находящегося в ста(!) километрах к юго-востоку от Тикаля. Под покровительством могущественной монополии Рио-Асуль достиг своего расцвета в период между 390-м и 540-м годами. Он превратился в своеобразный военный аванпост Тикаля у самого побережья Карибского моря среди враждебного окружения, а также в удобный торговый центр, откуда обмененные товары отправлялись в метрополию и даже Центральную Мексику. Таким обра-

зом укреплялся могущественный альянс между Тикалем и Теотиуаканом. Среди товаров, обогащающих метрополию, спросом пользовались перья и шкуры животных, соль, ткани из хлопка и других растений, изделия из дерева. Основную часть импорта составляло, конечно же, какао, в изобилии возделывавшееся в Белизе и Западном Гондурасе. Все это говорит о том, что при поддержке покровителей с запада Тикаль распространил свое влияние далеко за пределы Петена и превратился в самый богатый и могущественный город своей эпохи.

Змеиное царство

В огромном массиве тропического леса, раскинувшегося на гватемало-мексиканской границе, прячутся два обширных исторических парка: Биосферный заповедник майя в Северном Петене с главной достопримечательностью городом Тикаль и Калакмульский биосферный заповедник на территории мексиканского штата Кампече. Заповедники хранят тайну цивилизации майя, в том числе руины древних городов. Кроме недавно исследованных гигантов Эль-Мирадора и Накбе, под покровом густых джунглей дожидаются своего часа десятки других, неисследованных и даже еще не открытых мест.

В 30 километрах севернее гватемальской границы находится город Калакмуль. Его обнаружили в 1931 году, и почти сразу же приступили к изучению. Но по-настоящему истинные масштабы города были определены лишь в 1980-х гг. по результа-

там двух экспедиций мексиканских археологов во главе с Уильямом Фоланом и Рамоном Карраско. От центральной автомагистрали Кампече к Калакмулю ведет пыльная проселочная дорога, и туристы, наконец-то добравшиеся до этой заросшей лесом примечательности, с удивлением узнают, что Калакмуль был крупнейшим городом майя, даже более протяженным и населенным, чем Тикаль. На площади 22 квадратных километра археологи насчитали более 6 тысяч отдельных сооружений. Здесь было больше зданий, чем в Тикале, и размещались они плотнее. А главное отличие между двумя городами – необычная для мира майя концентрация добротно выстроенных каменных дворцов, что придавало Калакмулю облик главной майяской метрополии. Город находился в окружении впечатляющей системы каналов с тринадцатью резервуарами, что делало его неуязвимым даже в самый засушливый период.

В Калакмуле обнаружено наибольшее по сравнению с другими населенными пунктами майя количество стел (116), и самая ранняя датировка, встречающаяся на них, относится к 431 г. н. э. Интересная особенность – калакмульские стелы зачастую возводились парами, то есть посвящались правителям и их женам. Казалось бы, обилие стел и, соответственно, текстов, должно полностью прояснить судьбу города, однако ученым остается констатировать, что из-за скверного качества местного известняка и сильнейшей эрозии, которой подверглись стелы в течение веков, надписи на них почти невозможно прочитать.

Как мы уже упоминали, после открытия в

Северный фасад Структуры II в Калакмуле.
По своим размерам он превосходит пирамиды Тикаля

1950-х годах Генрихом Берлином так называемых иероглифов-эмблем стало возможным более точное определение политической географии всей империи майя. Кроме того, ученым удалось проследить связи между отдельными городами. Иероглифы-эмблемы типичны для одной определенной местности и лишь изредка, в зависимости от активности контактов между регионами, встречаются в текстах другого города. Например, в долине Усумасинты неподалеку от Йашчилана обнаружены два городка – Сак Тц’и и Мани – только лишь потому, что их эмблемы найдены у соседей. И все же несколько задокументированных эмблем-иероглифов исследователи до сих пор не могут «привязать» ни к одному из известных городов.

В 1970-х годах ученые заметили, что одна эмблема, изображающая голову змеи, сверх всякой меры распространена на всей территории юкатан-

ской лесистой равнины. Мы знаем, что в позднеклассический период влияние некоторых городов было необычайно сильно, но какому именно городу соответствует «змеиная голова», долгое время оставалось непонятным. В 1973 году исследовательница Джойс Маркус предположила, что эта эмблема принадлежит Калакмулю.

На правообладание «змеиной головой» претендовали и другие города, но недавно в Калакмуле обнаружили текст, убедительно доказывающий, что именно местные, калакмульские правители присвоили себе титул «К'уль Кан Ахау», то есть «Священный Властитель Змей».

Если «змеиноголовая» проблема разрешилась успешно, то сохранность писем, найденных в городе, оставляет желать лучшего. Ученым удалось почерпнуть весьма скудные сведения, особенно о раннеклассическом периоде. Историк Саймон Мар-

тин попытался сложить вместе фрагментарные обрывки известной нам истории города и получить ясную и верную хронологию династического правления, однако «белые пятна» в ней по-прежнему присутствуют.

В ясный безоблачный день, взобравшись на самую вершину Структуры II в Калакмуле, можно увидеть величественные пирамиды Эль-

Ваза с именами
19 правителей Калакмуля.

Мирадора, отстоящего на 35 километров к югу. Калакмуль, согласно археологическим изысканиям, находился в очень тесных отношениях с Эль-Мирадором. Об этом говорит сходство архитектурного стиля и традиций гончарного искусства – Калакмуль с энтузиазмом перенимал у Эль-Мирадора технологии. Характер более поздних отношений нам непонятен, но связи по-прежнему оставались тесными вплоть до падения Эль-Мирадора в 150 г. н. э. После этого Калакмуль стал превращаться в обширный и могущественный город. И хотя его строения и монументы уступают по красоте и величию любому майяскому архитектурному комплексу, Калакмуль готов потягаться с любым из городов империи в размерах занимаемой площади и масштабности построек. Похоже, в момент падения Эль-Мирадора Калакмуль принял массы мигрировавших на север жителей умирающего города. В раннеклассический период Калакмуль организовал военный блок, включавший города северного Петена и южного Кампече. В это же время Тикаль, одержавший верх над Вашактуном, вошел в военный союз с Тетиуаканом и распространил свое влияние на весь центральный Петен и далее на север до реки Рио-Асуль – и все это менее чем в сотне километрах от Калакмуля. Теперь можно только представить, в какую конфронтацию вылилось противостояние двух мощных городов-государств. Современные ученые убеждены, что борьба между Тикалем и Калакмулем предопределила весь ход политической истории равнинных майя в течение всего классического периода.

К сожалению, письменных подтверждений противостояния двух держав, высеченных на стенах или фасадах зданий, обнаружить не удастся: калакмульские надписи нечитабельны из-за разрушения, а в Тикале все существенные письмена восходят к раннеклассическому периоду. Ключевые тексты обнаружены в других городах, которые к тому времени начали писать свою историю, но были захвачены противоборствующими державами в свои орбиты и стали состоять во враждебных друг другу альянсах. Исследователи Саймон Мартин и Николай Грубе прямо указывают на иероглифические фразы и слова, характеризующие подчиненность, доминирование и устоявшуюся субординацию между городами. Например, выражение «у-ахау», означающее правителя, или властелина, встречается в одном из текстов, посвященных Тикалю. Таким образом владыка одного из городов выражал свою подчиненность повелителю Тикаля – как раз в ту эпоху, когда влияние последнего распространилось на всем пространстве вокруг озера Петен-Ица. Подобного рода выражение встречается и в тексте, повествующем о воцарении другого вассального правителя, и звучит оно как «у-ка-ий» – то есть «под покровительством кого-либо». В комбинации с именем или иероглифом-эмблемой это выражение однозначно трактуется как «покровитель–вассал» и говорит о том, что восходившие на трон правители маленьких городов изначально признавали свою зависимость от более влиятельной силы.

Выражение «у-ка-ий» используется при описании воцарения новых правителей сразу в несколь-

ких вассальных городах к востоку от Тикаля в середине VI в. Надписи на стеле в Наранхо, например, прямо указывают на то, что власть в этом городе в 546 году принял правитель, признававший покровительство Калакмуля. А через семь лет в Белизе, в городке Караколь, бразды правления принял на себя некий Властитель Воды, который описывает свои отношения с правителем Тикаля по имени Двойная Птица также выражением «у-ка-ий». Но затем, через три года, всякие отношения между Караколем и Тикалем были прерваны. Еще через год Двойная Птица, отметив очередную годовщину правления в Тикале, добросовестно увековечил это событие на стеле, после чего таких надписей в Тикале не появлялось в течение очень длительного периода.

Что же произошло? На Алтаре 21 в Караколе найдена запись о том, что некий победоносный правитель в 526 году предпринял военное нападение на Тикаль, которое увенчалось полным успехом. Вполне очевидно, что это столкновение закончилось для Тикаля катастрофой. Теперь вполне объяснимо, почему в течение почти полутора столетий (с 557 по 692 год) в великом городе не было возведено ни одного здания, ни одного монумента и ни одной стелы.

Сегодня мы довольно точно можем реконструировать события тех лет. В 526 году враги захватили Тикаль и разрушили там почти все здания, а монументы и стелы превратили в каменную пыль. Археологи обнаружили множество человеческих костей, осколков нефрита и глиняные черепки, в беспорядке разбросанные на всей территории Се-

верного акрополя, либо наспех складированные в подземных погребальных помещениях. После вторжения врага бывшее могущество Тикаля сошло на нет, а Караколь, наоборот, очень скоро достиг высот своего бывшего угнетателя.

Раннеклассический период истории майя остается для нас крайне загадочной и мало изученной эпохой. Мы практически ничего не знаем о городах того периода, почти не имеем письменных свидетельств, поэтому вся надежда на археологов, тщательно исследующих культурные слои именно того периода. В результате успешных раскопок в Копане, Караколе, Калакмуле и, конечно, в Тикале нам известен общий ход политической истории майя того времени. В первой половине раннеклассического периода на равнинах Юкатана господствовал Тикаль, установивший военный союз с Теотиуаканом. Именно в Тикале развился институт династической передачи власти, а также достигла новых высот письменность и, прежде всего, традиция гравировки надписей и дат на монументах – так называемая «культура стел». Эти два явления получили широкое распространение во всей империи майя.

Невиданного расцвета в раннеклассический период достиг и другой город-государство – Калакмуль. Нам мало что известно об истории этого города, особенно в период до VI в. Мы даже не знаем точной даты, когда началось противостояние между Тикалем и Калакмулем, а точнее, между двумя блоками – альянсом Тикаля с Центральной Мексикой и более консервативной майяской осью во главе с Калакмулем. Очевидно лишь, что к сере-

дине VI в. могущество Тикаля пошатнулось из-за начавшегося упадка Теотиуакана, который уже не мог помочь своему союзнику ни в торговом, ни в военном отношении. Однако это еще не конец истории противостояний между двумя сверхдержавами майяского мира.

Глава 5

ПОЗДНЕКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Если сравнить различные стадии развития цивилизации майя со стадиями роста кукурузы (что очень даже логично, учитывая, какое значение эта культура играла в жизни майя), то позднеклассический период соответствует стадии полного созревания початка, когда до сбора урожая остается совсем чуть-чуть. Два века (между 600-м и 800-м годами) стали в истории майя временем расцвета искусства и архитектуры. В эту же эпоху достигли своего окончательного совершенства религиозные отправления – обряды, празднества, ритуальные жертвоприношения и прочие проявления общественно-религиозной жизни. Империя майя – такая, какой ее обычно представляет пытливый обыватель, – ассоциируется у нас именно с достижениями этого периода – величе-

ственными храмами-пирамидами, таинственными иероглифами, барельефами и искусно расписанной керамикой. В те годы народ майя рос количественно и «качественно»: расцветали древние города и появлялись новые. И хотя большинство майя трудилось в сельском хозяйстве и жило в деревнях, нельзя не заметить взрывообразный рост городского населения. Городское общество невообразимо усложнилось. Появились сложные иерархические отношения, консолидировались прослойки, занимавшиеся исключительно каким-либо одним делом или профессией: служители искусств, религии, наук, администраторы и профессиональные торговцы, ремесленники и, конечно же, знать во главе с династическими правителями.

В течение VII в. н. э., когда прежде грозный и цветущий Тикаль пребывал в забвении, на арену вышли новые города-государства, заявившие о своем праве на место под горячим центральноамериканским солнцем. Сегодня известно о почти сорока эмблемах, каждая из которых обозначает конкретный город майя, процветавший именно в конце классического периода. Все эти города были в той или иной степени независимыми, и во главе их стояли правящие династии. К этому времени в империи сложились не только патронатно-вассальные отношения между многими городами, но и сформировались настоящие военные блоки.

Если на крупномасштабной карте юкатанской равнины обозначить все сохранившиеся города, центры, селения, отдельно стоящие здания, монументы и структуры, то буквально не останется сво-

бодного места. В настоящей главе мы упомянем лишь о нескольких городах майя, без которых цивилизацию позднеклассической эпохи просто невозможно представить.

Копан и Киригуа – искусство правителей

Джон Ллойд Стефенс был первым человеком, поведавшим миру о красоте и величии жемчужины майяской цивилизации – Копане. В момент этой встречи город представлял собой скопище спрятанных в джунглях мрачных строений необычного архитектурного стиля, окруженных тумбообразными монументами, так называемыми стелами, тысячу и более лет простоявшими на своих местах. Однако нетронутыми остались не все здания. То здесь, то там великий исследователь находил сваленные в кучу фрагменты стел, небрежно разбросанные известняковые плиты и прочий каменный хлам, значение которого было осознано позднее. Стефенсу часть строений показалась «раздетой», и действительно: выяснилось, что первоначально они были либо оштукатурены либо облицованы известняковыми плитами. После того как люди оставили город, тропическая влажность и перепады температур сделали свое дело – облицовка разрушилась и осыпалась, а корни вековых деревьев, опутав здания, превратили их в развалины. Так архитектурная жемчужина стала полуразрушенным городом-призраком.

Воссоздание разрушенного и реставрация чу-

Копан. Вход во внутренние покои Храма 22

дом сохранившегося – самое главное достижение последних десятилетий, благодаря которому мы сегодня наслаждаемся чрезвычайно богатым архитектурным наследием древнего народа. Мы можем прикоснуться к его истории и тайнам, прочитав на стелах и плитах даты и короткие повествования из жизни правителей; хотя, признаться, стелы Копана в этом смысле беднее и лаконичнее, нежели письменные источники, обнаруженные в других городах майя.

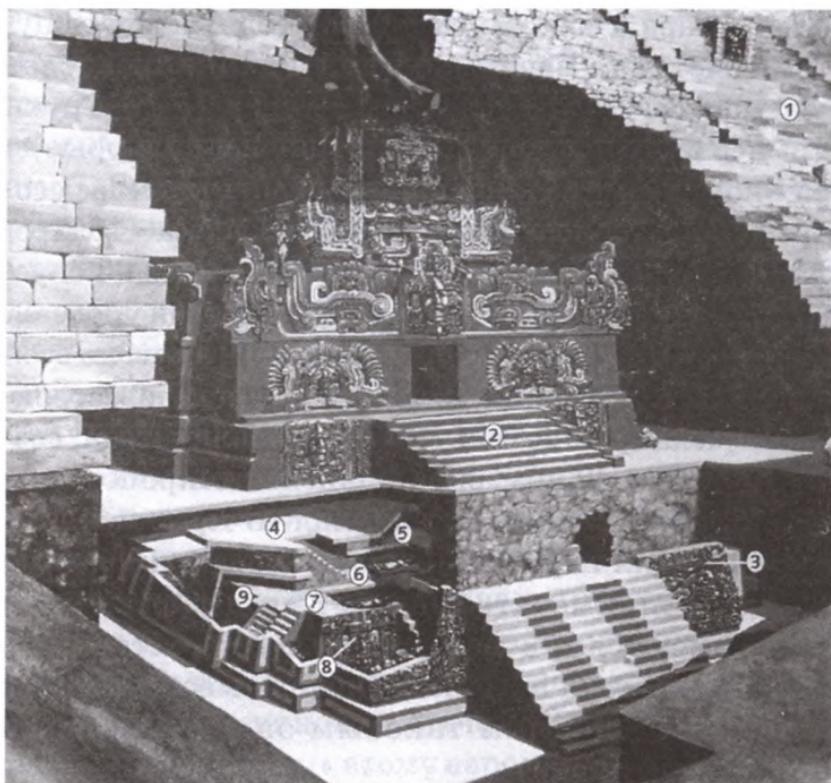

Дворец Советов в Копане.

Барельеф с изображением рыбы – эмблема одной из знатнейших фамилий, представленных в совете

Десятый правитель Копана по имени Тцих-Балам (Лунный Ягуар) в 557 г. н. э. приказал построить храм. Это красивейшее сооружение ученые назвали Розалила (Розово-лиловый храм), и оно хорошо сохранилось до наших дней, в частности, потому что позднее поверх него была возведена пирамида. Лунный Ягуар умер в 578 году, и два его наследника правили очень долго и успешно. Первого звали Бутц-Чан, или Дым-Змея. Известно о нем мало, в частности, что правил он 50 лет. Следующим на престол взошел в 628 году Дым-Ягуар, о котором сохранилось немало свидетельств и чья деятельность тщательно задокументирована. Современные археологи считают, что он был самым выдающимся правителем после основателя династии К'инич-Йаш-К'ук-Мо. К концу шестидесятилетнего (!) правления Дыма-Ягуара Копан достиг своего наибольшего могущества и процветания. Когда-то Копан торговал с Теотиуаканом, но с упадком последнего торговая экспансия переместилась в сторону гватемальского высокогорья, доходя даже до Каминальхуи. В конце VII в. в долине Копана началась разработка глины, и красивейшая полихромная керамика, известная под названием «Копадор», стараниями купцов стала обмениваться даже в Гондурасе и Сальвадоре. В свою очередь, товары из тех мест доставлялись в Копан. Без сомнения, этот город-государство был самым крупным торговым партнером для немайяских территорий, тем более существуют упоминания о том, что многие жители Гондураса находились в услужении у знати Копана.

Во время правления Дыма-Ягуара Копан доми-

Копан. Реконструкция, показывающая захоронения и склепы под Розалилой:

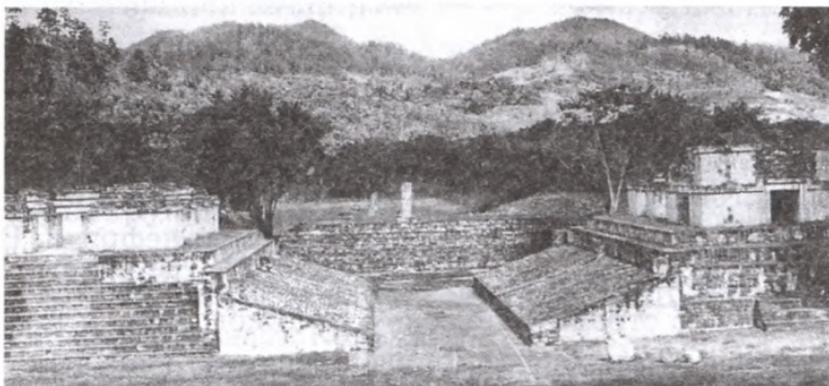
1. Храм 16; 2. Розалила; 3. Панно Кецаль-Макау; 4. Маргарита; 5. Склеп царской семьи; 6. Склеп К'инич-Йаш-К'ук-Мо; 7. Йехналь; 8. Панно бога солнца; 9. Хуналь

нировал над соседним, расположенном в 60 километрах городом Киригуа. К той же эпохе восходит алтарь, на котором упоминается о присоединении двух городов – речь шла о двух форпостах в долине Мотагуа, где разрабатывались залежи нефрита. В 695 году власть перешла к сыну Дыма-Ягуара – человеку со странным именем 18-Джог. Дело в том, что Эрик Томпсон не смог расшифровать персональный иероглиф этого человека, напоминающий сим-

биоз ягуара и собаки. Имя правителя он вывел путем сочетания начальных букв английских слов «jaguar» (ягуар) и «dog» (собака); так, с легкой руки Томпсона, получилось слово «Джог». Некоторые до сих пор используют это имя, однако появилась современная трактовка именного иероглифа – 18-Кролик. Именно при 18-Кролике архитектура и искусство в Копане вышли на качественно иной уровень. Если Дым-Ягуар расставлял тумбы и стелы по всей долине, то 18-Кролик занялся серьезной перестройкой и расширением центральной части города, воздвигая храм за храмом. Копанский Акрополь мы видим таким, каким его задумал 18-Кролик.

Поле для игры в мяч – еще одна занимательная достопримечательность Копана. Подобные поля имеются и в других городах, но стадион в Копане – самый впечатляющий и вместительный среди всех, причем таковым он сделался при 18-Кролике.

Стефенс первый связал некое сооружение в Чичен-Ице, которое назвал «гимназиум», с игрой в мяч, описанной еще испанскими хроникерами

Копан. Площадка для игры в мяч

во времена конкисты. Испанцы, если и имели опыт игры в мяч, то лишь те из них, кто жил в Экстремадуре и в свободное время гонял на задворках своего городка или селения надутый свиной пузырь. Зрелище, которое они наблюдали во время ритуальных ацтекских празднеств, немало их удивляло. Могучие тела игроков, настоящие стадионы с трибунами, толпы зрителей – все это не могло не изумить непрошенных гостей. Дошло до того, что Кортес в 1528 году отправил в Европу целую группу мексиканских игроков. В общем, в Месоамерике в мяч играли повсюду, правда, правила в разных местностях варьировались. Самый древний стадион обнаружен на тихоокеанском побережье Чьяпаса и датирован приблизительно 1800-м годом до н. э. Эту игру культивировали ольмеки, с тех пор сохранилось несколько довольно плотных резиновых мячей. Собственно, само название «ольмеки» этому народу дали ацтеки, что

Клеймо с площадки для игры в мяч в Копане. Игрок слева в защитных доспехах – один из героев-близнецов. Его соперник – бог подземного мира

в переводе с языка науатль означает «люди из страны каучука». Кстати, ольмеки, выплачивая дань Теночтитлану, отправляли туда ежегодно, помимо прочего, 16 тысяч каучуковых мячей.

Вариантов и разновидностей игры в мяч существовало действительно много, как и конструктивно отличающихся стадионов. У ацтеков

игровое поле в плане напоминало букву «I»: центральная аллея шириной от 8 до 10 метров и длиной до 40 ограничивалась по сторонам двумя параллельными стенами и на концах переходила в широкие игровые зоны. Как отмечают хроникеры, в двух противоборствующих командах одновременно могли находиться не более чем по 4 человека. Правила заключались в том, что мяч надлежало поддерживать в воздухе, ударяя по нему коленями, локтями или кистями рук; другими частями рук и ног действовать запрещалось. Разрешалось использовать отскоки мяча от стены. Мяч диаметром от 15 до 20 сантиметров, сделанный из цельного куска резины (каучука), был необычайно тяжелым, поэтому игроки, одетые лишь в набедренные повязки, часто получали различные травмы. Однако у них имелись дополнительные средства защиты: перчатки, наколенники, пояса-корсеты, выполненные из шкур животных, деревянных щитков, либо подушечек, набитых растительным волокном. Иногда на поясе игрока крепился «хомут», чтобы тот мог противостоять особенно сильным ударам; известны даже каменные «хомуты», но они настолько тяжелы, что вряд ли использовались для игры – скорее, в ритуальных целях.

К сожалению, испанцы не оставили никаких комментариев по поводу правил игры или подсчета очков, но, анализируя собранные по крупицам сведения, мы приходим к выводу, что игроки противоборствующих команд стремились во что бы то ни стало протолкнуть мяч сквозь каменное кольцо, висевшее на каждой из боковых стен. Внут-

ренный диаметр кольца был чуть-чуть больше диаметра мяча, поэтому, чтобы сотворить такое чудо, требовались и везение, и мастерство. Команда, умудрившаяся забросить мяч в кольцо, сразу же объявлялась победителем, а игрок – настоящим героем. Ученые сходятся во мнении, что даже просто попадание мячом по кольцу приносило какие-то очки. Дополнительные баллы начислялись, если одна из команд загоняла мяч на игровое поле противоположной команды. Команду, уронившую мяч на землю, штрафовали очками либо сразу же объявляли проигравшей. Испанцы наблюдали за болельщиками с не меньшим интересом, чем за ходом игры. Зрители кричали, вскакивали с мест, заключали между собой пари. По окончании матча болельщики проигравшей команды порой уходили домой без одежды, теряли имущество и отдавали себя в рабство выигравшей стороне. Испанцы обычно запрещали такие пари из соображений безопасности для самих же болельщиков, и просто считая этот обычай варварством. Но особенно поразил испанцев тот факт, что проигравшую с позорным счетом команду в полном составе могли обезглавить прямо после окончания матча.

В классический период правила и условия игры в мяч существенно отличались в разных городах. На барельефах и керамике того времени «спортивные» сцены показывают, что мяч мог быть гораздо большего диаметра (ученые не исключают, что это художественный прием преувеличения), а поля меньшего размера.

Самой большой площадкой для игры в мяч в майяском мире считается стадион в Копане. В

древние времена знать наблюдала за состязанием, сидя на ступеньках примыкающих к игровому полю пирамид. Простой же люд толпился под стенами стадиона, слушая «комментатора». Последний стремился угадать ход развития матча, вслушиваясь в реплики игроков и звуки мяча, отскакивающего от коленей и локтей игроков, а также от стен. Иногда комментатору кричали с пирамид, объясняя истинное положение дел на поле.

До недавнего времени считалось, что тлачтли – игра в мяч по-ацтекски – не имеет ничего общего с тем, что практиковалось среди майя: якобы последние играли мягче, изящнее, и уж, конечно, и речи не было о послематчевых расправах. Однако барельефные тексты и рисунки явно указывают на то, что и в мире майя игра в мяч носила сакральный характер и являлась центральным элементом во всей религиозной жизни общества даже среди знати. Так что последствия неудачной игры для спортсменов майя могли быть такими же печальными, как и для ацтекских. Здесь прослеживается некая связь с гладиаторскими боями Древнего Рима, где жертвоприношение с обязательным убийством проигравшего также составляло часть общего ритуала.

Как ритуальные объекты стадионы для игры в мяч строились посреди главной площади города, что подчеркивало значение этого действия в общественно-религиозной и культурной жизни народа. В Копане, например, игровое поле формирует «мост» между Акрополем – священным обиталищем царей – и общественными комплексами и пло-

щадями в северной стороне города. Этот район был полностью перестроен 18-Кроликом и в качестве главного украшения получил целую россыпь удивительных монументов и стел.

На одной из стел ученые обнаружили текст, точнее, текстовый рисунок, где четыре иероглифа-эмблемы расположились по направлениям сторон света: юг, север и так далее. Какие же города удостоились такой высокой чести? Копан, Тикаль, Паленке и Калакмуль. Значит ли это, что в позднеклассический период земли майя разделились на четыре империи с соответствующими городами-столицами? Ученые считают, что это маловероятно. Скорее всего, сам 18-Кролик желал видеть свой город в числе столпов майяского мира, а себя – среди самых сильных мира сего. К сожалению, ни

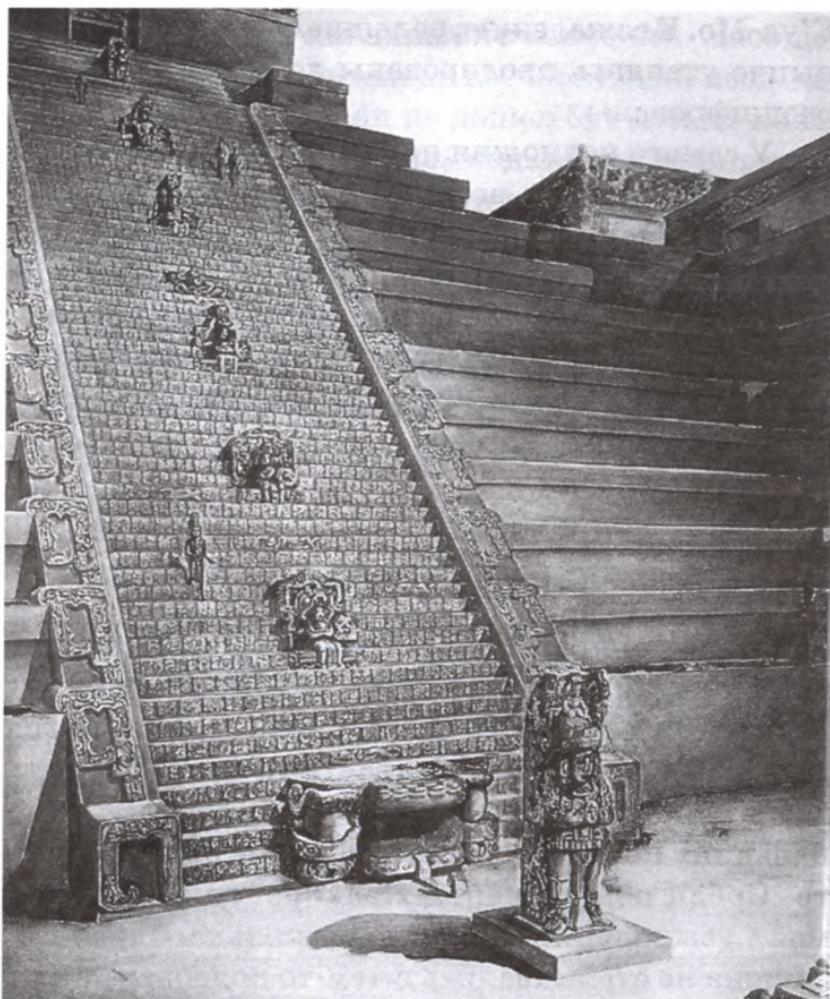
Конец династического правления в Копане.

Единственное сохранившееся изображение на Алтаре L. Слева – фигура последнего правителя Копана Йаш-Пака. Справа изображен человек по имени У-Сит-Ток, безуспешно пытающийся подхватить упавшую династическую эстафетную палочку

могущество, ни власть, ни блестящее 43-летнее правление не уберегли его от печального конца.

В 725 году 18-Кролик поставил во главе Киригуа человека по имени Кауак-Небо – обычное дело между господином и слугой. Однако в 738 году произошло нечто совершенно непостижимое: Кауак-Небо пленил 18-Кролика и казнил его в Киригуа. Как и почему это произошло, не совсем ясно, однако существует вполне правдоподобная версия. Дело в том, что несколькими месяцами ранее 18-Кролику предстояло организовать обряд освящения только что построенного стадиона, для чего требовалось принести в жертву какого-либо вассала, чтобы задобрить богов. Почувствовав неладное, потенциальная жертва – Кауак-Небо сам пленил своего господина и подверг ритуальному убийству во славу богов.

После смерти 18-Кролика на престоле в Копане воцарился Небо-Обезьяна. Через 10 лет, в 749 году, его сменил Небо-Раковина. К тому времени началось строительство знаменитой Иероглифической лестницы – замечательного архитектурного сооружения, призванного символизировать могущество Копана. На ней были увековечены выдающиеся военные победы и перечислены ритуальные жертвоприношения особо знатных персон. Лестница ведет на 22-метровую высоту, на верхнюю площадку пирамиды, с которой открывается вид на центральную площадь Копана и стадион для игры в мяч. Более 70 ступеней буквально испещрены иероглифами (ученые насчитали 2200 знаков), причем самая первая ступенька была исписана еще при 18-Кролике. Закончил строительство пирамиды и

Реконструкция лестницы с письменами, выполненная Татьяной Проскураковой. Письмена рассказывают об истории Копана. Лестница была построена около 755 г. правителем по имени Небо-Раковина. В его честь у подножия лестницы установлена стела.

гравировку ступеней Небо-Раковина. В итоге получилась настоящая летопись публичной и династической истории Копана со времени основания первой династии первым правителем К'иниш-Йаш-

К'ук-Мо. К сожалению, большие фрагменты текста нынче утеряны, эродированы либо до сих пор не расшифрованы.

У самого подножия пирамиды Небо-Раковина установил стелу в честь самого себя, а также в честь окончания пирамиды в 755 году. Не забыл Небо-Раковина упомянуть и о своей женитьбе на знатной даме династических кровей из Паленке. К тому времени, когда к власти пришел Йаш-Пак, Копан вновь сделался процветающим городом с быстрорастущим населением.

Расцвет Паленке

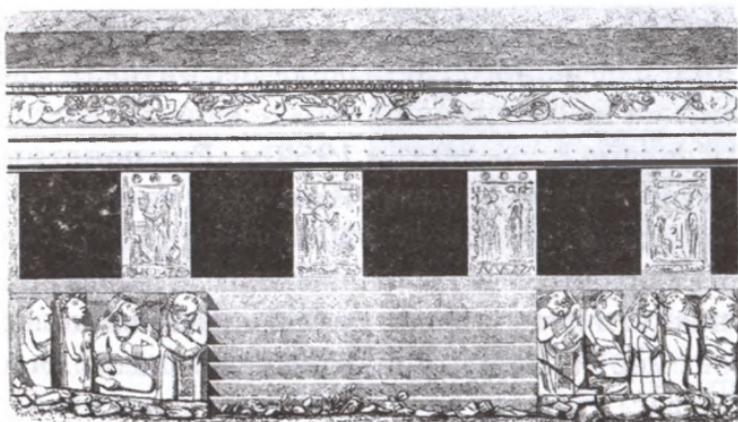
«Гвоздем программы» туристического посещения Паленке считается спуск в склеп Пакаля под Храмом надписей. Наплыв туристов отмечается уже ранним утром; считается, что побывать здесь – примерно то же самое, что посетить усыпальницу Рамсеса или Сети в Долине царей в Египте. Среди обнаруженных захоронений древних майя усыпальница Пакаля уникальна – археологи пока не сталкивались с чем-то подобным ни по масштабам, ни по концепции.

Открыл усыпальницу совершенно случайно мексиканский археолог Альберто Рус в 1949 году. Он заметил, что задняя, противоположная входу стена в одном из помещений как бы нависает, не смыкается с полом, а пол будто проваливается вниз. Мексиканцу удалось отодвинуть тяжеленный известняковый плинтус и убрать несколько булыжников-затычек. Интересно, что несколькими годами ранее датчанин Франс Блом заметил эти страннос-

ти, но не придал им никакого значения. Вообще, Франс Блом – удивительно несчастливый исследователь. В 1943 году он не дошел буквально километра до стен Бонампака, подхватил малярию и слег, а лавры первооткрывателя достались через 3 года Жилю Хили. Так же и здесь: подумав, что перед ним банальные лазы-ловушки, Блом успокоился и проворонил потрясающее открытие.

Мексиканец Рус, между тем, нашел лестницу, устремленную вниз, совершенно заваленную строительным хламом и землей. Не поверите, но Русу и его команде потребовалось 3 года непрерывной работы и безграничного любопытства, чтобы расчистить лестницу. На полпути лестница перешла в широкую и длинную площадку, после чего спуск снова продолжился.

В конце нижнего пролета открылось небольшое помещение с останками пяти ритуальных жертв. В этом помещении исследователи обнаружили потайную дверь, загороженную огромным

Паленке. Внутренний двор площадки для игры в мяч, левая сторона

валуном. Когда преграда была убрана, ученые оказались в помещении 4x10 метров со сводчатым потолком высотой до 7 метров. Большую часть комнаты занимала высокая прямоугольная тумба, ориентированная с севера на юг. На поверхности тумбы были выгравированы жанровые сцены, считающиеся самыми знаменитыми во всем майяском искусстве: Пакаль во время своей смерти, его поход в Подземный Мир, «дерево мироздания», поддерживающее небеса. Вначале Рус принял тумбу за алтарь, но, поддев ее подъемным механизмом, понял, что это саркофаг. Мексиканские исследователи сняли крышку саркофага и обнаружили останки человека, лежащего на спине головой на север. Останки были покрыты киноварью и пересыпаны нефритовыми украшениями и раковинами. На шее усопшего ученые заметили нефритовые бусы, в ушах блестели серьги, а на каждом пальце – нефритовый перстень. По бокам, оберегая сон покойника, стояли статуи богов с зажатыми в кистях рук нефритовыми оберегами: в левой – в форме сферы, а в правой – в форме куба. Лицо погребенного закрывала нефритовая маска с глазами из обсидиана.

Конечно же, тогда, в 1952-м, Рус понятия не имел ни о каком Пакале. Имя этого человека удалось выяснить только в 1970-х, как и те факты, что он стал правителем Паленке в 615 г. н. э. в возрасте двенадцати лет и правил до 683 года. Незадолго до своей смерти Пакаль приказал изготовить для себя саркофаг (что было очень необычно для майя), устроить обширный склеп и построить большой храм над своей усыпальницей. Линда Сикл полагает, что,

усомнившись в своем бессмертии, практичный правитель начал все эти работы в 675 году. По замыслу Пакаля, пирамиде надлежало иметь девять этажей-террас – по числу уровней подземного царства. После того как рабочие засыпали лестницу и загородили входы массивными валунами, царская семья могла общаться с ушедшим правителем посредством каменной трубы, проведенной из подземного склепа на первый этаж храма. Остатки этой трубы, которую ученые называют «психопровод», можно видеть до сих пор. Предположительно, «психопроводом» династические потомки пользовались во время различных ритуалов и церемоний в самом храме, чтобы взывать к душе усопшего предка.

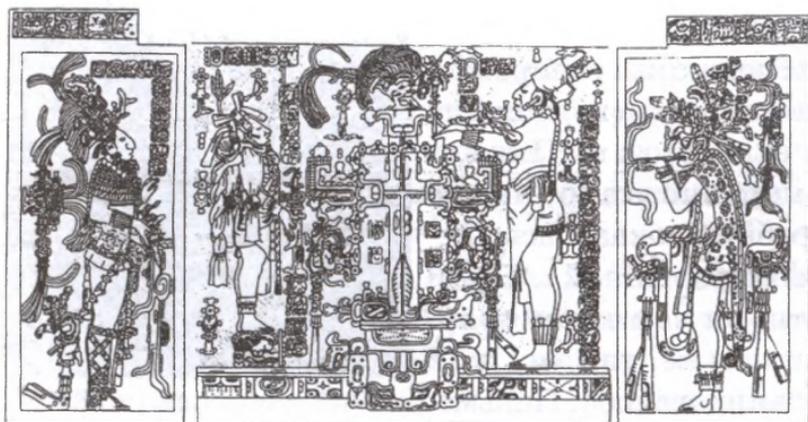
Линда Сикл, изучая некоторые впопыхах и небрежно выгравированные иероглифы, пришла к выводу, что Пакаль умер внезапно, и его гробница оказалась «недооформленной». Вероятно, и сам храм получился не таким, как планировалось. Письмена на стенах внутренних покоев Храма надписей были сделаны, по всей видимости, под личным руководством самого Па-

Саркофаг и гробница Пакаля под Храмом надписей сразу же после открытия в 1952 году. На фото видна массивная каменная крышка саркофага

каля, а шесть наружных простенок между главными входами в храм «узурпировал» его сын Кан-Балам, который принялся изображать себя с шестилетнего возраста. На рисунке одна из ног мальчика заканчивается змеей, а ото лба идет столб дыма – все это изобразительные атрибуты царской власти, говорящие о том, что Кан-Балам уже в шесть лет считал себя царской особой.

Когда работа над Храмом надписей подошла к завершению, Кан-Балам развернул свое собственное строительство. Так вдоль реки Отолум возник комплекс из трех зданий – это знаменитые храмы Солнца, Креста и Лиственного Креста. Считается, что Кан-Балам завещал похоронить себя под своими творениями, однако ни с помощью раскопок, ни с помощью радаров никаких погребальных камер обнаружить не удалось.

Облицовочные плиты из Храма Креста, Паленке.
Центральное панно и два наружных простенка Храма Креста, Паленке. На простенке слева представлен Кан-Балам в царском одеянии. На правом простенке изображен один из богов Подземного царства

Группа храмов, построенных Кан-Баламом вскоре после смерти своего отца Пакаля

Сами же храмы считаются верхом изящества и совершенства пропорций в архитектуре Паленке. Издалека на закате солнца, подсвеченные последними лучами, здания кажутся летними коттеджами, спрятавшимися посреди европейского лесного ландшафта.

На изображениях в Храме Креста Кан-Балам предстает самой большой фигурой. На центральном панно он стоит напротив своего отца Пакаля, который уже находится в Царстве мертвых. На сыне из одежды – лишь белье и набедренная хлопчатобумажная повязка; у отца он просит настоящее царское облачение и регалии, для чего сам вступил в Шибальбу (царство мертвых). На рисунке слева Кан-Балам уже при «полном параде». Следует отметить, что крест майя «Пиб на» является одним из основных символов мифологии майя и представлений о Космосе.

В 1970 году расшифровка длинных текстов Паленке (только на Храме надписей насчитывается 617 различных иероглифов) позволила наиболее

подробно и детально изучить необычную историю этого города. К сожалению, не удалось проследить всю династическую цепочку Паленке, начиная с основателя, но тексты позволили практически всех правителей «привязать» к определенным мистическим персонажам или событиям. Мы знаем, что в мире майя династическая власть передавалась по мужской линии, однако в Паленке, задолго до воцарения Пакаля, цепочка прерывалась дважды.

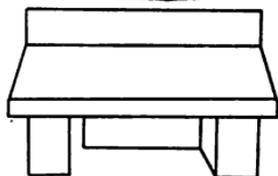
Анализ писем показал, что признанным основателем царской династии в Паленке является человек, идентифицированный как К'ук-Балам, то есть Кецаль-Ягуар, вошедший на трон в 431 г. н. э. Следующие шесть правителей до Кан-Балама I, умершего в 583 году, были прямыми потомками К'ук-Балама. После Кан-Балама на трон вошла его дочь – Иш-Ио'ль-Ик'наль, находившаяся у власти 20 лет. Если не брать в расчет загадочную и мифическую «Леди из Тикаля», предположительно правившую городом в начале IV века, то Иш-Ио'ль-Ик'наль стала первой, достоверно «зарегистрированной» женщиной-правителем в истории майя. Сами они считали, что на Иш-Ио'ль-Ик'наль династия прервалась, и поэтому ее сын Ахен-Йо'ль-Мат, чей отец неизвестен, стал родоначальником новой патриархальной династической линии. Он правил всего лишь 7 лет, и после его смерти в 612 году власть за неимением наследника мужского пола перешла к его племяннице по имени Сак-К'ук.

Здесь династия снова считается прерванной, и после короткого трехлетнего правления леди Сак-К'ук полновластным хозяином Паленке стал ее 12-

Паленке. Барельеф с изображением пленных, связанных своими же набедренными повязками

летний сын Пакаль. Династии, конечно, прерывались и в других местах, но именно в Паленке дело с легитимностью престолонаследия обстояло наиболее строго. Как считают ученые, и Пакалю и его сыну приходилось отстаивать свои права на власть, поэтому они с таким рвением, посредством «наглядной агитации», убеждали себя и других в своей «священности», связях с богами и потусторонним миром. Строго говоря, они стали прибегать к манипулированию религиозными чувствами в своих политических целях. Пакаль, например, всю «продвигал» идею, что его мать и он сам – такое же божественное провидение, как богиня Первая Мать – праматерь всего сущего – и три ее сына. В свою очередь, наследник Пакаля Кан-Балам считал себя воплощением «троих сыновей праматери» и построил три своих знаменитых храма именно в ознаменование триединства своего божественного начала. И, кстати, своеобразная пропаганда отца и сына имела несомненный успех среди подданных.

Паленке.

Рельеф на стене.

Рис. Ф. Казервуда

Впоследствии ученые нашли много доказательств, подтверждающих правдивость династического древа, составленного Пакалем и Кан-Баламом. В 1985 году Дэвид Стюарт идентифицировал именной иероглиф второго правителя династии. Этого человека исследователь назвал Каспером и выяснил, что тот взшел на трон в 435 году.

В конце 1950-х Генрих Берлин обнаружил конец «психопровода» на нижнем этаже Храма XVIII А, построенного в раннеклассический период. А следом Альберто Рус обнаружил лаз, ведущий в подвал храма. Его взору открылся склеп, напоминающий склеп Пакаля, но без саркофага. Здесь покоились останки молодого человека лет двадцати. Керамическая посуда, сложенная рядом, была датирована приблизительно 500-м г. н. э. Нефритовая маска, множество украшений и росписи на стенах склепа – все указывало на то, что усопший принадлежал знатному роду. Установить его личность пока не удалось, но похоронен он был как представитель высшего сословия: его скелет освободили от плоти и на кости нанесли слой киновари. Усопший находился в склепе не один: компанию ему составила женщина приблизительно 25 лет, причем в момент погребения молодого человека она была жива, что доказали криминалисты: отпечатки ее пальцев нашли почти на всех предметах, в том числе на штукатурке, кото-

рой она замазала входную дверь изнутри. Судя по всему, женщина навела в склепе порядок и улеглась рядом со скелетом в ожидании смерти – очевидно, она была одной из жен умершего.

Однако вернемся в эпоху рождения великого религиозного «реформатора» – Пакаля, а точнее, за четыре года до этого события – в 599 год. Власть над городом-государством принадлежала первой женщине-правителю Иш-Ио'ль-Ик'наль. В тот год город захватили враги, и один из членов династической фамилии (мы не знаем кто) был принесен в жертву. В текстах говорится о том, что «захватчики разграбили и осквернили храмы, многих жителей взяли в плен». Нападение произошло со стороны Калакмуля, и в последующие годы Паленке пережил еще несколько нападений Калакмуля, а также маленького города Помона, расположенного в 30 километрах восточнее Паленке. Николай Грубе считает, что это была обычная практика той эпохи: после столкновения крупных городов на поверженного противника налетали более мелкие города, которые были не прочь поживиться тем, что не унесли победители. В 603 году нападением на Паленке «похвастались» хроники Бонампака, а в 610 году, когда Пакалю исполнилось семь лет, город вновь подвергся нападению со стороны военного блока, объединившегося вокруг города Помона. Можно только представить, как маленького Пакаля его несчастная мать увела в густые джунгли к югу от растерзанного города.

Династическая история, поведенная Пакалем на стенах Храма надписей, выражена в хроноло-

гии катунов. Ситуацию тех лет он охарактеризовал в весьма необычной, нехарактерной для суховатых майяских текстов форме: «Потеряны боги, потеряны и цари». Такое подробное и эмоциональное описание событий тех лет связано проблеме передачи династической власти: женщинам приходилось править городом, потому что мужчин убивали на полях битвы.

Решающий поворот событий произошел в 624 году. Как повествует монумент в Пьедрас-Неграс, воинам из этого города удалось пленить какого-то знатного человека из Паленке. Но после этого инцидента в течение целого столетия Паленке наслаждался тишиной и благоденствием. Зона влияния города значительно расширилась, хотя с юга и востока это влияние сдерживалось блоком городов Пьедрас-Неграс, Помона и Тонина; по другим направлениям Паленке продвинулся очень далеко. Иероглифический знак города стоит рядом с именными иероглифами правителей многих мест вплоть до Чьяпаса и даже Мексиканского залива. Около 650 года Паленке стал стабильным и успешным городом-царством, который больше не боялся своих врагов. Неудивительно, что наибольшая строительная активность Пакаля пришлась именно на эти годы.

А в 659 году хроники Паленке преподносят нам сюрприз – в одном из текстов встречается странная фраза: «Он пришел». Выяснилось, что речь шла о правителе Тикаля по имени Щит-Череп. Дело в том, что за два года до своего «пришествия» Щит-Череп, похоже, попросил в Паленке «политического убежища», так как Тикаль подвергся нападению со сторо-

ны Калакмуля. Ученые не сомневаются, что Тикаль и Паленке были дружественными городами, более того, вместе с Копаном они входили в альянс, в котором Тикаль главенствовал еще со времен своего союза с Теотиуаканом. В хрониках сообщается, что с прибытием Щита-Черепя Пакаль решил напасть на своего врага – Калакмуль и его союзников. Особенно досталось маленькому городку Помона: согласно письмам, Пакаль и Щит-Череп, захватив городок, «не пощадили никого».

Очевидно, что с появлением беглого союзного властителя начался период наивысшего расцвета Паленке как в военном, так и в культурно-религиозном плане. Сфера влияния государства расширялась, а при сыновьях Пакаля – Кан-Баламе и К’ан-Ой-Читама, принявшем власть в 702 году, – достигла своего апогея. К’ан-Ой-Читам оказался неудачливым правителем: через девять лет после восшествия на престол, в 711 году, его взяли в плен воины городка Тонина и, продержав в плену несколько лет, принесли в жертву богам. И хотя в истории Па-

Процедура ритуального обезглавливания пленных врагов. Фрагмент изображения на известняковом панно в городе Тонина. Мы видим идеал мужской красоты у древних майя: орлиный нос и покатый лоб. Предположительно показана казнь К’ан-Ой-Читама – правителя Паленке, попавшего в плен к воинам города Тонина

ленке было еще много правителей, побед и построенных храмов, звезда города упорно катилась к закату; а начиная с IX в. всякие упоминания о Паленке прекратились.

Общество в огне войн

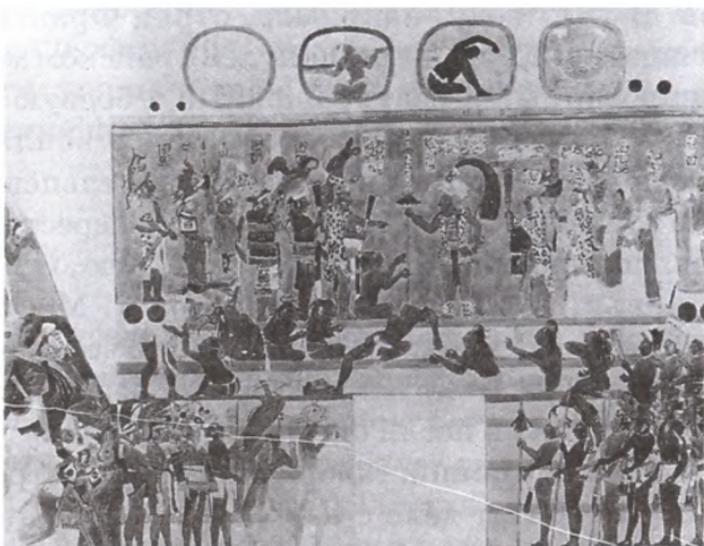
Для исследователей, посвятивших себя изучению истории народа майя, последние десятилетия стали временем непрерывных открытий, и даже откровений. Прославившие более тысячелетия цари майя, которые когда-то были для ученых абстрактными правителями «А» или «В» из погребения «номер такой-то», вдруг проснулись и заговорили. Благодаря чудесам дешифровального искусства статистические персонажи стали обретать имя, характер и свое место в истории; Америка узнала своих героев и обогатила свою персонализированную историю. История Месоамерики не сводится только к достижениям культуры и архитектуры, и соперничество между майяскими городами-государствами порой выливалось в военные конфликты, о чем поведали письма, оставленные древним народом. А теперь попытаемся ответить на вопрос: как часто происходили эти конфликты и можно ли их назвать полномасштабными войнами?

Едва приступив к колонизации Юкатана, испанские конкистадоры столкнулись с майяскими воителями. К удивлению испанцев, сражаться им пришлось не с ордами «дикарей» с дубинками, а с вполне организованными, неплохо экипированными отрядами агрессивных и мотивированных во-

инов. В 1517 году, например, отряд Франсиско Эрнандеса де Кордобы столкнулся с войском майя. Татуированные и разукрашенные в боевую раскраску, с диким гиканьем, свистом и воплями, майя сначала осыпали незваных пришельцев острыми камнями и стрелами, а затем, перестроившись, пошли на испанцев врукопашную, используя копья, щиты и каменные ножи. Местные хроники повествуют, что буквально по всему Юкатану захватчики наталкивались на решительное сопротивление и несли ощутимые потери.

Испанские конкистадоры довольно быстро поняли, что имеют дело с народом воинственным, смелым и готовым себя защищать, что их военная тактика формировалась не одно столетие. Воины майя явно следовали традициям ведения боя, появившимся в горниле междоусобных конфликтов на протяжении многих лет, задолго до испанского вторжения. Много позже у Эрика Томпсона появилось убеждение, что воинственность майя «воспитали» агрессивные и влиятельные соседи, в частности, тольтеки; и, видимо, от них же на земли майя пришла кровавая традиция сакрального жертвоприношения плененных врагов. Но теперь мы знаем, что милитаризм в майяском обществе расцвел пышным цветом еще в классическую эпоху, а ритуальные кровопускания и вовсе составляли существенную сторону религиозной жизни майя. Таким образом, представление об этом народе как о тотально миролюбивом и солидарном обществе отвергнуто в последние десятилетия напроць.

Батальные, жестокие сцены пленений и

Бонампак.

«Правосудие» – знаменитая жанровая сцена, изображенная на одной из стен. Измученные, ожидающие своей участи пленники перед царем-триумфатором Чан-Му-Ваном

убийств составляют едва ли не подавляющую часть изобразительного искусства майя. Мы видим бесчисленные изображения майяских царей и безмянных воинов, облаченных в шлемы и доспехи, держащих в руках щиты и копья с каменными наконечниками; они любят поднятными за волосы головами своих врагов – доказательства милитаристского духа, царившего на Юкатане. Особенно красноречивы сцены, изображенные в классический период на стенах Бонампак.

Тексты повествуют о военных походах, предпринятых по всей юкатанской равнине. Отряды могли достигнуть любой точки Юкатана, а особо выдающиеся, например, военная элита Калакмуля – и многих мест Месоамерики. Однако следует отметить, что любые военные предприятия до кон-

ца позднеклассического периода трудно доказуемы археологически. В более поздние периоды во многих майяских городах начинается строительство фортификационных сооружений. В Калакмуле, например, центр города окружен широким и глубоким каналом, а весь Тикаль – многочисленными земляными укреплениями (там, где нет болот). Археологи обнаружили следы разрушения строений в Тикале в результате набегов в 562 году отрядов из Калакмуля и Караколя. Другие города также подвергались пожарам и разорениям вследствие вражеских вторжений. Правда, у части ученых остаются сомнения относительно пожаров – они могли носить и бытовой характер; а найденное в соответствующих культурных слоях оружие не отличается от того, что использовалось на охоте. Тем не менее руины городка Дос-Пилас не вызывают сомнений в обыденности кровавых баталий в ту эпоху. Выяснилось, что накануне вражеского вторжения жители в спешке разбирали дворцы и храмы, чтобы добытый таким образом камень пустить на строительство оборонительной стены вокруг города. Вдоль первой, каменной, линии обороны была насыпана вторая – земляная. В укрепленный город хлынули толпы простых граждан в надежде найти убежище среди уцелевших дворцов, храмов и монументов. Осаду и падение Дос-Пилас зафиксировали сами нападавшие – воины из города Тамариндито в 761 году. Выжившие жители Дос-Пилас спрятались в двух укрепленных поселениях по соседству, но и они, в конце концов, были взяты. В последнем очаге сопротивления – на полуострове, вдающемся вглубь остро-

ва Петешбатун, археологи нашли братские захоронения и множество оружия (у части копий были сломаны наконечники). Все это неоспоримо свидетельствует о кровавой резне, произошедшей здесь 1250 лет назад.

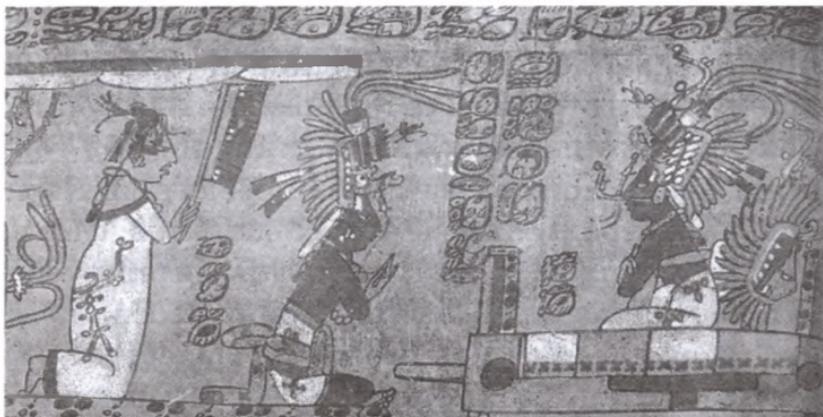
Справедливости ради отметим, что, кроме отдельно взятого случая у озера Петешбатун, и масштабы, и вовлеченность людей и материальных ресурсов в вооруженные конфликты между майя – вопрос по сей день открытый. Ради чего же затевались войны? Часто основной целью конфликта являлось желание захватить как можно больше пленных и таким образом поддержать популярность очередного правителя. Перед восшествием на престол будущий царь желал пленить человека, не последнего в иерархии сопредельного или отдаленного города-государства, а еще лучше – самого правителя; причем регулярная поимка важных персон и принесение их в жертву являлись даже обязательным мероприятием в жизни той или иной династии. Имена захваченных правителей и прочих титулованных особ тщательно фиксировались, а пленникам «не первой категории» именной иероглиф не присваивался, следовательно, не они являлись целью набегов.

Среди ученых бытует мнение, что пленение важных особ в ритуально-сакральных целях – не единственная причина войн между города-

Стены Бонампак. Комната I

ми майя. Основным мотивом вторжения, без сомнения, являлось наложение дани на соперника, причем дань эта приобретала различные формы. Так, жители побежденного Тикаля в 562 году были препровождены в город-победитель Караколь для строительства новых объектов. Мы не можем утверждать, что новые «строители» обязательно находились на положении рабов, но то, что такое явление, как рабство, в обществе майя имело место – абсолютно достоверный факт. Колумб, например, видел в Гондурасском заливе несколько каноэ с посаженными на цепь гребцами. Весьма любопытный факт открылся при изучении писем в городе Тонина: многие местные монументальные произведения создавались скульпторами, плененными в Паленке; и эти самые скульпторы увековечивали пленившего их правителя. Еще одним подтверждением служит стела из Пьедрас-Неграс – изображения на ней по стилю абсолютно идентичны с характерными для городка Помона, откуда, вероятно, ваятели и прибыли. О том, что художники взялись за работу не по своей воле, рассказывает сам сюжет изображенной сцены: плененные деятели искусств у ног захватившего их правителя. Среди них наверняка находились не только резчики по камню, но и художники по керамике, мастера по изготовлению изделий из нефрита. Так передавались, насаждались и рождались на пустом месте художественные традиции. В качестве последнего примера: многие исследователи считают, что к стелам Киригуа приложили руку художники Копана.

Сцена, изображенная на сосуде: одного майяского правителя принесли в открытом паланкине в гости к другому владыке. Иероглифы в центре рисунка до сих пор не расшифрованы. Горизонтальный ряд иероглифов вверху содержит обычный для той эпохи текст: в нем воздается хвала самому сосуду и говорится о том, что он предназначен для напитка из какао-бобов

И все же основным видом «контрибуции» были вещи вполне материальные: деревянные изделия, хлопчатобумажная ткань, птичье перо, какао и прочее. Когда удалось очистить и реставрировать изображения на знаменитой стене в Бонампаке, а также сопровождающие их иероглифы, исследователи удивились масштабам взимаемой дани. Выяснилось, что повелители нескольких подвластных городов в качестве «подарка» преподнесли правителю Бонампака мешки с какао, причем каждое такое подношение обошлось «дарителю» в 40 тысяч (!) какао-бобов.

Не всегда можно узнать, чем закончились конфликты между майяскими городами-государствами или группами городов, в связи с отсутствием информации. Что касается юкатанских войн, хорошо известны и задокументированы последствия

вторжения в Тикаль. Местного правителя принесли в жертву, центр города разрушили, а на жителей наложили дань – как материальную, так и в рабочей силе. Однако свидетельств, что город оказался надолго оккупирован или что там поселилась чужая администрация, не обнаружено. Тем не менее, в результате катастрофы в Тикале власть перешла к новой династической линии, более лояльной к захватчикам. Таким образом, локальная автономия в известном смысле сохранилась, но экономическая и военная мощь города, конечно же, надолго ушла в небытие. Потерпев неудачу в войне, Тикаль понес и символическое наказание – запрет на строительство каких-либо монументов. В общем, судьба Тикаля оказалась совершенно типичной для любого поверженного майяского города. Калакмуль, город-победитель, не имел физических или бюрократических ресурсов «проглотить» такую большую (и в прямом и переносном смысле) добычу, как Тикаль, присоединить его к себе. Мы не знаем примеров, когда какой-либо даже самый удачливый город майя непременно хотел бы создать большую, хотя бы в масштабах Юкатана, империю. Исследователи Мартин и Грубе обращаются за примером к империи ацтеков, куда более организованной, нежели любое государственное образование майя, но и там дело ограничивалось лишь номинальной властью над множеством царьков и деревенских вождей и традиционным наложением дани. Ничего похожего на прибытие чиновников из Теночтитлана, которые стали бы руководить вновь покоренными государствами, они не обнаружили. То есть по-

бедителей вполне устраивал регулярный сбор дани.

После вражеского вторжения Тикаль пришел в упадок, к тому же Калакмуль окружил его поясом вассальных, недружественных к Тикалю городов, таких как Караколь, Эль-Перу, Наранхо, Канкуэн и Дос-Пилас. Но с течением времени отношения между соседями менялись, даже в самых крепких альянсах случались трещины, да и сам Калакмуль становился другим. Цари отдавали своих дочерей замуж за чужих принцев, а дружеские отношения между бывшими соседями сменялись враждой.

Антрополог Роберт Карнейро сравнил политическое брожение в мире майя с тем хаотичным движением, которое происходило примерно в это же время в далекой англосаксонской Британии в эпоху Гептархии (семицарствия). На Альбионе между VI и VIII вв. три королевства – Ист-Англия, Мерси и Нортгумбрия беспрестанно боролись между собой за место под солнцем. Фактически ни одному королевству не удалось объединить всю Англию. На какое-то время в VII в. это удалось сделать нортгумбрийцам, но через столетие они уступили пальму первенства мерсийцам. Пока одни правили Англией, другие платили им дань звонкой монетой либо скотом. Кто-то периодически становился сюзереном, а кто-то вассалом – все менялось в связи с очередной смертью «сильного мира сего». Очередная «империя на час» исчезала, как туман. Такой же эфемерной оказалась великая, какой она себя считала, империя ацтеков, рассыпавшаяся, как карточный домик, под хитрым и наглым на-

тиском нескольких сот испанских конкистадоров с их «диговинными» существами-лошадьми и «громоподобным» оружием – примитивными ружьями.

Калакмулю так и не удалось искупаться в имперских лучах славы, и по мере его увядания снова стал укрепляться Тикаль. Возможно, этот город и вернулся к своему величию, но, как написали Мартин и Грубе, «дни супергородов и больших военных альянсов были сочтены». Тексты повествуют еще об одном соперничестве между Тикалем и Калакмулем в 740-х годах, но это было начало конца двух великих городов. Англии в связи с угрозой вторжения викингов в конце концов удалось объединиться. Майя этого сделать не смогли, и, как результат, прекрасная древняя цивилизация исчезла навсегда.

Глава 6

ЛЮДИ И БОГИ

В этой главе мы попытаемся подробнее осветить те элементы культуры майя, которые называются верованиями народа, или религией, – то, что является каркасом, основой любого развитого общества. О верованиях майя времен классического периода мы знаем даже больше, чем о повседневной, будничной жизни народа. К сохранившимся письменам, из которых мы черпаем львиную долю информации о той эпохе, мы можем добавить кое-что из кодексов постклассического периода. Хотя записанные там сведения датируются временем, непосредственно предшествовавшим испанскому завоеванию, к отображенным там фактам следует относиться с известной долей осторожности; наличие хоть каких-то дополнительных сведений о майяском обществе – блестящий подарок для ученых. В кодексах весьма ощу-

тимо влияние письменных летописных традиций Центральной Мексики, и, значит, выполнены они подробно и обстоятельно. В них собрана вся многовековая мудрость майя, их воззрения, их отношение к окружающему миру и многие свидетельства, подтверждающие особую приверженность майя к математике, астрологии и летоисчислению. Испанские хронисты и майяские авторы раннего колониального периода уделяют много внимания религиозным традициям и практикам майя, которые, как им кажется, существовали и в более древние времена. Их предположения и даже уверенность основаны на наблюдениях за современными крестьянами-майя, за тем, какие ритуалы и традиции они соблюдали.

Собранные воедино, все эти сведения, наблюдения и доказательства демонстрируют нам, что религия майя основана на восприятии мира, которое разительно отличалось от восприятия окружающего мира современными им народами Старого Света. Так, они не видели существенного отличия между повседневным, материальным миром, в котором живут люди, и сверхъестественным миром богов и

Страница Мадридского кодекса

духов. Всякое одушевленное существо и неодушевленный предмет и даже абстрактное понятие, по верованиям древних майя, наполнены сакральной сущностью или энергией. Эту энергию они видели в небесных явлениях, погодных феноменах и в силах, управлявшихся из подземного мира. Майя считали, что в той или иной степени энергия-сущность, называемая к'улель, или ч'улель (в переводе означает «священство», «божество»), присутствует в человеке. Часто иероглиф «к'улель» встречается в выражении «к'уль а-хау» – то есть «божественный властитель». Притом майя верили, что божественная сущность любого живого существа находится в его крови.

Несомненно, по представлениям майя, сакральная сущность присутствовала в элементах окружающей природы и ландшафте. Священными считались источники, озера, реки, ручьи и даже пещеры. Некоторые места стали для майя центрами паломничества, как например, Священный Сенот* в Чичен-Ице или огромная, покрытая рисунками пещера Нах-Тунич в юго-западном Петене. Эту пещеру посещали правители и знать Калакмуля, Караколя и других важнейших городов майя. Археологи нашли здесь множество захоронений позднеклассического и постклассического

*Сеноты – природные колодцы или небольшие карстовые озера, использовавшиеся индейцами майя как источники воды и места для жертвоприношений. Священный Сенот, или Колодец жертв, в Чичен-Ице впервые описал Диего де Ланда. Жертвами, как правило, становились женщины – их опускали в колодец, чтобы те могли вымолить у богов долгожданный дождь; при этом просительниц иногда поднимали обратно, оставляя им таким образом жизнь.

периодов, однако пещера к моменту ее обнаружения в 1979 году была разграблена. Вообще, пещеры, представлявшие майя разверзнутыми пастьями земных чудовищ, считались входами в Шибальбу, то есть в царство мертвых. Горы также были объектами поклонения, их майя считали проводниками в мир небесных богов, «ответственными» прежде всего за дожди, а значит, и за само сохранение жизни на земле.

Древние майя обожествляли многих животных; особенная сакральная сила приписывалась ягуарам, кайманам, змеям и хищным птицам – прежде всего из-за тех свойств и качеств, которых нет у человека. Например, быстрый и жестокий ягуар видит в темноте и может охотиться ночью; змеи сбрасывают старую кожу, и, как казалось майя, умели рождаться заново. Животным подвластна жизнь в разных царствах – на суше, в небе и в воде.

Правители майяских городов неспроста называли себя ягуарами и нескромно считали свою кровь божественной, то есть «к'улель». В их персональных иероглифах часто присутствует понятие «ягуар» как символ сверхчеловеческих способностей и доминирующего положения в обществе.

Подобное видение мира уходит своими корнями в да-

Танцующий правитель майя – наполовину человек, наполовину ягуар. С разрисованной вазы позднеклассического периода

лекую эпоху собирателей и охотников, тогда первыми проводниками в потусторонний мир духов были шаманы. Шли столетия, с появлением и ростом новых поселений, с превращением примитивного общества в сложный, централизованный организм политическое и религиозное лидерство перешло к правящим династиям. Прежние деревенские шаманы передали эзотерические знания новым властителям дум – царям и правителям, которые стали принимать участие во всех важнейших религиозных церемониях. Именно у майя классического периода выработались самые сложные и блестящие формы религиозного выражения во всей древней Месоамерике. В каждом городе-государстве и небольшом поселении существовала своя версия распространенных ритуалов и церемоний, но все эти версии объединяла одна важная особенность – главная роль в отправлении религиозного культа принадлежала местному царю – посреднику между его народом и миром духов.

Узнать, какие боги входили в майяский пантеон, оказалось делом весьма непростым. В 1904 году после изучения «кодексов» Пол Шеллхаз идентифицировал некоторых основных богов, которым поклонялись в позднеклассический период. Мало кто из исследователей сомневается, что главные общепризнанные божества майя были не чем иным как олицетворением природных сил, явлений и тел: ветра, молний, дождя, планет и даже маиса. Этим божествам приписывались характеристики человека и животного (например, человека и ягуара), одновременно они могли на-

ходиться в разных, порой противоположных ипостасях – мужчины и женщины; быть молодыми и древними, добрыми и злыми; иметь днем одну наружность, а вечером – другую. Все это выражало одно из фундаментальных воззрений майя на окружающий мир: дуализм природы, сосуществование в одном предмете или явлении двух противоположных начал, подобно китайским инь и ян.

Видимый мир, населенный людьми, майя считали плоскостью, разделенной на четыре сектора, каждый из которых был обращен к одной из сторон света. Это стало понятно после прочтения надписей на одной из тумб в Рио-Асуль: в описанной модели мироздания ученые выделили четыре иероглифа, обозначающих север, юг, восток и запад. Эти же самые иероглифы появились в постклассических «кодексах», где каждой стороне света приписывались «сакральная сила» и прочие атрибуты. Восток – сторона света, где восходит солнце, – связан с рождением, плодородием и красным цветом. Запад – заход солнца – олицетворял собой смерть, уход в подземный мир и черный цвет. Север, откуда приходят долгожданные дожди, обозначался белым цветом и ассоциировался с восхождением на небеса, в то время как юг, наоборот, был связан с землей и обозначался желтым цветом. Каждой стороне света соответствовали свои божества-покровители: бакабы, поддерживающие небо в четырех углах Вселенной, павахтуны (боги ветра) и чаки (боги дождя); все они также различались по цвету, связанному с той или иной стороной света. В некото-

рых сообществах майя Земля представлялась как маисовое поле, в других – как спина крокодила; еще ученые обнаружили описание Земли в виде панциря черепахи.

Мы упомянули о четырех сторонах света – столпах космогонии майя, однако существовал и пятый – центр мироздания, некая точка, где в момент создания мира небо отделилось от земли. Эту конструкцию майя называли мировым деревом, корни которого находятся глубоко в подземном мире, а ветви распростерлись высоко в небесах. Художественно и геометрически – это аналог христианского креста. Именно это мировое древо археологи увидели на саркофаге Пакаля и в храмах Паленке. Центр композиции обозначен цветом «йаш» – голубовато-зеленым оттенком, символизирующим воду, небо, нефрит и молодые зерна маиса. Это фундаментальное восприятие мироздания в виде «дерева-креста» сохранилось у потомков древних майя по сей день. Так, в высокогорье Гватемалы шаман (на языке майя – чучк'ахау), прежде чем приступить к ритуалу, складывает перед собой деревянную модель древа, украшает ее свечами и цветами и обязательно отмечает центр конструкции как центр мироздания.

В мифологии майя Вселенная управлялась множеством богов, роль которых ученые идентифицировали достаточно точно: К'инич-Ахау, или Наижарчайший Владыка – бог солнца. Этим именем, присоединив его к своему персональному, щеголяли многие майяские правители. К'инич-Ахау управлял движением планет и солнца, и с его функциями были тесно связаны идеи жизни, смер-

ти и возрождения. В искусстве майя бог солнца часто трансформировался в своего «ночного коллегу» из подземного мира – Ягуара-Солнца.

Чак, древний бог дождя, как мы уже упоминали, сопровождал стороны света – отсюда такие странные, на первый взгляд, сочетания: белый чак севера, желтый чак юга, и т.д. Интересно, что культ Чака на севере Юкатана жив и поныне. Перед посевом культур или приходом сезона дождей молебны воздаются именно в адрес Чака, потому что если этот бог обидится на недостаток внимания к своей персоне – жди засуху и ураган.

Самым главным среди небесных божеств был Ицамна, морщинистый старик с крючковатым носом и беззубым ртом (см. рисунок). Ранние колониальные хроники повествуют о том, что Ицамна – творец мира и основатель жречества; а в древних письменных источниках указывается, что этот бог изобрел письменность и покровительствовал обучению. Его женой считалась Иш-Чель – богиня луны, врачевания и деторождения. Иш-Чель поклонялись исключительно женщины; ис-

панские хронисты сообщают, что наблюдали ее культ на острове Косумель и на Исла-Мухерес (острове Женщин). Собственно, название последнему конкистадоры дали, обнаружив там многочисленные статуи женщин, которые ясно свидетельствовали о царившем на острове культе прекрасной половины человечества.

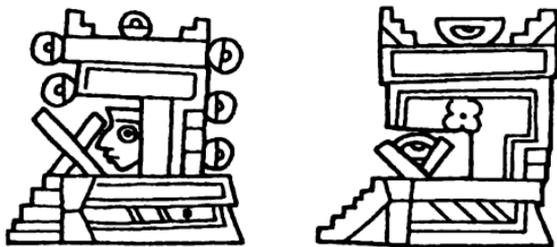
«Бог К» (по классификации Шеллхаза), известный в эпоху Конкисты как Болон-Ткацаб, а в классическую эпоху как К'авиль, покровительствовал царям майя и считался богом войны. Чаще всего К'авиль изображался в виде фигурки, которую держали в своих руках правители. Альфред Модсли назвал это «куколкой на трости». Именно с такой «тростью» (а точнее, со скипетром) предстает перед нами юный Кан-Балам на фронтальных рисунках Храма надписей в Паленке. Передача или принятие скипетра символизировали переход верховной власти к царю-преемнику.

Особое место в пантеоне майя занимали бог ветра и планеты Венеры Кукулькан и бог кукурузы. В письменных источниках ученые идентифицировали десятки других богов и божков, которые покровительствовали вполне определенным аспектам жизни: торговле, охоте, рыболовству, пению, танцам и даже разведению пчел.

Многослойная Вселенная майя с ее внушительным количеством богов кажется запутанной и сложной для понимания. Но сами майя, особенно посвященные в эзотерические знания, прекрасно разбирались в многообразии пантеона. Божественное сообщество было таким же многочисленным и разнообразным, как и природные феномены и про-

явления человеческого разума. Солнечные восходы и закаты, движение солнца, луны и планет по небосводу воспринимались как результат воздействия богов, управляющих всем мирозданием. Движение небесных светил отражало движение времени и, в конечном счете, бесконечный ход космических циклов, жизни и смерти нового рождения. Величие времени осознавалось как величие божественного провидения, поэтому майяские астрономы и математики так трепетно относились к величайшему своему творению – календарю.

Все народы во все времена всматривались в небеса, затаив дыхание. Кроме влюбленных и звездочетов, с большим интересом смотрели на небо земледельцы, заинтересованные во всходах посевов и обильных урожаях. Тот факт, что на календарь сельхозработ по всему миру влияли одни и те же звезды и планеты, вовсе не говорит о трансокеанском контакте цивилизаций, как пытаются нас уверить некоторые энтузиасты. Скорее, это указывает на всеобщий прагматизм, трудолюбие, наблюдательность всех народов, проживавших по обе стороны океана. Все они с восхищением взирали на звезды, но майя – с особым, сакральным благоговением.

Изображения астрономических обсерваторий
в «Кодексе Нутгаль» и «Кодексе Селден»

Астрономы майя наблюдали за светилами невооруженным глазом: у них не было ни телескопов, ни сложных измерительных приборов, ни часов. У нас есть иллюстрации работы древних астрономов Месоамерики. В миштекомском «Кодексе Нутталь» имеется изображение человека, находящегося в обсерватории и вглядывающегося в сторону горизонта сквозь скрещенные брусочки одинаковой длины – очевидно, какой-то простейший астрономический прибор наподобие квадранта. Подобное изображение присутствует еще в одном сохранившемся кодексе миштеков. Правда, здесь через перекрестие квадранта глаз древнего астронома смотрит прямо на нас.

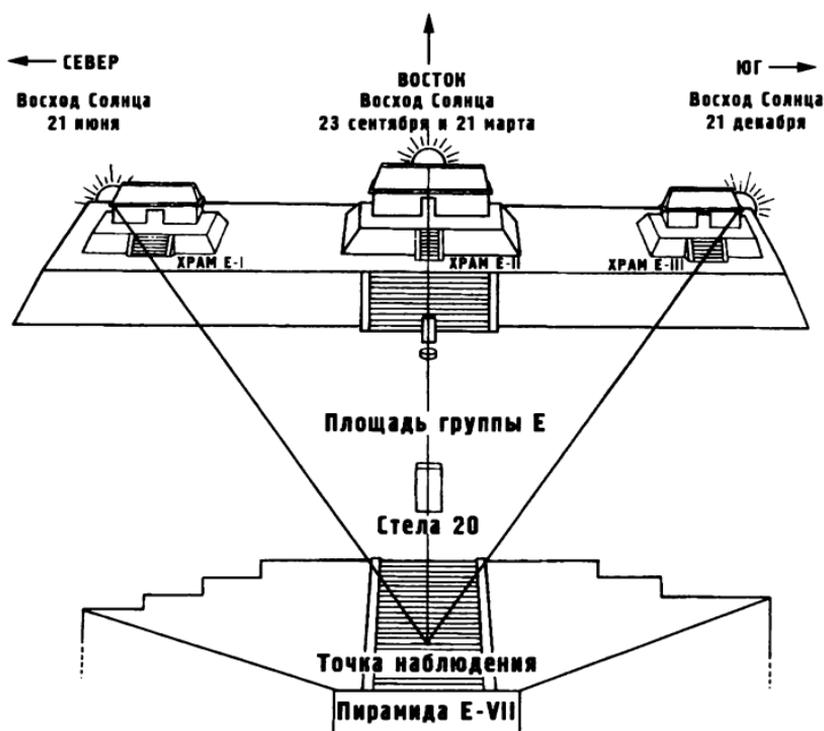
Современные астрономы уверены, что древние майя вели наблюдения за горизонтом, а точнее, за светилами, готовыми горизонта коснуться. Фиксируя тот промежуток времени, когда определенное светило касается горизонта в той же самой точке, древние астрономы вычисляли синодический цикл этого светила. Этой задаче помогали и топографические особенности горизонта. В Йашчилане, например, астрономические наблюдения облегчала гряда холмов на горизонте, прекрасно просматриваемая с местной возвышенности в центре города. Более того, сам город спроектирован так, что многие здания находились на линиях, проведенных от места наблюдения до точек восхода и захода солнца в день зимнего и летнего солнцестояния. А с одного здания – сооружения № 41 – видно, что восход солнца в день летнего солнцестояния происходит точно между самыми высокими холмами-близнецами, расположенными неподалеку.

В Ушмале все здания выстроены по линии север–юг, и лишь одно из них – впечатляюще красивый Дворец правителя – почему-то выбивается из общей городской геометрии, обратившись фасадом к северо-востоку. Проведя линию от центрального входа здания к той точке над горизонтом, где в 900-м году в момент наибольшей яркости и максимального смещения к югу находилась Венера, ученые наткнулись на пирамиду в местечке Сетцук, в пяти километрах от Ушмаля. Важность Венеры для местного царя, носившего имя Властитель Чак и выстроившего Дворец правителя, отражена на фасаде этого здания. На нем изображены две сотни мозаичных масок бога дождя, и каждая (!) из них сопровождается иероглифом, обозначающим Венеру. Культ Венеры отображен и в Чичен-Ице, где одно здание (по-видимому, обсерватория) ориентировано именно на самое северное склонение утренней звезды. В различные фазы Венера обязательно «заглядывает» в определенные окна обсерватории.

Венера в мифологии и религиозном сознании майя была самой «кровавой» планетой, сродни Марсу в древнегреческой и древнеримской мифологии. Первым это заметил антрополог Флорид Лаунсбери во время исследований в Бонампаке. На городских стенах он обнаружил надпись, повествующую о том, что во время нижнего соединения Венеры с Солнцем (то есть 2 августа 792 года, когда Венера прошла по диску Солнца) произошла «великая битва». Чуть позже пленных врагов публично казнили, а именно тогда, когда Венера вновь стала привычной утренней звездой. Поче-

му именно Венера стала символом войны и жертвоприношений, пока непонятно, но эта планета стала для майя важнейшим после Солнца небесным светилом. В майяской мифологии они считались «героями-близнецами», видимо, из-за астрономической особенности сопровождения Солнца Венерой на небосклоне. Венера появляется на небосклоне либо вечером сразу после захода Солнца, либо утром непосредственно перед восходом дневного светила.

Обсерватории майя, выстроенные в доклассический период, обнаружены в Вашактуне, Тикале и Калакмуле. Доказано, что во многих городах ас-

Пирамида E-VII – солнечная обсерватория, Вашактун

астрономические наблюдения велись еще в незапамятные времена.

Майя наблюдали не только за Солнцем и Венерой, немало их занимали и фазы Луны. Сведениями о фазах Луны часто сопровождаются датировки на стелах, сооруженных в классический период. 29–30-дневные лунные циклы вошли в основу календарного долгого счета. Древние астрономы заметили, что 149 лунам соответствуют 4400 земных суток, иными словами, майя выяснили, что лунный месяц состоит из 29, 53020 земных суток. По современным данным, определенным с помощью атомных часов, лунный месяц составляет 29, 53059 суток. Точность поразительная! Венерианский календарь майя допускает ошибку в один день за 500 лет! Кроме того, майя наблюдали за движением Марса, Юпитера, Меркурия и Сатурна. Таблицы солнечных и лунных затмений, созданные майя на основе наблюдений, проводившихся в течение жизни многих поколений, и сегодня поражают своей точностью.

Преуспели астрономы майя и в определении солнечных циклов. Кстати, майяский иероглиф «кин» имеет два значения – «солнце» и «день». Все аспекты жизни людей так или иначе связаны с дневным светилом, оно играло ключевую роль в жизни всех слоев майяского общества – от простых землепашцев до жрецов и правителей, определявших дату очередного ритуала и жертвоприношения. Майяские календари и таблицы, рассчитанные на основе наблюдений за солнечными циклами, современные астрономы считают математически безупречными.

Остановимся подробнее на венерианских таблицах, или эфемеридах, как их называют современные ученые. Их точность обусловлена наблюдением за Солнцем. Предсказания движения Венеры по небосводу сложны из-за того, что планета периодически появляется и исчезает, оставаясь значительное время невидимой. Каким образом можно рассчитать прохождение диска Венеры по диску Солнца, не имея ни телескопов, ни соответствующего математического аппарата? Майя делили полный венерианский цикл движения по небосводу на четыре фазы (этого же деления придерживаются астрономы и сегодня). В качестве утренней звезды Венера сияет 236 дней в году. Затем в течение 90 дней планета не видна, потому что пребывает в так называемом «верхнем соединении», то есть для землян как бы прячется за Солнцем. После этого Венера предстает перед нами в качестве вечерней звезды на целых 250 дней, а затем вновь прячется от наших взоров в течение 8 дней в «нижнем соединении». В общей сложности полный цикл Венеры составляет 584 земных суток. Майяские астрономы заметили, что пять полных венерианских циклов соответствуют восьми 365-дневным солнечным годам. В результате майя приняли за одну из основ при составлении календаря восьмилетний сол-

Солнечное затмение, изображенное в «Дрезденском кодексе»

ред нами в качестве вечерней звезды на целых 250 дней, а затем вновь прячется от наших взоров в течение 8 дней в «нижнем соединении». В общей сложности полный цикл Венеры составляет 584 земных суток. Майяские астрономы заметили, что пять полных венерианских циклов соответствуют восьми 365-дневным солнечным годам. В результате майя приняли за одну из основ при составлении календаря восьмилетний сол-

нечный цикл, который соединял в себе движения Солнца и Венеры.

О масштабах достижений майя в математике, астрономии и искусстве составления календарей мы можем судить по хранящемуся в Европе «Дрезденскому кодексу». В этом фолианте, листы которого выполнены из обработанного луба фикуса и достигают в длину 3,5 м (страницы размером 9х20,5 см сложены «гармошкой»), помещены таблицы с предсказаниями затмений, заходов и восходов Солнца, эфемеридами планет. Все данные сопровождаются изображениями богов, соответствующих каждому определенному дню. Большая часть фолианта посвящена серии 260-дневных циклов с астрологическими предсказаниями. Современные ученые до сих пор поражаются точности таблиц Венеры с расчетами движения этой планеты, а также лунных таблиц для вычисления возможного времени затмений.

Майя не были учеными в строгом, современном значении этого слова, но не были они и просто созерцателями. В движении небесных светил они искали смысл, практическое значение для повседневных занятий, а также ответы на свои вопросы.

Сотворение мира и жертвенная кровь

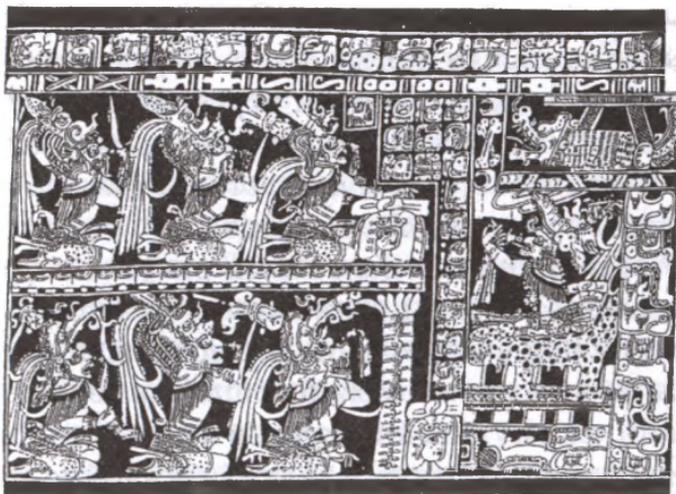
Во времена конкисты Диего де Ланда заметил, что все майя от мала до велика время от времени пускают себе кровь в качестве жертвоприношения богам. В классический период эта практика

была распространена практически повсеместно. Благодаря произведениям искусства и проведенным раскопкам ученые сделали однозначный вывод: представители майяской знати, например, прокалывали себе языки, уши, губы и, пропитав кусочки древесной коры кровью, поджигали их, наблюдая, как кровавый дымок поднимается ввысь, к богам. Ритуал кровопускания был настолько священен, что даже инструменты для прокалывания и разрезания кожи (выполненные из обсидиана, кости или позвоночника морского ската) разукрашивались как настоящие ритуальные принадлежности. Кровопускание – не только дар богам, но и своеобразный способ установления связи с потусторонним миром. Кровопотеря сама по себе может привести к полуобморочному состоянию, напоминающему транс, а майяские кровопускания к тому же сопровождались курением табака и других растений – большей частью галлюциногенных. Входя в транс под мерные удары шаманских бубнов, майя посещали мир духов. По всей видимости, этот ритуал занимал первостепенное место во всей религиозной практике майя, а правители считались главными жрецами-шаманами всего общества, способными контактировать со сверхъестественными силами и даже влиять на них ради блага своего народа. Общение с потусторонним миром должно было проходить вдали от любопытных глаз – и действительно, под Дворцом в Паленке обнаружены подземные ходы, ведущие в помещения с каменными скамьями. Попасть в такое помещение – все равно что опуститься в таинственный подземный мир. «Меня не

покидает мысль, что все эти ходы и камеры предназначены для каких-то религиозных штук», – писал Эрик Томпсон много лет назад.

Сегодня мы можем смело рассуждать о том, что именно представляли собой эти «религиозные штуки». Боги хотели получить от людей в подарок не только кровь, как думали майя, а нечто более существенное: им была необходима человеческая плоть. С самых первых лет испанского владычества ужасная религиозная традиция майя – убийство человеком человека ради принесения его в жертву – пугала и изумляла европейцев.

Теперь мы видим у майя какую-то гипертрофированную жажду крови, что роднит их с ацтеками, но до сих пор трудно сказать, насколько далеко зашло у майя «увлечение» жертвоприношениями и как велико было число жертв. Барельефы на стелах и

Ваза семи богов. Шесть божеств стоят у трона верховного владыки. В начале текста приводится дата сотворения майя

рисунки на керамике и во дворцах не дают однозначного ответа: являлись ли изображенные там люди единичными жертвами, или же они были частью огромной армии обреченных на смерть во имя богов? Первое предположение кажется более правдоподобным, и в реальности во время проведения важнейших религиозных ритуалов на заклятие отправлялись немногие несчастные. По крайней мере, не в тех «промышленно-конвейерных» масштабах, какие были приняты у ацтеков. Однако в случае с майя нельзя не содрогнуться, узнав о подробностях «подготовки» жертв к казни: их били, унижали, вырывали у них ногти и, главное, мучили бесконечными кровопусканиями. Самые же знатные пленники, как, например, правитель Паленке К'ан-Ой-Читам, могли пребывать в заточении годами, до тех пор, пока боги сами не подскажут мучителям дату казни. Жертвам обычно отсекали головы, но иногда, по ацтекской «традиции», у них живьем вырывали трепещущее сердце. Бывали случаи, когда у палачей разыгрывалась фантазия, и тогда жертвам отрубали конечности, сжигали их на костре, стреляли по привязанным к столбу людям из лука и даже сталкивали обреченных вниз по каменной лестнице.

Тем не менее на некоторых рисунках прослеживаются элементы уважения к пленникам. На костяной дощечке из Тикаля изображен узник, с гордым безразличием взирающий на веревки, которыми он опутан. Источники указывают на то, что если приговоренный вел себя достойно, то заслуживал к себе такого же отношения. Вообще, для майя жертвоприношение было скорее праздником,

чем убийством ради убийства. Тот, кому предстояло встретить свою кончину, по сути являлся актером, игравшим смерть и возрождение жизни; и уж наверняка он мог рассчитывать на почетное место в загробном мире.

Конечно, в задачи археологов не входит оценка давно ушедших народов с моральной точки зрения. Тем более, что по прошествии стольких веков мы не сможем до конца разобраться в значении жертвоприношений и сопутствующих им жестокостей для майяского общества; здесь майя также загадочны, как и во всем остальном.

Религия и государство

Человеческие жертвоприношения, без сомнения, были не чем иным, как массовыми зрелищами, сродни древнегреческим Олимпиадам, боям гладиаторов в Древнем Риме и современным футбольным матчам. Издевательства и пытки, скорее всего, происходили в процессе «подготовки», то есть носили закрытый характер. На финальное действие в определенный праздничный день стекалось множество народа как из самого города, так и из предместий. Толпы любопытных, возбужденных людей заполняли центральную площадь, чтобы не пропустить самого главного – принесения в жертву богам какого-нибудь высокопоставленного пленника, а то и вовсе соседнего царя. Жертва обычно принимала свою смерть на поле для игры в мяч, либо на вершине пирамиды, откуда обезглавленное тело сбрасывали по ступеням, обозна-

чая этим его поход в царство мертвых. Само жертвоприношение символизировало круговорот божественной энергии, а кровь жертвы, окропляющая землю, несла эту энергию брэнному миру, вселяясь в растения, животных и людей.

Жертвоприношения свершались не затем только, чтобы задобрить богов, они представляли собой прекрасный испытанный инструмент укрепления власти правителей. Божественная энергия пролитой крови питала политический и религиозный авторитет майяских царей – тех, кто в глазах простого народа был посредником между земным и небесным. «К’уль ахау» называли они себя, то есть «священными властителями».

У богов майя обнаруживается очень много человеческих качеств: они старятся и умирают, враждуют между собой и мирятся. Более того, они могут позволить некоторым людям общаться с собой, как с равными, то есть как с живыми существами. Об этом повествует сага «Близнецы-герои». В ней рассказывается, как братья-близнецы, самые первые люди, искали свое место под солнцем в темное неопределенное время до создания мира. По сюжету братья в конце концов победили силы смерти и заслуженно заняли свое место среди небожителей. Современные исследователи склоняются к мысли, что сага придумана самими правителями, считавшими себя потомками «близнецов-героев». Такой вывод ученые сделали, исходя из лингвистических особенностей саги. Это произведение появилось и было зафиксировано в камне и на бумаге в эпоху первых династий майяских царей, то есть в конце доклас-

сического периода. К позднеклассическому периоду сага превратилась в своего рода инструкцию к применению для новоиспеченных правителей. Поступки, судьба и влияние близнецов-героев сделали моделью для подражания, примером для майяских царей с замашками небожителей.

Место, где обычно происходило сакральное действие жертвоприношения, также выбиралось не случайно. По обыкновению, представление разыгрывалось на площадке для игры в мяч со скошенными боковыми стенами. Сеть подземных коридоров и камер (своеобразный макет Шибальбы) располагалась зачастую как раз под городским стадионом майяского города – таким образом, жертвенная кровь сразу же попадала в царство мертвых, напрямую к богу маиса. Из мифологии майя известно, что бог маиса, брошенный на произвол судьбы своими сыновьями, попал в Шибальбу; и хотя впоследствии он воскрес, выбраться из подземелья ему не хватило сил. Каждый правитель, считавший себя воплощением одного из «братьев-героев», брал на себя заботу о вызволении бога маиса из подземного мира, для чего требовалось как следует угостить незадачливого бога кровью вражеских пленников, напитать его необходимой энергией. Напоив божество жертвенной кровью и

Герои-близнецы.
Характерные точки
на их телах означают
родство с ягуаром

отогнав властелинов смерти, майя таким образом надеялись на высшее покровительство в делах совершенно приземленных – стремлении получить хороший урожай.

Большое значение правители придавали ритуальному одеянию: во время празднеств они надевали маски и костюмы, которые, по их мнению, «превращали» их на некоторое время в богов и наделяли особой сверхъестественной силой. Например, правитель 18-Кролик предстал перед взором своих подданных в костюме бога маиса – в таком виде он запечатлен на стеле «Н» в Копане. В головном уборе из роскошных перьев царь танцует, радуя себя и других своей сверхъестественной силой. На гравированной притолоке, найденной в склепе царя Хасава-Чан-К'авиля в Тикале, изображен юный бог, спускающийся на каноэ в подземное царство. В этой же гробнице находился роскошный керамический сосуд, покрытый нефритовыми пластинками и увенчанный выполненной из зеленого обсидиана головой человеко-бога, создавшего жизнь на земле.

Самое яркое отождествление правителя с богом (в частности, с богом маиса) найдено в Паленке. Речь идет об уже упоминавшемся саркофаге Пакаля, обнаруженном стараниями мексиканского археолога Альберто Руса в 1952 году. Композиция изображения на крышке саркофага производит фантастическое, «космическое» впечатление. Верхняя часть рисунка буквально усеяна небесными символами, а во многих местах мы видим изображения предметов, символизирующих к'улель – божественную силу, присущую

человеку-Пакалю, – раковины, нефритовые бусы и цветы.

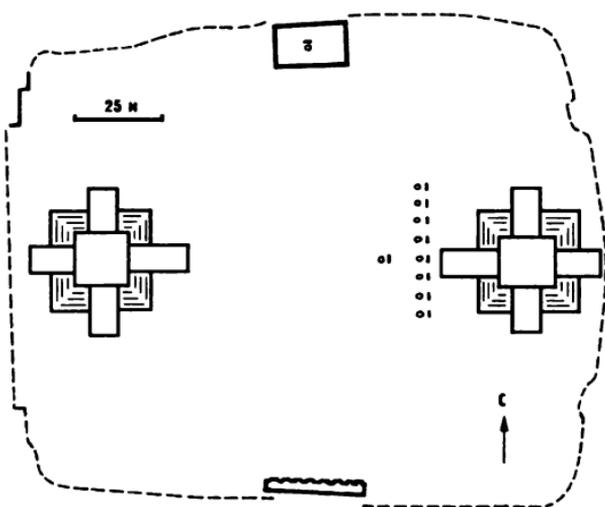
На самом верху композиции, венчая крестообразное мировое древо, расположилась фантастическая птица, символизирующая край небес и бога Ицамну. Ветви древа оплели двухголовые змеи – символ, так полюбившийся царям майя. В центре композиции – сам Пакаль в нефритовых одеяниях бога маиса, попавший в крепкие объятия подземного мира мертвых. Под ним изображен большой сосуд, предназначенный для сбора жертвенной крови. На сосуде нарисован проглоченный тьмой бог солнца. Все изображение целиком посвящено смерти Пакаля, вернее, тому моменту, когда он попадает в царство мертвых. Смысл композиции заключается в том, что из (смерти) крови Пакаля, так же, как из смерти бога маиса, обязательно вырастет новая жизнь и произойдет обновление на всех уровнях мирового древа.

На крышке саркофага Пакалю отведено центральное место, то есть в самом центре майяского универсума. Этой же привилегии удостаивались и другие правители, причем не только после смерти. Каждый считал себя центральной точкой мироздания, и в подтверждение этого художники окружали царские изображения космической символикой.

Интересно, что воззрения майя о строении Вселенной четко прослеживаются и в архитектуре их городов. Особенно это заметно на примере «Пирамид-близнецов» в Тикале. Здесь с высоты птичьего полета видно, как две пирамиды, западная и

восточная, образуют две ветви мирового дерева, а девятидверное здание к югу символизирует царство мертвых. На севере комплекса на открытом пространстве находится единственная стела, на которой отображен вечный ход времени.

Конечно, не в каждом городе представление о вселенной подано в такой ясной, четкой манере. Ученые, расшифровывая иероглифы, нашли другие способы выражения космологических идей, к которым прибегали майя. Например, центральные площади городов символизировали поверхности царства мертвых и зачастую проектировались так, чтобы во время сезона дождей их затопляло водой – по аналогии со всемирным потопом в момент сотворения мира. Площадки для игры в мяч служили переходом в подземное царство. Особая роль отводилась стелам; майя их называли «тэтун» – «каменные деревья». Стелы-деревья вырастали из подземного царства, и для каждого правителя

План комплекса 4E-4. «Пирамиды-близнецы» в Тикале

«личная» стела с его изображением была тем столпом, на котором держалась его империя.

Если площади и площадки соотносились с подzemельем, а стелы – с деревьями, то пирамиды считались горами, с помощью которых устанавливалась связь между землей и небом. Интересный факт: строительство малых пирамид на плоских вершинах более крупных пирамид – как в Копане или Тикале – отражало древнее представление майя о том, что на вершинах холмов обитают духи умерших людей.

Вдали от пирамид

К VIII в. н. э. между майяскими городами простирались многие тысячи плантаций, занимаемых преимущественно маисом – главной культурой и основой благополучия майя. Хозяева на этих плантациях крестьяне вели тот же образ жизни, что и многие столетия назад. Основной ячейкой крестьянского сословия так же, как и сегодня, являлась «расширенная» семья – по существу, часть рода. Как правило, это были три-четыре семейные пары, объединенные родством по мужской линии. Естественно, в такой фамильной группе мы увидели бы множество детей, в том числе и работоспособного подросткового возраста, а также уцелевших представителей старшего поколения. Один из них, возможно, самый старший и опытный, признавался главой всей семейной группы.

Большую часть времени мужчины проводили в поле или на охоте, а также занимались такими фун-

даментальными вещами, как строительство жилья, хозяйственных построек, дренажных каналов. Они рыли колодцы и помойные ямы. А женщины, оставаясь у очага, присматривали за детьми, работали в огороде, готовили пищу и занимались ремеслами – ткали, изготавливали глиняную посуду. Такая семейная группа жила в небольшом поселении из 6–10 зданий – жилых и хозяйственных построек. Расположенные по окружности строения образовывали внутренний двор – «патио», где люди занимались хозяйственными делами. Здесь же горел общий очаг, играли дети, а вечером собирались уставшие мужчины. Жилища были такими же, какие мы видим сегодня у индейцев бразильской сельвы: однокомнатные хижины, построенные из бревен на земляной платформе-возвышении. Бревна обмазывали глиной или обкладывали глиняным кирпичом. От дождей обитателей хижины спасала крыша из широких пальмовых листьев. При участии всех родственников такой дом собирался за считанные дни. Внутри такой хижины было достаточно прохладно.

Зачастую к одной фамильной группе, уже обосновавшейся на определенном месте, присоединялись другие. Так рождалась деревня. В каждой деревне обязательно находилась семья более удачливая, трудолюбивая и амбициозная; вскоре она начинала доминировать над соседями. По мере роста населения постепенно такая семья превращалась в местную знать. Дом правящей семьи, как правило, находился в центре поселения, выглядел более впечатляюще, чем остальные жилища, и располагался на большей земляной платформе.

Со временем разрастающиеся поселения превращались в города. К этому времени уже была сформирована элита, или правящая династия, где власть передавалась потомкам в рамках одной династической линии.

Интересно, что задолго до классического периода простые майя своих покойников не хоронили на кладбищах, не кремировали, не раскладывали на ветвях деревьев и не относили в сакральные места. Умерших зарывали в землю прямо под домом или рядом с ним. Таким образом, предки не расставались со своими потомками и, по поверьям, приглядывали за ними.

Главным строительным материалом для обитателей юкатанской равнины являлся лес. Огромное разнообразие видов деревьев в тропической сельве обеспечивало любую потребность древних земледельцев и охотников. Твердые сорта древесины использовались для строительства домов, изготовления мебели, каноэ, сундуков, статуй и стел и множества других предметов. Пальмовые и хвойные деревья, а также растения, содержащие волокно, шли на производство тканей и одежды, циновок, сандалий, корзин. Смола, добываемая из дерева *копал* («смоляного дерева»), считалась благовоением и при сжигании источала приятный аромат. *Капок*, мягкий материал, окружающий семена сейбы (местного шелковичного дерева), служил прекрасной набивкой матрацев и подушек. Кстати, на таких подушках, скрестив ноги, восседают многие герои на майяских рисунках и барельефах. Остатки набитых капоком подушек обнаружены в майяских захоронениях наряду с

другими предметами. Многие виды растений и деревьев шли на изготовление лекарств, красок и даже яда; кроме того, майя всегда имели под рукой топливо для поддержания очага, приготовления пищи и обжига керамики. В лесах обитали звери и птицы, которые шли в пищу, а также служили поставщиками ценных перьев, кости, шкур и других нужных материалов.

Майя, которые жили по берегам океанов, озер и рек, ловили рыбу, собирали раковины, черепахи и другую живность, пригодную в пищу. Они торговали вяленой рыбой. В могилах прибрежных майя, кроме игл скатов, использовавшихся для кровопускания, обнаружены кораллы и даже зубы акулы.

Вскоре после появления человека на Американском континенте исчезло животное, напоминавшее шотландского пони. Ученые полагают, что его полностью истребили древние американские охотники. В южноамериканских Андах предки инков сумели приручить горных верблюдов – ламу и альпаку. Инки пили молоко этих животных; шерсть в условиях горных холодов была неоценима, кроме того, они использовались как прекрасное средство передвижения и перевозки товаров. В Центральной Америке, к сожалению, не оказалось крупных животных, которых можно было бы приручить в тягловых целях. Свои грузы жители Месоамерики переносили либо на своей спине, либо перевозили на каноэ. Индюк, собака, голуби и мускусная утка – вот, пожалуй, вся одомашненная живность. Сюда можно добавить и пчёл, для которых выдалбливались специальные дупла-

ульи. Собаки играли в жизни центральноамериканских индейцев универсальную роль: служили охранниками, помогали в охоте, являлись источником мяса (некоторые породы). Во многих городах майя обнаружены оленьи кости, и археологические изыскания подтверждают, что олени содержались в загонах, а после сбора урожая их выпускали пастись на полях для уничтожения сорняков.

Майя употребляли в пищу обезьян, пекари, броненосцев, тапиров, кроликов и других грызунов – таких, как агути. Мясо животных жарили, варили и тушили в сочетании с овощами, острыми приправами и травами. Тушеная индюшати́на – блюдо, самое упоминаемое испанскими хронистами. Однако реальная гастрономическая картина из жизни древних обитателей Месоамерики не такая радужная: они, в основном, употребляли растительную, вегетарианскую пищу – маис, бобовые, перец и тыквенные. Нельзя не упомянуть о других растениях, которые культивировали майя: острый перец чили, томаты, чеснок, маниока, табак, хлопок, какао; всего в сельскохозяйственном списке майя 55 видов культурных растений, что ставит майяских земледельцев в один ряд с их современниками – великими аграрными цивилизациями Китая, Индии и других жемчужин Старого Света.

Глава 7

СМЕРТЬ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ МАЙЯ

Коллапс

Таинственное исчезновение цивилизации майя – самая большая загадка, мучившая первые поколения исследователей. Казалось, строители величественных городов растворились в пространстве и времени. Джон Ллойд Стефенс сравнил пропавшую цивилизацию с кораблем-призраком, который неожиданно оказался посреди океана без парусов и команды. Когда дремучие джунгли успели поглотить огромные дворцы и храмы, и почему успешное поступательное развитие сложно структурированного общества оказалось так внезапно прервано? Произошло поистине что-то ужасное, раз люди покинули свои города, чтобы никогда в них больше не вернуться.

Многочисленные раскопки и попытки прочи-

тать иероглифические надписи позволили сделать вывод, что последние династические линии майяских правителей прервались в IX веке – в эпоху, которую мы называем позднеклассическим периодом. Прекратилось всевозможное строительство, перестали появляться художественные шедевры. Без сомнения, именно в эту эпоху цивилизацию майя постигла настоящая катастрофа, невиданного еще масштаба.

Сегодня, когда прочитана большая часть сохранившихся иероглифических надписей, мы можем с точностью указать момент смерти того или иного города. Процесс угасания начался с долины реки Усумасинты. В Бонампаке последняя «опубликованная» дата, словно остановившиеся часы, указывает нам на 792 год. Последнее известие, оставленное в Пьедрас-Неграс, датировано 795-м годом; великий Паленке «уснул» четырьмя годами позже, а после-

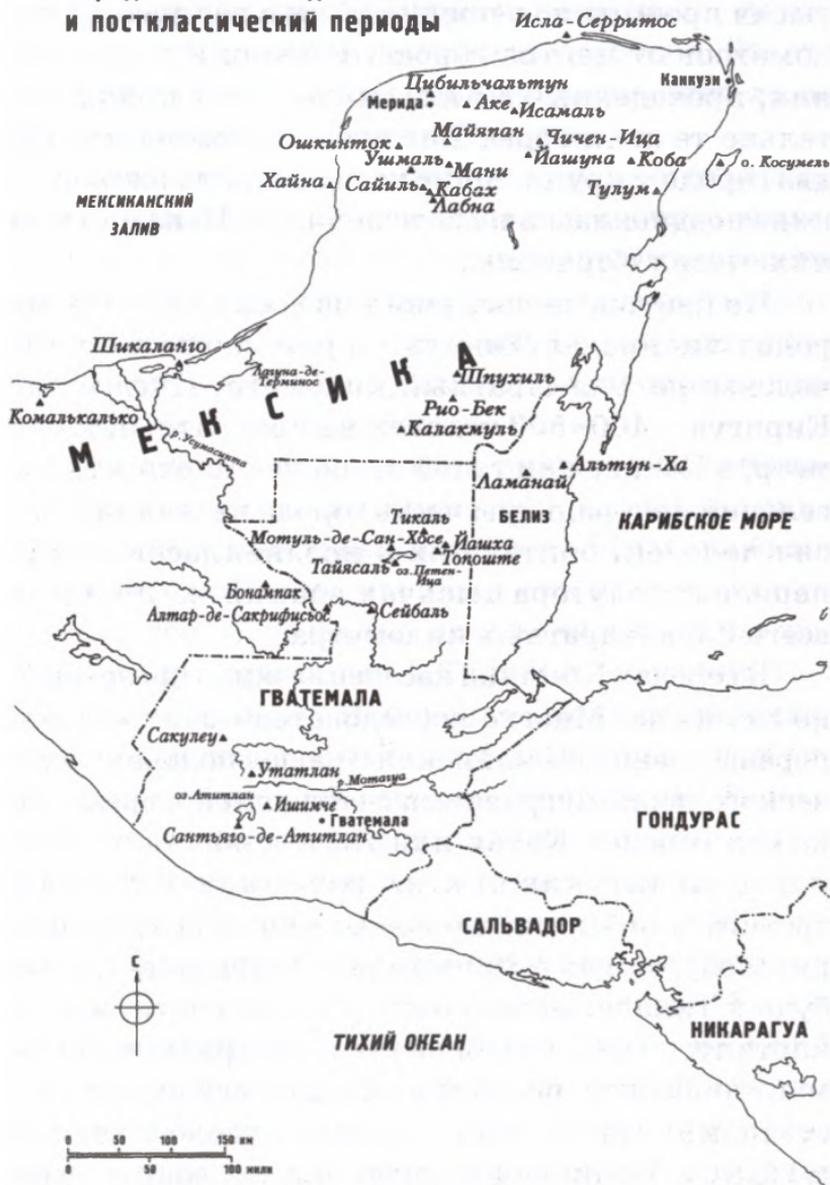
Чичен-Ица. У подножия пирамиды Кукулькана

дний голос в Йашчилане замолк в 808 году. Затем цивилизационный коллапс накрыл остальные районы империи, подбравшись к самому центру – Петену. Киригуа прекратил свое существование как город в 810 году, Копан – в 822-м. Последняя подтвержденная дата в Калакмуле – 810 год, хотя упоминание о нем встречается и в 849-м, правда, в соседнем Сейбале. Кончина Караколя датирована 859 годом; Тикаль перестал подавать признаки жизни в 889 году. Самая последняя на сегодняшний день прочитанная дата относится к 909 году, и обнаружена она в отдаленном городке Тонина в мексиканском Чьяпасе. Надписи, как всегда, повествовали о военных победах, захваченных в плен врагах и жертвоприношениях. И ни одного слова о надвигающейся катастрофе! Ничего подобного не предвещали и надписи на керамике. Что же все-таки произошло?

Еще полвека назад бытовало множество версий случившегося: эпидемия, оскудение сельхозугодий, землетрясение, жестокое нападение других народов, крестьянские восстания. Ученые очень осторожны в гипотезах. Главная заключается в том, что накопились разрушительные противоречия между возросшими потребностями городского общества и сельскохозяйственными возможностями, да и, видимо, сами крестьяне не желали «кормить город».

Довольно точно установлено, что пик общей численности майя пришелся приблизительно на 800-й год. Конечно, очень трудно подсчитать и оценить примерное число людей, живших в каком-либо месте более тысячи лет назад, но ученые нашли методы. Так, в городском ядре Тика-

Города майя в позднеклассический и постклассический периоды

ля на площади 120 квадратных километров могло проживать до 65 тысяч человек; еще около 30 тысяч проживало в предместьях в радиусе 10 километров от центра города. Раскопки и изыскания, проведенные в Калакмуле, дают приблизительно те же цифры. Вне всякого сомнения, эти два города – крупнейшие на всей юкатанской равнине позднеклассического периода. Немного от них отстал Караколь.

По плотности населения из всех майяских городов лидировал Тикаль – приблизительно 800 человек на 1 квадратный километр. Цифры для Киригуа – 400–500 человек на квадратный километр; в Копане при такой же общей плотности населения центральную часть города населяли 9 тысяч человек, обитавших в позднеклассический период в полутора тысячах зданий на площади всего 0,6 квадратных километров.

В городах Юкатана население жило чрезвычайно скученно. Многие исследователи считают, что перенаселенность майяских городов позднеклассического периода сравнима с ситуацией в средневековых городах Китая или Явы, а общая численность майя, живших на равнинах Юкатана, достигала 3–10 миллионов человек. Образно говоря, взобравшись в 800-м году на пирамиду где-нибудь в Тикале, можно было наблюдать типичную картину: толпы людей внизу и бескрайние, до самого горизонта, поля с копошащимися на них крестьянами. Эта картина – вовсе не художественный вымысел. Наличие аграрных поясов вокруг урбанизированных поселений доказано археологическими раскопками и в особенности изучением иско-

паемой пыльцы растений. Вся собранная пыльца в окрестностях городов принадлежит в основном зерновым и овощным культурам и очень мало – растениям, формирующим джунглевые заросли. Все это говорит о практически полном уничтожении лесов вокруг поселений к концу VIII века.

Известно, что на протяжении многих веков майя применяли так называемое подсечное земледелие, поэтому можно только представить степень обезлесения тех территорий, где плотность населения оказывалась особенно высокой. Все эти процессы рано или поздно должны были вызвать глубокую и необратимую эрозию почв.

Другой фактор, который повлиял на сельскохозяйственную продуктивность, – климатические изменения. Локальные засухи на Юкатане были делом обычным, но сменялись они иногда не сезон дождей, а грозными, опустошительными ураганами, приходящими с Карибского бассейна, – все, как и сегодня. Испанские хроники указывают на непредсказуемый климат Юкатана и особенную подверженность засухам. Диего де Ланда после беседы с местными жителями записал, что в 1535 году из-за ужасной засухи майя пришлось есть кору деревьев, и «не осталось никакой зелени». Последние исследования осадочных донных пород, взятых в северо-юкатанском озере Чичанкан, показывают, что в период с 750-го по 800-й год полуостров терзала длительная засуха, которая чаще обычного приходила именно на эту землю. Имеются свидетельства, что долговременные засушливые периоды случались и в более ранние эпохи. Мы уже знаем, что засухи в позднекласси-

ческий период привели к упадку блестящего Эль-Мирадора; однако катастрофическая засуха в конце VIII века оказалась самой жестокой за всю историю майя.

Очевидно, что причины упадка в том или ином городе различались, у каждого города была своя судьба и свой набор неблагоприятных факторов, приведших к печальному концу. Благодаря раскопкам и прочтению письменных источников подробно реконструирована история взлета и падения Копана – города-государства майя классического периода. Начиная с 426 года – времени основания первой правящей династии правителем по имени К’инич-Йаш-К’ук-Мо, – город вступил на путь экономического процветания и военного могущества. В самом начале своей славной биографии Копан представлял собой небольшое урбанизированное ядро в окружении богатых плодородных полей, орошаемых небольшой рекой. Продуктовое изобилие и общее процветание усиливали царскую власть, божественную и авторитарную. Благоденствующий город, как магнит, притягивал к себе все больше и больше людей не только из окрестных районов, но даже из центрального Гондураса. По мере роста населения городские строения начали наступать на прилегающую аграрную территорию, заставляя крестьян продвигаться все дальше в джунгли для создания новых плантаций. Естественно, леса в долине нещадно вырубались и выжигались. Далее крестьян вытеснили на холмы, где они принялись разбивать террасы. К концу VIII века уже и холмы во многих местах были усеяны жилищами, а террасы попросту перестали давать

урожай. К низкой плодородности почв добавились регулярные продолжительные засухи. Огромное население Копана попросту нечем стало кормить. Город еще какое-то время держался за счет дани, собираемой с вассальных городов, но и те, в свою очередь, влачили жалкое существование и уже не могли платить все увеличивающуюся дань своему сюзерену.

Таким образом, во второй половине VIII века усиливалось давление на всех подданных и на правящую династию. Мощь и авторитет последней достигли пика своего могущества во времена правления 18-Кролика. Однако после того как он в 738 году попал в плен и был принесен в жертву царем Киригуа, среди его подданных, возможно, начали расти сомнения по поводу того, насколько вообще эффективна и полезна царская власть. В качестве общественного признания царской власти были достроены Иероглифическая Лестница и ряд других зданий. На некоторое время в государстве восстановилась стабильность. Однако взошедшему на престол в 763 году Йаш-Паку достались в наследство все нараставшие политические проблемы. Дело в том, что он оказался заложником окружавшей его аристократии, с помощью которой пришел к власти, и теперь вынужден был для сохранения своего положения передавать ей все больше привилегий и полномочий. Когда столетие подходило к концу, правитель счел за лучшее для себя разделить ответственность за состояние государства с как можно большим количеством представителей аристократии. Продовольствия теперь поступало меньше, чем когда бы то ни было, и общество Копана станови-

лось все более болезненным и нищим. Тщательные исследования найденных останков показывают, что во всей долине от недоедания и болезней страдали не только обычные жители, но и члены правящей элиты. Похоже, наступили такие времена, когда, какие бы меры ни принимались стоявшими у кормила власти, либо политическими группировками, возникавшими в соответствии с требованиями момента, ничто уже не могло остановить сползания общества в пропасть. И в этом заключалась горькая реальность. Со всей неизбежностью, в конце концов, ответственность за сложившуюся ситуацию ложилась на правящую династию, и она же становилась основной мишенью для критики. Мир покинули порядок и благополучие, исчезло равновесие между людьми и богами, между человеком и силами природы, которые, собственно, и должны были обеспечивать правители. Выяснилось, что их давние притязания на некие особые отношения с духами и богами оказались ложными, и отныне само существование царской власти теряло всякое оправдание.

Окончание династического правления в Копане ознаменовалось возведением двух самых необычных монументов. Первый из них, известный под названием «Стела 11», представляет собой изрядно поврежденную колонну, довольно причудливой округлой формы. На ней изображена стоящая фигура уже умершего к тому времени правителя Йаш-Пака, который спускается в разверстую пасть царства мертвых. На обратной стороне камня имеется краткая надпись, которую, однако, до сих пор не удалось полностью расшиф-

ровать. Расположенная там же сокращенная дата почти наверняка относится к 820 году, а следующий за ней барельеф изображает глагол «*bot*», который Дэвид Стюарт перевел как «низвергнуть», или «разрушать». Еще один барельеф включает слово «основатель», а поскольку эта надпись находится на вершине «Алтаря Q», то ее можно отнести к основанию правящей копанской династии, случившемся за 400 лет до описываемых событий при правителе Йаш-К'уклю. Упоминание «основателя» на стеле 11 сопровождается суффиксом «*nab*», обозначающим «дом». Сложив все вместе, мы получим фразу «дом основателя разрушен»; иными словами династия, начало которой положил К'инич-Йаш-К'ук-Мо, оказалась свергнута. Если подобное прочтение текста верно, тогда эта надпись может считаться совершенно уникальной, поскольку говорит об уничтожении правящей династии. Это экстраординарное и совершенно нехарактерное для майя сообщение о несчастьях, обрушившихся на страну.

Тот факт, что правящая династия действительно исчезла, подтверждается так называемым «Алтарем L», сооруженным спустя два года после трагических событий человеком по имени У-Сит-Ток. Кто это такой, принадлежал ли он к членам бывшей династии или был представителем новой знати – неизвестно. Но мало сомнений, что он пытался захватить власть и увековечить данное событие монументом, очень похожим на «Алтарь Q». Это сооружение имеет относительно прямоугольную форму и, совершенно точно, означает стремление изобразить полный состав династии правителей Копана.

Справа, на южной стороне монумента, на барельефе изображен сидящий со скрещенными ногами свергнутый Йаш-Пак, взирающий на одетого в такие же одежды и также сидящего У-Сит-Тока. Между ними выбиты дата 822 и иероглиф, означающий «сесть». В данном случае он может быть переведен, как «восшествие на трон». Таким образом, данный памятник призван символизировать момент передачи власти от одного правителя другому. Однако тут стоит иметь в виду, что имя У-Сит-Тока и его образ не появляется больше ни на одном памятнике, а дата, выбитая на барельефе, является последней в истории Копана. Еще больше исследователям говорит тот факт, что сам алтарь остался незавершенным. Резьба на его южной стороне выполнена достаточно хорошо, однако уже на северной стороне она откровенно грубая, а остальные две стороны оставлены вообще без надписей – так что, по меткому замечанию некоторых историков, создается ощущение, будто резчик по камню просто собрал свои инструменты и ушел, потеряв всякий интерес к работе. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что У-Сит-Ток потерпел неудачу в своей попытке утвердиться на престоле. Очевидно, он не смог обеспечить достаточную поддержку своей идее о том, что правящая династия жива. Этот

Стела 11, Копан

неприметный памятник, мимо которого равнодушно проходит большинство приезжающих сюда туристов, таким образом, представляет собой замечательную иллюстрацию падения династии, основанной К'инич-Йаш-К'ук-Мо, и окончания истории Копана.

Точных сведений о том, что случилось с правителями и членами их семей, не имеется, однако существуют надежные свидетельства того, что власть Йаш-Пака и его наследников была уничтожена приблизительно в указанное время. По предположению Уильяма Феша, немногим позже могила Йаш-Пака и его погребальный храм были разграблены. С другой стороны, нет никаких признаков того, что это случилось в ходе крупных беспорядков или того, что можно было бы квалифицировать как народное восстание. Сам Феш убежден, что окончание политической истории Копана стало результатом переворота, организованного знатью. Возможно, его вдохновителями стали представители верхушки, не связанные родством с правящей династией, пользовавшиеся поддержкой населения, прежде всего, в сельской местности, которые сумели дистанцироваться от власти с ее провальной политикой. Очень похоже на то, что после этих событий власть в Копане перешла из рук единственного правителя именно к этой группе заговорщиков. Представители правящих семейств, очевидно, попытались сохранить и даже возродить богатство долины. Но примерно через сто лет, возможно, в результате нового восстания и продолжавшегося упадка сельского хозяйства, они были вынуждены уйти на остававши-

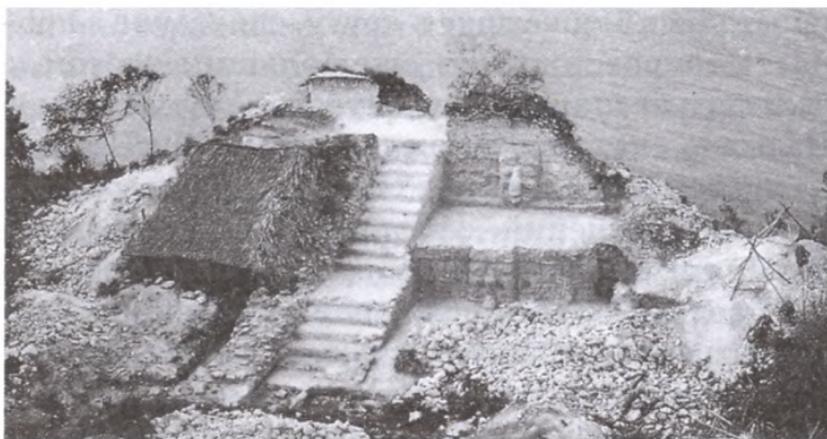
еся плодородными небольшие участки земель, имевшиеся на окружающих возвышенностях. По крайней мере, только туда – на самые окраинные и слабо заселенные территории цивилизации майя – они еще и могли переселиться. Скорее всего, там образ их жизни упростился, произошла децентрализация общества, то есть оно вернулось к тому состоянию, в котором пребывало в додинастический период. Между X и XII веками население Копана резко сократилось. Судя по останкам строений и захоронениям, небольшие группы людей продолжали жить в разных районах города, однако после этого периода равнина в целом пришла в запустение.

Картина угасания Копана, которую мы можем видеть во всех деталях, дает нам некую модель для понимания основных элементов процесса «коллапса» всей цивилизации майя. Ухудшение природной среды и, как следствие, кризис сельского хозяйства вызвали сильное перенапряжение политической системы, которая, в конце концов, этого не выдержала, а общество нашло «козла отпущения» в лице правящей верхушки. В сущности данная модель развития событий повторялась во многих других городах-государствах, хотя там, где они рас-

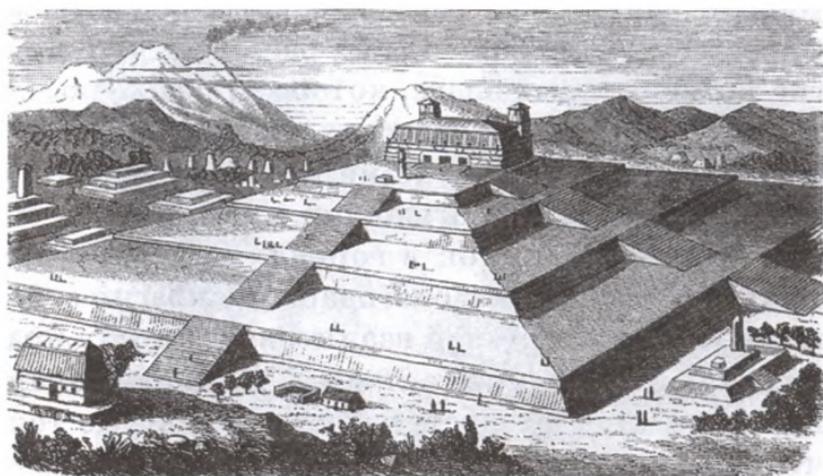
Химбаль. Стела 1

полагались ближе друг к другу, сползание в пропасть сопровождалось еще большим хаосом и большим насилием. В междуречье Усумасинты и Пасьона, а также в самом сердце региона Петен и в близлежащих районах старая система союзнических отношений, сформировавшаяся вокруг Тикаля и Калакмуля, разрушилась к середине VIII века. Сегодня совершенно очевидно, что единственной возможностью для майя решить возникшие перед их цивилизацией проблемы стали бы объединение и кооперация всех производительных сил. Однако это было совершенно невозможно. Под давлением внешних обстоятельств политическая система майя распадалась на мелкие части. В ходе ожесточенной борьбы за выживание правители враждующих городов-государств думали только о своих интересах. Дело в том, что во многих районах, особенно удаленных от главных рек и озер, истощение почв и упадок сельского хозяйства проявлялись еще более резко, нежели это видно на примере Копана. Для того чтобы сохранить собственную власть и накормить подданных, правителям оставалось только одно – захватывать соседние земли и отчаянно эксплуатировать их ресурсы. По сохранившимся изображениям можно сделать вывод, что в конце VIII века количество вооруженных столкновений и, как следствие, их ожесточение заметно возросли. По всей видимости, своей кульминации события достигли в 60-х годах VIII столетия, когда был разрушен Дос-Пилас, а в регионе Петешбатуна началась крупномасштабная война. Это был кровопролитный и ожесточенный конфликт, в ходе

Серрос. Структура 5 с-2, частично раскопанная. Видны две из четырех масок, украшающих центральную лестницу

которого опустошению подверглись практически все территории, населенные майя. Последние тексты, дошедшие до нас из всех городов, расположенных в долине Усумасинты, повествуют о боевых столкновениях, а многие из них еще и несут следы явно насильственных повреждений. В Пьедрас-Неграс здания были сожжены, а монументы повержены. Недавно в Йашчилане археологи обнаружили, что там целый район города, известный под названием «Малый Акрополь», был укреплен стенами, которые явно возводились в спешке, а обилие наконечников стрел, буквально усеявших землю, свидетельствует о том, что Йашчилан, как и Дос-Пилас, был захвачен врагом. С началом IX века сохранившихся надписей становится все меньше и меньше, поэтому чрезвычайно сложно проследить судьбу главных городов и понять, как они встретили конец своей истории. Однако можно представить, что в нара-

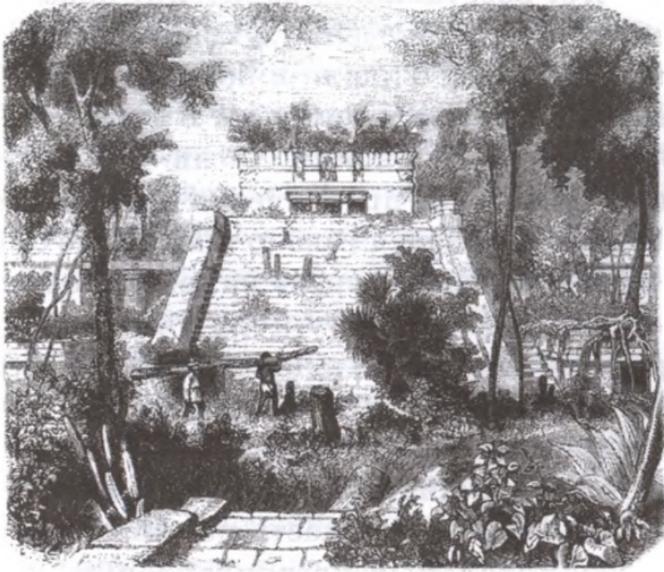

Пирамида в Чолуле

стающей атмосфере нестабильности и страха за-
раза войны расползалась от города к городу. И по-
степенно цивилизация майя, в период своего рас-
цвета напоминавшая античную Грецию, каким-то чудом перенесенную в американские
джунгли, стала больше похожа на Балканы кон-
ца XX столетия. Победа в войне и захват чужого
города, вполне возможно, на время укрепляли ав-
торитет правителей, так как в результате победо-
носной кампании удавалось несколько снизить
напряженность в стане победителей и вознагра-
дить особо отличившихся подданных. Но подоб-
ный успех мог быть лишь кратковременным, по-
скольку вокруг оставалось все меньше объектов
для завоевания. Для оказавшихся в ловушке пра-
вителей городов-государств практически не оста-
лось никакого выхода. Став пленниками соб-
ственной «пропагандистской машины», они
вынуждены были постоянно повышать свой ав-

торитет священных героев, равных божествам. Окружение требовало от них рабов, пищу и другие материальные блага, которые прежде поступали из внутренних сельскохозяйственных районов, но те теперь уже не могли всего этого предоставить. На протяжении многих веков общественный порядок в городах-государствах майя поддерживался благодаря прекрасно отлаженной и гармоничной взаимосвязи между правителями и их подданными, подразумевавшей взаимную ответственность, подобную той, что существует между богами и людьми. Подданные давали городам собственный труд и плоды этого труда. Правители обеспечивали соблюдение священных ритуалов, следили за тем, чтобы боги получали воздаяние за их благодеяния, и распределяли людскую силу таким образом, чтобы обеспечить процветание городов. Однако в новых условиях ни одна из сторон не могла больше выполнять условия этого «общественного договора». Каждая отдельно взятая семья должна была отныне думать о своих наиболее основополагающих, традиционных ценностях – о родственниках, или династии – для того чтобы обеспечить их выживание. Но, в конце концов, вся система правления в целом просто перестала существовать.

В Тикале процесс угасания центральной власти можно проследить в общих чертах. После разгрома Калакмуля Тикаль пережил период впечатляющего расцвета, его правители восстановили контроль над многими городами и поселениями региона. В это время его могущество по масштабу

Дворец в Тулуме

вполне сопоставимо с тем, что Тикаль переживал в блистательную эпоху раннего классического периода. В центре города росли грандиозные сооружения, и практически все величайшие храмы-пирамиды, дошедшие до нас, датируются второй половиной VIII в. Однако к середине столетия ситуация изменилась коренным образом. Совершенно очевидно, что империя Тикаля начала разваливаться. Задолго до этого времени правители в Вашактуне начали вновь воздвигать стелы, желая подчеркнуть собственную независимость, но теперь то же самое стали делать и в других, более мелких городах, прежде находившихся в орбите политики Тикаля. Прежде всего, в этой связи следует назвать такие городки, как Ишлу близ озера Петен-Ица и Химбаль, расположенный севернее.

Более того, восставшие правители, повелевшие воздвигнуть эти монументы, украшали их барельефами с эмблемой Тикаля и называли себя «священными владыками Тикаля». В это время в самом городе правил некий Хасав-Чан-Кавиль — личность, о которой практически ничего не известно, и запомнившаяся только тем, что по его приказу в 869 году была сооружена довольно невзрачная стела. Похоже, в ту пору уже любой, кто обладал достаточно сильной личной дружиной, мог хотя бы ненадолго стать правителем Тикаля.

К 900 году правящая династия некогда величайшего города цивилизации майя была низложена. Похоже, та же участь постигла и остальных незначительных претендентов на престол бывшей империи. Центр Тикаля опустел и был покинут жителями. Нам остается только представлять, как это произошло. Скорее всего, конец города-государства был кровавым. Хотя, возможно, у тех представителей правящей династии, которые уцелели, осталась не очень комфортная, но все же альтернатива «переучиться» и сменить род деятельности, превратившись в простых земледельцев, как это произошло значительно позже с образованными людьми в Кампучии. Наше незнание всех подробностей происшедшего с цивилизацией майя позволяет сделать чисто умозрительное предположение, что некоторые представители правящей династии все-таки спаслись и смогли найти где-нибудь убежище. Перед глазами встает трагичная и величественная картина того, как последние владыки Тикаля в окружении писцов и ученых, с узлами на спинах, в

которых лежат священные реликвии и древние книги, совершили последнее жертвоприношение предкам на развалинах Северного Акрополя и навсегда покинули город, отправившись в бесконечное странствие. Хотелось бы также надеяться, что они растворились в тех самых лесах, куда спустя почти 2000 лет пришли их отдаленные потомки. Однако, скорее всего, путь беглецов пролегал среди разоренной пустыни, где природный ландшафт оказался уничтожен и изгажен, где лишь местами еще виднелись следы возделанных полей и где даже сам царь здешних зверей и повелитель джунглей, ягуар, превратился в такого же изгнанника, обреченного на вымирание.

И все же, после того как последние носители высокой классической культуры майя исчезли в глубине веков, их место заняли другие майя. Более бедные городские кварталы обезлюдели, но некоторые из их обитателей перебрались в центральные части города и заняли опустевшие дворцы. Их простая керамика, кучи мусора, оставленные в местах проживания, являют собой теперь бесценный источник информации для археологов. Эти «новоселы», занявшие чужую «жилплощадь», жили здесь еще на протяжении примерно ста лет или чуть более. Они даже восстановили некоторые храмы, возродили некоторые дворцы и вновь стали их использовать в качестве священных мест. Они также восстановили некоторые стелы и передвинули их на более «удобные» с их точки зрения места. Правда, надписи, оставшиеся на этих монументах, теперь могут сказать очень мало, поскольку «реставраторы» попросту пере-

путали барельефы и установили их совсем не там, где им следовало бы находиться. На всей территории Южного Юкатана оставшиеся небольшие группы майя продолжали жить в окрестностях опустевших городов и соблюдали забытые обряды в стенах заброшенных храмов. Так, например, Караколь был оставлен жителями примерно в то же время, что и Тикаль, однако поблизости от города в некоторых районах еще жили люди, которые время от времени, вплоть до XI в., посещали центр города и совершали там традиционные религиозные церемонии, правда, уже уступавшие по масштабам прежним, отправлявшимся здесь во времена процветания. То же самое можно сказать и о городе Ла-Мильпа, расположенном на севере Белиза, где ко времени появления испанцев в XVI веке еще проживало некоторое количество населения. Историк Норман Хаммонд отмечал, что примерно в этот период там возродилось почитание стел, под которыми было найдено большое количество керамики, относящейся ко времени испанского завоевания. По всей видимости, по мере приближения испанцев носители местных традиций старались каким-то образом призвать сакральную силу предков, заключенную в этих камнях, на помощь в борьбе против завоевателей.

Ничего кроме жалости не вызывает картина несчастий и полного запустения, когда кучки земледельцев продолжали копошиться среди величественных развалин, стараясь хоть как-то себя прокормить, однако не следует забывать, что эта картина не была всеобщей. Например, к югу от

Тикаля, на берегах озера Петен-Ица и возле более мелких озер восточнее, еще оставались участки плодородной земли, дававшие достаточные урожаи, а также острова и полуострова, которые можно было защищать от вторжения врагов. Поэтому там продолжали существовать такие города, как Топоште и Тайясаль, население в которых жило вплоть до конкисты. В настоящее время на руинах Тайясаля находится город Флорес, в связи с чем эта территория практически не подвергалась археологическим исследованиям, однако, судя по всему, этот город в «постклассический» период постоянно расширялся и ко времени «посещения» его Кортесом в 1525 году превратился в столицу довольно грозного и вполне процветающего государства. В отдаленных районах продолжали существовать другие поселения. Наиболее заметным из них является город Ламанай на севере Белиза. О нем известно больше всего еще и потому, что в этом городе проводила раскопки экспедиция Королевского музея Онтарио под руководством Дэвида Пендергаста. Так вот, в этом городе никакого «коллапса» не случилось. Он располагался на берегу обширной лагуны в верховьях реки Нью-Ривер, где всегда имелось значительное количество продовольствия, способное прокормить большое население. Кроме того, Ламанай являлся крупнейшим центром по выращиванию какао, поэтому особое значение здесь имели еще и сухопутные торговые пути, причем, некоторые из них существуют до сих пор. В самом городе товары перегружали на каноэ и доставляли по реке на север, к морю. Таким образом,

единая сеть оживленных торговых путей связала практически весь Юкатан. В IX в., когда все вокруг рушилось и приходило в запустение, Ламанай переживал период процветания. Продолжалось храмовое строительство, воздвигались новые резиденции властителей, по-прежнему проводились религиозные церемонии, а гробницы правителей и знатных майя заполнялись доверху изделиями из нефрита и тому подобными сокровищами. Остается неясным, каким образом городу удалось справиться с наплывом беженцев, которые непременно должны были устремиться сюда из регионов, охваченных кризисом. В любом случае, в то время как их коллеги по соседству лишались своих тронов, вожди Ламанай смогли обеспечить эффективное и гибкое управление подданными. Примерно к 1100 году из крупных поселений здесь остался только этот город-государство, и еще за несколько лет до появления испанцев правители продолжали хоронить в усыпальницах. Правда, к тому времени центр города находился уже в другом месте, а постройки являли собой лишь тень прежнего великолепия. В конце XVI века среди оставшихся еще жителей города, просуществовавшего более трех тысяч лет, появилась христианская миссия.

И все же вышеприведенный пример представляет собой исключение, подтверждающее правила, по которым развивалась катастрофа цивилизации майя. В подавляющем большинстве городов-государств разразился всеобъемлющий кризис, охвативший все стороны экономической

и общественной жизни. Масштабы катастрофы оказались настолько велики, а разорение столь жестоким, что в течение всех последующих десятилетий не было предпринято ни одной попытки возродить хоть какое-то поселение. И даже спустя несколько веков, когда здесь появился Кортес, тропический лес еще не полностью восстановил повреждения, нанесенные ему неразумным хозяйствованием человека.

Конец и начало

Создается впечатление, что с падением классической цивилизации майя на юкатанских равнинах одновременно исчезли миллионы человек. Существует два варианта ответа на вопрос, что же с ними случилось. Согласно первому, причиной массового исчезновения людей послужила внезапно увеличившаяся смертность вследствие войн или болезней (а детская смертность даже в лучшие времена достигала 60 %). Действительно, эта причина могла привести к тому, что численность населения стремительно сократилась в течение столетия. Второе более или менее реалистичное объяснение заключается в том, что после катастрофы (война, пожары, болезни и прочее) население попросту разбежалось в считанные недели в более безопасные районы – высокогорье Гватемалы и Чьяпаса, на океанское побережье и Северный Юкатан. Именно здесь процветали Ушмаль и Чичен-Ица в тот самый момент, когда умирали и исчезали города на лесных равнинах. Хотя сви-

детельств о бегстве людей на север собрано недостаточно, многие ученые сходятся во мнении, что оба предположения верны. Все-таки то, что произошло на южных равнинах Юкатана с сильными городами-государствами, – это не постепенный упадок, или регресс: это было бегство в прямом смысле слова, после чего Северный Юкатан стал последним прибежищем, последним очагом великой майяской цивилизации.

Однако и с Северным Юкатаном все не так просто: о классической эпохе местных городов нам известно больше, чем о постклассическом периоде от 900 г. до испанской конкисты. Главная причина заключается в том, что царские династии пали, и поэтому прервалась славная традиция записывать династическую историю на стенах. Монументальные письмена, относящиеся к IX–X в., еще встречаются, но редко, и содержат в себе очень мало значимой информации. Потребность что-то фиксировать и увековечивать майя теперь начали воплощать в сделанных из коры книгах, а не в камне. Ученые усматривают эту метаморфозу в завершении единоличного управления и появлении коллективных форм руководства, когда царскую особу уже не требовалось увековечивать в камне.

Фолианты, раскрывающие историю майя той эпохи, до нас, к сожалению, не дошли – их уничтожили костры Диего де Ланда, полыхавшие по всему Юкатану. Нам остается только судить о майя со слов конкистадоров, пытавшихся добросовестно описать «их древности и их науки». Одним из таких источников являются для нас книги «Чи-

лам Балам». Наряду с мифами и легендами, услышанными де Ланда лично от майя, в книгах содержатся исторические выводы и обобщения. Кстати, свое название книги получили от реального персонажа – писца, или даже мудреца, чье имя фонетически произносится «Чилам Балам», что означает «Вещатель Ягуар» (считается, что именно он предсказал приход испанцев).

Книги «Чилам Балам» начали писать сразу же после испанского вторжения на языке майя в латинской транскрипции. Их писали местные писари – ученики приходских миссионерских школ, овладевшие испанской грамотой. Из известных на сегодня книг «Чилам Балам» около десяти принадлежит различным католическим приходам на севере Юкатана. Другие книги находятся у современных майя как семейные реликвии.

Каждая книга имеет и свое собственное название. Наиболее известные из них – «Тисимин», «Мани» и «Чумайель» – написаны в XVIII – начале XIX в. Книги соотносятся с календарным циклом в 260 лет, который разбит на 13 частей, или катунов. Каждый катунов, таким образом, продолжался 20 земных лет. Катуновная система отсчета времени наиболее часто использовалась для астрологических предсказаний, а по мере выхода из широкого употребления системы долгого счета стала употребляться как основной календарь. Что касается литературного языка, которым написаны тексты книг, то он чрезвычайно сложен и метафоричен; имеются даже ссылки на библейские сюжеты. В книгах довольно сложно

отличить миф от реальности, так же, как интерпретировать пророчества и предсказания. Приведем для наглядности отрывок из книги «Чумайель»:

Катун 8 Ахау – девятый катун. Он принят в Исамале. Там, где Кинич Какмо. Щит низвергнется, и стрела упадет (на Чиканпутун), и падут правители. Головы врагов будут замурованы (в стену) в Чаканпутуне. Наступит конец жадности, настанет предел бедам мирским. Это слово бога-создателя. Много борьбы предстоит рожденным на этой земле.

В этом отрывке с элементами иносказания ученые усмотрели исторические реалии, относительно которых развернулась полемика. Особенно это касалось точного местоположения некоего Чаканпутуна. Опять же, не совсем было ясно, какой момент прошлого подразумевался под катун 8 Ахау и к какому именно 260-летнему циклу он принадлежал. Поэтому никак не удавалось привязаться к определенной эпохе и правильно интерпретировать прочитанное. Возможно, речь шла об основании городов, или о войнах между ними, или о массовом бегстве людей на север Юкатана?

Мы еще будем несколько позже обращаться к книгам «Чилам Балам», однако, если говорить о наших непосредственных проблемах, то их тексты дают новые подтверждения тому, что во времена «коллапса» население двигалось с юга на север, имело место вторжение «чужеземцев», и в целом наблюдалась общая нестабильность. Упадок горо-

дов в классическое время на южных плоскогорьях Юкатана и переселение населявших их жителей также могут быть объяснены серьезной нестабильностью, причины которой до сих пор так и не были поняты учеными. Понятно лишь, что результатом этой нестабильности стали перемены во всей Месоамерике, происходившие между 700 и 1000 годами. Как мы уже видели в предыдущих главах, майя ни в коем случае нельзя отделять от тех событий, которые происходили в границах их общества. Например, в начале классического периода Тикаль и ряд других городов имели очень тесные отношения с Теотиуаканом. Влияние цивилизации, существовавшей в Центральной Мексике, было воспринято и сохранено культурой майя, чтобы периодически проявляться вновь и вновь. Во времена нового расцвета цивилизации майя, начавшегося на севере, в особенности в Чичен-Ице, заметно сильное внешнее влияние, которое свидетельствует о том, что между отдаленными культурами майя и ацтеков существовали вполне ощутимые связи. Вопрос о том, каким образом осуществлялись эти связи, неизбежно приведет нас к загадочной группе населения, жившего на западной окраине мира майя, которая процветала во времена всеобщего кризиса. Этот народ выступал одним из авторов или, возможно, даже главным действующим лицом того благоденствия, которое наблюдалось в ту эпоху на севере Юкатана.

Чаще всего этот народ называют *патаны* — именем, которое дал ему Эрик Томпсон. Относительно недавно за ними закрепилось имя из языка ацтеков — «ольмека-шикаланка». Их родина

находилась на берегах Табаско и в южном Кампече. Там, на краю Лагуна-де-Терминос, в Шикаланго они создали огромный торговый центр или перевалочный пункт. Прежде всего, патаны были торговцами, и с 750 г. вплоть до прихода испанцев они контролировали всю морскую торговлю вокруг полуострова Юкатан. Они разговаривали на языке чонталь, варианте майяского языка, который был распространен в центральных районах полуострова, в отличие от юкатекского языка, на котором говорили майя, жившие севернее. Этнически патаны принадлежали к майя, однако в их культурном наследии значительно заметнее проявляются признаки, характерные для народов, проживавших на территории Мексики. Несомненно, причина этого заключается в том, что как народ торговцев они служили связующим звеном между двумя цивилизациями. Некоторые ученые полагают, что со времени падения Теотиуакана – то есть, с конца VII в. – земли в районе Мексиканского залива и нижнего течения Усумасинты превратились в чрезвычайно подвижный в этнографическом плане регион, своеобразную «интернациональную зону», где мигранты из Центральной Мексики оседали и смешивались с народностями майя (например, патанами). Ученым до сих пор не удается определить с тем, что собой представляет подобное культурное взаимопроникновение, однако его приходится учитывать, поскольку влияние майя отчетливо прослеживается во фресковой живописи Какаштла близ Тлакцала на Мексиканском нагорье. На сохранившихся до нашего времени фресках изображе-

ны, вне всякого сомнения, представители майя в характерных для этого народа костюмах птиц и животных и даже с обычными для них «церемониальными жезлами». В качестве примера можно привести одну сцену, сравнимую по содержанию и в какой-то мере по стилю с фресками в Бонампаке и написанную примерно в одно время (ок. 800 г.). Это изображение битвы, в которой мексиканские воины одерживают победу, а их поверженные враги имеют профили, совершенно характерные для майя. Последнее обстоятельство, вообще, трудно поддается объяснению. Воины майя или, возможно, торговцы изображены также в храме Пернатого Змея в Шочикалько («город украшенных цветами домов») юго-западнее Какаштла. И вновь в этом случае трудно сказать, чьи конкретно деяния здесь изображены — патанов или каких-либо иных групп майя. Но совершенно точно, что патаны в это время выступали как чрезвычайно агрессивные воинственные торговцы, совершавшие постоянные набеги во многие районы в смутные времена с конца VIII по IX век. И они вполне могли забрать в свои руки торговлю, которую в классический период вели города-государства майя вдоль рек и по всей территории полуострова и даже за его пределами. Более того, на своих быстроходных каноэ, подобных тем, что увидел Колумб в 1502 году, они отваживались выходить в море и плавали вдоль побережья Юкатана.

Некоторые исследователи высказывают предположение, что патаны совершали набеги на южные территории майя во времена «коллапса» этой

цивилизации. Этот вывод делается на основании того факта, что в городе Сейбаль в долине Пасьон имеются свидетельства внезапного роста населения, случившегося в первой половине XI в. Он ознаменовался изменениями в керамике, погребальных обрядах, архитектурных формах и иконографии стел. Например, в 849 г. пять обелисков были установлены по повелению правителя, чей облик, судя по барельефам, резко отличался от типичных представителей майяских владык. Форма головы правителя Сейбаля была круглой, без тех признаков неуклюже удлиненных черепных коробок, характерных для классических майя. Деформация, как известно, достигалась посредством двух дощечек, в которые зажимали детские головки. Кроме того, правитель Сейбаля имел усы и некоторые другие признаки, определенно выдающие в нем «иностранца». Несомненно, что в городе имели место какие-то серьезные беспорядки, если судить по близрасположенному алтарю для жертвоприношений. Однако ученые до сих пор ожесточенно спорят, были ли они связаны с вторжением народа патан. Дэвид Стюарт, например, полагает, что надписи того периода в Сейбале не позволяют судить о серьезном разрыве с традициями прошлого, и даже изображения людей вполне соотносятся с канонами майя.

Вообще, при разговоре о том чрезвычайно неопределенном периоде истории существует соблазн объяснить вторжением патанов все множество культурных аномалий. Однако проблема заключается в том, что родина самих патанов слабо исследована археологами. У них не сохранилось никаких

надписей, и вообще, похоже, этот народ не имел никаких собственных архитектурных традиций. Однако, несмотря на всю их неуловимость и смутность источников о них, эти «финикийцы» майяского мира, как их назвал Томпсон, оставили основных действующих лиц того времени, к которым мы еще возвратимся, когда будем рассматривать в деталях развитие цивилизации майя на севере Юкатана.

Условия окружающей среды у оконечности полуострова довольно суровые и в целом мало пригодны для проживания людей: тощие почвы, малое количество осадков и незначительное количество поверхностных водоемов, не считая тех, что можно обнаружить в пещерах. И все же к концу раннего классического периода здесь появились вполне приличные по размерам поселения, такие как Акансех, Аке и Исамаль. Множество пирамид, воздвигнутых в этих городах, а также известная маска бога Солнца, обнаруженная археологом Казервудом, были созданы как раз в это время. Скорее всего, наиболее важные ранние города появились в районах, специализировавшихся на на каком-то виде хозяйственной деятельности, например, рыболовстве, добыче соли, выращивании хлопка или агавы. Эти товары продавались народам, жившим на юге, а оттуда на север Юкатана поставлялись изделия из обсидиана, шлифованный камень, кремневые топоры и какао-бобы. Данные регионы оказались обойдены вниманием археологом, если сравнивать с масштабами раскопок, проводившихся в городах на юге полуострова, и иероглифических текстов здесь найде-

но также не очень много. Двумя наиболее известными и крупными городами позднеклассического периода были расположенный к северу от Мерида Цибильчальтун, чье процветание, по всей видимости, было связано с торговлей солью, и Коба на восточном побережье полуострова. Последний город имел огромные размеры, в нем были построены впечатляющие пирамиды, большой двор для игры в мяч, расположенный неподалеку от необычной группы маленьких водоемов. Как и подобные города на юге, Коба контролировал значительную территорию, включая порт Кселья на побережье. Из центра города расходилась сеть широких дорог, одна из которых (самая известная из всех сохранившихся) тянулась на сто километров до Яксуны, на западе. По всей видимости, майя построили ее в постклассический период как своеобразную границу между владениями Коба и Чичен-Ицы. В самом Коба в наше время были обнаружены двадцать три массивных стелы, правда, все они подверглись сильной эрозии. Их формы и природа надписей сопоставимы с теми, что были найдены в Петене и южном Кампече. На самом деле, некоторые исследователи полагают, что город мог быть основан еще в начале классического периода как колония южных государств. И если это было действительно так, не только в случае с Коба, но и в отношении других городов на севере, тогда во времена упадка для жителей юга было совершенно естественным искать убежище на севере, с которым у них имелись многочисленные связи. И естественно, что в этот период численность населения городов-государств на севере резко выросла.

Ушмаль и города на плато Пуук

На западе, среди покатых холмов плато Пуук и к югу от Мерида, в IX в. достигли расцвета такие города, как Ушмаль, Кабах, Лабна и Сайиль. Именно там сохранились самые прекрасные здания из тех, что были когда-либо построены майя. В Ушмале Стетфенс и Казервуд провели больше времени, чем во всех остальных городах майя, зарисовывая планировку и убранство сооружений и дворцов, которые по мнению Стетфенса, сформировали «новый порядок» в архитектуре и равного которому невозможно сыскать во всех «основных культурах Старого Света». Эти памятники до сих пор поражают воображение всех, кто их посещает. И действительно, в 20-х гг. прошлого века, когда открытие гробницы Тутанхамона дало толчок появлению архитектурного стиля «Арт Деко», именно памятники майя, расположенные на плато Пуук, вызвали в США стремительный расцвет художественного направления, получившего название «стиль майяского возрождения». По всей видимости, стимулом к его появлению стала дружба между Пьером Лориейром, табачным магнатом и поклонником майя, который спонсировал исследования Дезире Шарне, и Фрэнком Ллойдом Райтом.

В различных местностях архитектурные традиции майя отличаются: от сурового величия сооружений Тикаля и Чичен-Ицы до мягких рафинированных строений Паленке и Копана. Но Ушмаль в этом ряду стоит особняком. Его просторные площади и четырехугольные дворы, разнообразные лестницы и аллеи, восхитительные

перспективы, поражающие своими пропорциями и гармонией между архитектурными формами и орнаментом, демонстрируют изящество эстетического вкуса, где любой сразу чувствует разум созидавшего их архитектора. Кто были эти неизвестные зодчие, сейчас абсолютно невозможно сказать. Скульпторы, живописцы и писцы во множестве присутствуют на изображениях майяской керамики. Порой о них упоминается в текстах, иногда они сами подписывали свои творения, но в целом в течение всей истории майя архитекторы и мастера-строители оставались анонимными. Во времена испанской конкисты о них также не упоминалось как об особой прослойке населения. Поэтому мы сейчас также имеем крайне слабое представление об их архитектурной деятельности. И именно поэтому недавнее открытие в Тикале каменной модели или макета будущего здания вызвало заметный интерес. В данном случае речь идет о блоке из известняка, на котором нанесены уменьшенные изображения пирамид, лестниц и площадки для игры в мяч. И хотя эта уникальная находка не имеет аналогов среди известных уже групп строений, многие сходятся на мысли о том, что это не может быть просто забавной игрушкой. Вполне вероятно, что подобные модели широко использовались во время обсуждения проектов будущего сооружения, прежде чем принимался окончательный вариант. На следующем этапе, уже непосредственно в процессе строительства, требовались чрезвычайно тщательные расчеты и планирование и очень серьезное умение руководить работниками. Следо-

вало организовать значительные группы рабочих, ведущих работы на различных этажах здания, поскольку его отдельные части возводились практически одновременно. В ходе раскопок в Тикале были обнаружены линии, проведенные на оштукатуренных полах дворца. По всей видимости, они служили разметкой для каменщиков и обозначали, куда следовало укладывать камни фундамента для стен. Нет также никаких сомнений в том, что за процессом строительства наблюдало множество надсмотрщиков, которые постоянно следили за тем, как работают различные группы строителей, и докладывали старшему архитектору. Вполне вероятно, что у того имелись планы работ и, как мы бы сейчас сказали, «спецификации», записанные на особым образом выделанной коре деревьев.

Архитектура Ушмаля и других городов в этой местности демонстрирует мастерство строителей, его высокие технические характеристики, подразумевающие наличие эффективной организации труда и «промышленные» способы строительства. Вначале готовился мощный слой бутовки, из которой сооружались стены здания, и этот слой скреплялся неким подобием бетонного раствора, изготов-

Дворец в Ушмале

ленного на основе известняка. Затем все это покрывалось бесчисленным количеством прекрасно обработанных камней, собиравшихся наподобие мозаики. Эти мозаичные элементы должны были изготавливаться в массовом масштабе «бригадами» каменотесов, бесконечно повторявших одни и те же стандартные образцы орнаментов в виде ступеней, или более известных масок бога дождя Чака, украшавших фасады и выступавших на углах зданий. Так, например, Дворец правителя в Ушмале был покрыт более чем 20000 тысячами отдельных мозаичных панелей.

В регионе Пуук южная традиция строительства высоких храмов-пирамид также сохранялась, хотя там они встречаются довольно редко. Великая Пирамида Волшебника возвышается над Ушмалем к востоку от городского центра. Она сооружалась в виде пяти отдельных ступеней. С западной стороны храма над устрашающе крутой лестницей располагается храм, а вход в него (в виде пасти чудовища) удивительным образом напоминает жутковатый вход в храм 22 в Копане. С первого взгляда, эта пирамида кажется чем-то чужеродным, однако в действительности она представляет собой очень эффективный визуальный контрапункт дворцу и площади, расположенным внизу перед нею. К западу от пирамиды расположен первый из двух наиболее известных памятников Ушмаля – Женский монастырь – комплекс из четырех прямоугольных зданий со множеством входов. Здания окружают просторный внутренний двор, а весь комплекс обязан своим названием испанцам, впервые посетившим

его. Здания сориентированы более или менее в соответствии с основными сторонами света и отражают космологическую концепцию, характерную для архитектурного стиля, принятого в южных городах. Так, северная часть комплекса расположена на более высоком уровне по отношению к остальным строениям и имеет небесное число – тринадцать – внешних входов. Изображения небесного змея опоясывают верхний фасад в промежутках между мозаичными рельефами, столь характерными для обычных майя. Взаимосвязанные сооружения на южной стороне четырехугольника имеют девять входов, соответствующих девяти уровням подземного мира. Из центральной ступенчатой арки открывается потрясающий вид на площадку для игры в мяч. Джефф Ковальски – один из главных специалистов в области городской архитектуры – утверждает, что массивная каменная колонна, изначально стоявшая в центре четырехугольника, символизирует мировое дерево, что является еще одним свидетельством космологической программы, заложенной в основу строительства комплекса Женского монастыря. Здесь же, на постаменте, располагавшемся поблизости от мирового дерева, находился трон Ягуара, на котором восседал «бог Чак», с которым ассоциировал себя правитель, приказавший соорудить весь комплекс на рубеже X в.

Именно по повелению бога Чака и для него был сооружен также величественный Дворец Правителя. Он был воздвигнут на вершине трех искусственно насыпанных платформ и сориентирован на восток таким образом, чтобы из него была видна

Женский монастырь и Дом Карлика в Ушмале

восходящая утренняя звезда – Венера. Все здание имеет почти сто метров в длину и первоначально в нем насчитывалось двадцать отдельных комнат. Большими ступенчатыми арками оно делится на три части, причем и в данном случае строители продемонстрировали удивительное чувство пропорции. Среди затейливых тонкой работы мозаичных панно, украшающих верхнюю часть фасада, во множестве встречаются фигуры сидящих людей. Наиболее впечатляющие изображения находятся над центральным входом, хотя в настоящее время у всех у них не сохранились головы. Тут можно видеть бога Чака, сидящего на троне в одеяниях из перьев. От него отходят горизонтальные изображения двухголовых змеев, которые являлись символом могущества и царской власти и были распространены в классический период. На семи из них имеются иероглифические надписи, и их расшифровка показала, что все они имеют отношение к созвездиям «майяского зодиака», видимым на небосклоне в момент восхода Венеры, на которую, собственно, и ориентирован дворец.

Новый Рим

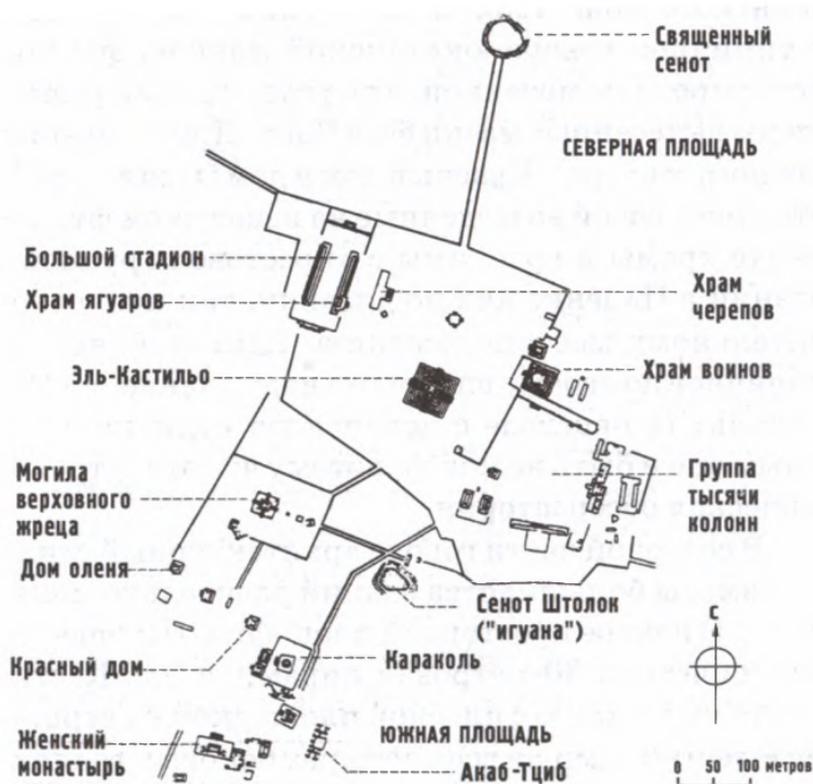
Чичен-Ица никогда не была «потерянным» городом. Когда на Юкатан прибыл Диего де Ланда, население уже покинуло город, однако паломники со всего Северного Юкатана по-прежнему приходили сюда для того, чтобы бросить в Священный Сенот какую-либо ценную вещицу.

Центр Чичен-Ицы условно можно разделить на две части, в каждой из которых главенствует особенный, неповторимый архитектурный стиль. В южной части города расположены группы зданий Женского монастыря и Акаб-Тциб, украшенных в типичной северо-юкатанской манере: фасады декорированы мозаикой, а по углам зданий размещены вытесанные маски бога Чака. Другие здания южного сектора – Красный дом и дом Оленя – представляют собой возведенные на невысоком фундаменте храмы и сравнимы с «крестовой группой» зданий в Паленке как по дизайну, так и по относительному местоположению. Единственное не типичное по своему внешнему виду здание – «Караколь» (в переводе с испанского «улитка»), но иным оно и быть не могло, потому что это астрономическая обсерватория.

В северной части города архитектурный стиль и размеры большинства зданий разительно меняются. В центре просторной площади возвышается классическая 30-метровая пирамида Эль-Кастильо (Кукулькана) с плоской площадкой на вершине и лестницами на всех четырех боковых гранях. С северной стороны вход в пирамиду охраняют две колонны в виде змей, покрытых перьями. Змеиные головы находятся на уровне пола, а хвосты

поддерживают дверную балку. В 100 метрах к востоку от Эль-Кастильо возвышается внушительный Храм воинов. С двух сторон от храма возведено множество отдельно стоящих колонн, все они украшены изображениями воинов и жрецов. Первоначально колонны поддерживали деревянную крышу, покрытую гипсовой штукатуркой. Врата Храма воинов также сторожат пернатые змеи, почти такие же, как и у входа в Эль-Кастильо.

Напротив входа в Храм воинов, на дальнем западном краю площади (там, где заходит солнце,

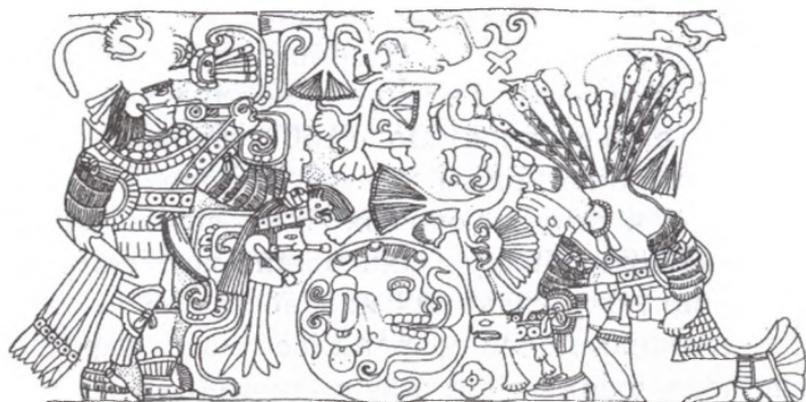

План Чичен-Ицы

спускаясь в лабиринты подземного мира), располагается жемчужина всего архитектурно-исторического комплекса – Большое поле для игры в мяч, или Большой стадион. Поле 150-метровой длины и 35-метровой ширины – самое большое в майяском мире, к тому же оно сохранилось настолько, что возобновить игру в мяч можно хоть сегодня. На стенах, окружающих игровое поле, помимо обязательных колец сохранилась масса барельефов, посвященных ритуалу принесения в жертву проигравшей команды. Капитан команды победителей сжимает в одной руке каменный нож, а в другой держит отрезанную голову капитана соперников. Целиком кровавую сцену описывать не будем, все и так видно на рисунке.

В Храме ягуаров особого внимания заслуживает грандиозная барельефная галерея с изображениями воинов. Внутри храма когда-то имелась тонкая стена с изображениями батальных сцен, посвященных великим победам народа Чичен-Ицы над внешними врагами. Стена эта, к сожалению, не сохранилась, но серию бесценных копий успела сделать английская художница и путешественница Адела Бретон в начале XX столетия. Неподдалеку от Храма ягуаров стоят каменные тумбы, украшенные леденящими кровь сюжетами. На одной тумбе изображены проткнутые кольями и сложенные в кучи человеческие черепа, на другой – барельефы ягуаров и орлов, пожирающих человеческие сердца.

Постройки в этой части города и их стилистическое оформление удивительным образом напоминают монументальные сооружения в Туле – столи-

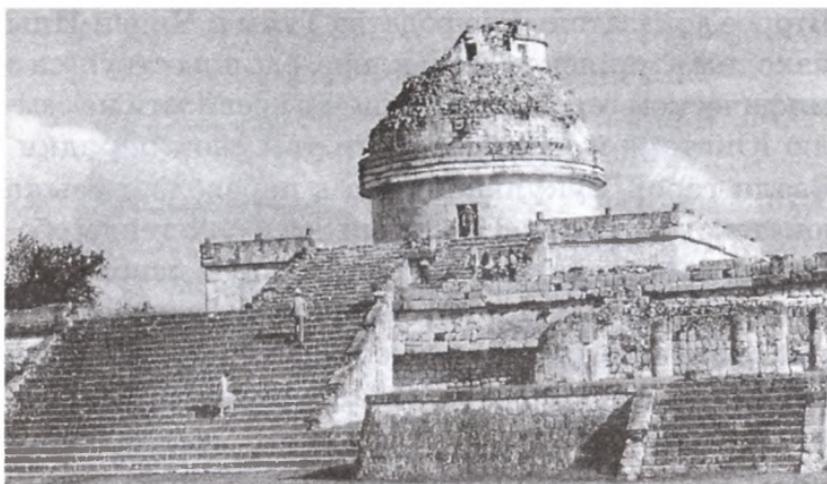
Фрагмент барельефа на стене Большого поля
для игры в мяч в Чичен-Ице

це тольтеков, создавших свою обширную империю к северу от современного Мехико в 950–1150 г. Открытые строения с колоннадами, вертикальные сооружения в виде пернатых змеев, ярко выраженный культ воинов, орлов и ягуаров – все эти особенности роднят два города, удаленных друг от друга на тысячу километров. Теперь нет сомнений, что северная, более современная часть Чичен-Ицы выстроена под влиянием вторгшихся сюда на рубеже XI в. захватчиков-тольтеков. Это подтверждается двумя интересными фактами. В эпоху испанской конкисты (о чем свидетельствуют хронисты Кортеса) среди ацтеков бытовала легенда о предводителе тольтеков Кецалькоатле, или Пернатом Змее, которого выгнали из Тулы и который вместе с помощниками в конце X в. основал новое царство на том месте, «где красная земля». Обиду тольтеков, которых когда-то выгнали из Центральной Мексики, Кортес еще обратит в свою пользу – они будут его верными союзниками в войне с Теночтитланом.

Второе доказательство родства Тулы и Чичен-Ицы находим в майяском фольклоре, где повествуется о мифическом герое, прибывшем в древности на землю Юкатана и установившем там свои порядки. Звали героя Кукулькан, что в переводе с языка юкатеков означает «Пернатый Змей». Легенды обоих народов имеют под собой реальную основу, однако в историческом плане не совсем верны. Первые сомнения появились после прочтения надписей на неприметном камне, стоящем рядом с Большим стадионом (полем для игры в мяч). Тематические рисунки на камне полностью соответствуют рисункам, высеченным на стенах игрового поля, а дата – 864-й год – по мнению ученых, это год окончания строительства стадиона. Радиоуглеродный анализ и другие археологические методы показывают, что здания северной части города построены в период с

Храм ягуаров в Чичен-Ице

Здание Караколь (по-испански «улитка») в Чичен-Ице интересно своей продуманной асимметрией, получило название благодаря имеющейся внутри него спиральной лестнице. Отсюда майяские астрономы вели наблюдения за Венерой и другими планетами

800-го по 950-й год. В Туле же к середине X в. не было завершено ни одно из крупных архитектурных сооружений. Таким образом, тот факт, что Чичен-Ицу выстроили раньше Тулы (южная часть города и вовсе датируется 832–881 годами), наводит на мысль, что именно тольтеки подхватили художественный стиль майя, сделавшись своеобразной художественно-архитектурной колонией. Внесли свою лепту и антропологи: выяснилось, что среди останков, раскопанных в Чичен-Ице, не обнаружено таких, которые принадлежали бы пришлым народам. В связи с этим не совсем понятно, откуда же все-таки взялось влияние тольтекской архитектуры.

Первые поселения на месте Чичен-Ицы появились довольно поздно – около 650–700 гг. н. э. При-

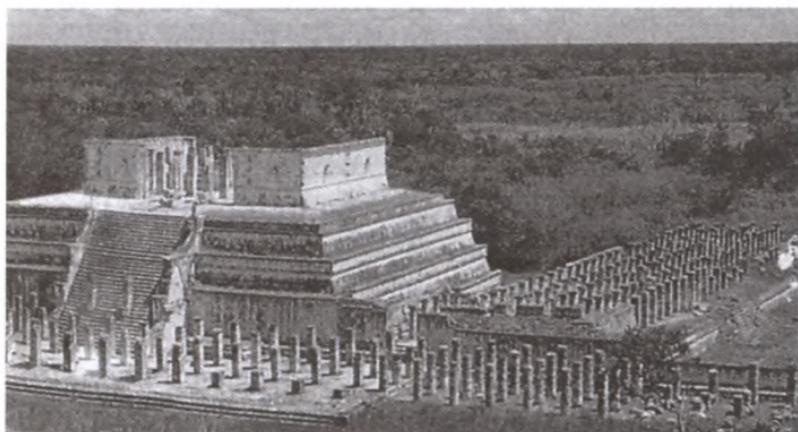
мерно через столетие начался значительный рост населения, связанный с развитием гончарного ремесла. Известно, что в Чичен-Ицу проник гончарный стиль «сотута» – вероятно, здесь не обошлось без прибытия в город мастеров-иммигрантов. В течение двух последующих столетий город дорос до мегаполиса, занимавшего площадь не менее 30 квадратных километров. Населяли Чичен-Ицу десятки тысяч человек.

Письмена, прочитанные учеными, рассказывают о довольно необычной системе управления этим городом-государством. Нет упоминаний ни о правителях, ни о династиях, ничего не говорится о великих делах или знаковых событиях. Нет даже стел, увековечивающих какого-либо царя; зато присутствуют имена людей, отвечающих за какую-либо церемонию или ее часть, например, – за разжигание священного огня. Иероглиф, характеризующий отношения между этими людьми, читается «й-итах» и означает «братья». Кстати, Диего де Ланда также отмечал, что государством Чичен-Ица по традиции руководят братья. Вероятнее всего, речь идет о соправителях, хотя не исключено, что во главе Чичен-Ицы стояли единокровные братья. Они позиционировали себя как «ахау» (повелители), но никогда не присваивали себе титул «к'уль ахау», то есть священных владык.

Во времена испанской конкисты в небольших майяских городах и селениях также существовало коллективное руководство. Доказательством совместного управления в Чичен-Ице может также служить и то, что ни одно здание в городе не походит на «царские палаты» – роскошное про-

сторное жилище, где могли бы размеситься члены правящей фамилии.

А откуда, собственно, взялись майя в этих краях? Множество источников, от «Сообщения о делах в Юкатане» Диего де Ланда и книг «Чилам Балам» до находок современных археологов, считают жителей Чичен-Ицы выходцами с тихоокеанского побережья, перебравшимися на побережье Юкатана. По общепринятой версии, выходцы с юга, занимавшиеся преимущественно ловлей рыбы, несколькими волнами откатились вглубь полуострова, где основали несколько поселений, в том числе Чичен-Ицу. Ранее, однако, ученые придерживались другой гипотезы – о том, что город основали выходцы из Петена, причем те, кто подвергся влиянию Теотиуакана; поэтому Чичен-Ицу можно рассматривать как уникальный синтез майяского и теотиуаканского культурного

Храм воинов в Чичен-Ице.

Ряды колонн с южной и западной сторон храма – все, что осталось от некогда роскошных зданий с колоннадами и просторными залами

влияния. Как бы там ни было, но в X в. Чичен-Ица превратилась в самый большой и могущественный город в империи майя и во всей Месоамерике. Долгое время город поддерживали верные союзники в лице крупных городов-государств Цибильчальтуна и Исамала. Со временем этот альянс усилился, и под его влиянием оказался весь север Юкатана. Единственным противником Чичен-Ицы можно считать группу городов во главе с городом Куба.

Разнообразие составлявших конфедерацию народов, как пришлых, так и местных, оставило свой отпечаток на архитектурном облике города. Преобладание военной тематики в северной части Чичен-Ицы объясняется корпоративно-милитаристским уклоном всей конфедерации в целом. Так, Храм воинов символизирует милитаристское устройство города-государства, а многочисленные колонны с изображениями батальных сцен и воинов – столбы, на которых держится конфедерация. Здесь проходили ритуальные военные шествия, сродни современным парадам. Храм воинов и площадь в особые праздничные дни заполняли толпы воинов, празднующих очередную победу над врагом.

В попытках объяснить иноземное влияние на архитектуру и художественный стиль Чичен-Ицы мы должны понять, что происходило по всей Месоамерике между 700-м и 1000-м годами, – в период, последовавший после падения Теотиуакана и коллапса майяских городов на юге Юкатана. Теотиуакан, как мы выяснили, был не только первой империей Месоамерики, но и колыбелью культуры. Верховную власть этой империи признала

над собой не только Центральная Мексика, но и некоторые города майя.

В VIII–X вв. империя майя пережила эпоху падения всех религиозных и политических систем, а традиционные границы уже перестали что-либо значить. В этих обстоятельствах, насколько это видно из художественно-архитектурных особенностей, выжили только те города, которые смогли воспользоваться наследием Теотиуакана, – Какаштла, Шочикалько, Чолула и Тула в мексиканском высокогорье и Чичен-Ица на Юкатане.

Севернее Чичен-Ицы в море неподалеку от побережья расположен остров Серритос. На этом маленьком островке сохранились следы древнего порта, а точнее – остатки каменных пирсов, к которым когда-то причаливали каноэ с грузом. Здесь обнаружены керамика с побережья залива в стиле «тонкий оранж» и гончарные изделия в стиле «сотута» из самой Чичен-Ицы, для которой остров Серритос служил морским портом и основными воротами во внешний мир. Торговые связи город поддерживал со всей Месоамерикой, среди прочих товаров он получал зеленый обсидиан из Центральной Мексики, нефрит с майяского высокогорья и бирюзу из тех мест, где сейчас юг США. Медь и золото, самородки которых найдены на дне Священного Сенота, присылались сюда из Панамы, Коста-Рики и даже Колумбии, начиная с IX в. Очень тесные торговые отношения Чичен-Ица поддерживала с Тулой. Более половины обсидиана, найденного в городе, привезено с каменоломен, которые контролировали тольтеки.

По мнению ученых предыдущих поколений,

таких как Сильванус Морли, миролюбивые майя, бежавшие на север во время коллапса, попали в лапы кровожадных тольтеков. Однако сегодня нам известно, что войны и жертвоприношения являлись неотъемлемой частью жизни майяского общества, более присущие этому народу, чем остальному населению Месоамерики. Таким образом, получив свежую кровь «чужаков», Чичен-Ица стала сильнейшим военно-политическим центром постклассического периода и центром притяжения паломников. Главное здание города, пирамида Эль-Кастильо, могла похвастаться девятью своими этажами-террасами и даже солнечной обсерваторией на крыше, что делало ее похожей на своих гораздо более старших сестер в Тикале и Вшактуне. По центру каждой грани наверх вела лестница из 91 ступени (на северной грани – 92 ступени), общее число которых символизировало 365-дневный солнечный год. Обращенная главным фасадом на север пирамида расположена неподалеку от главной святыни всех пилигримов – Священного Сенота, или Колодца Жертв. Утверждение де Ланда о том, что туда сбрасывались человеческие жертвы и драгоценности, подвигло американского археолога-самоучку Эдварда Томпсона приступить к обследованию дна сенота.

Томпсон установил на краю колодца ворот с землечерпалкой и стал учиться нырять. Кстати, его колодезные приспособления и сегодня демонстрируют туристам со всего мира. Желая ускорить процесс, археолог нанял на Багамах профессионального греческого ныряльщика, и с 1904-го по 1908-й год они подняли со дна несколько тонн ила

вместе с каучуковыми мячами, деревянными идолами, останками пятидесяти человеческих скелетов, а также большим количеством изделий из нефрита (маски, статуэтки) и золота (пластинки, кольца, диски). Нередко попадались медные и золотые колокольчики, а на одном из дисков был изображен ритуал вырывания сердца. Легенда о том, что в колодец сбрасывали исключительно девственниц, не подтвердилась. Анализ обнаруженных в иле костей показал, что останки принадлежали жертвам всех возрастов и обоих полов, хотя большинство из них принадлежали молодежи. Согласно преданиям, сброшенные в сенот люди получали возможность связаться с подземным царством. Жертву, выжившую к полудню, вытаскивали из колодца и с благоговением расспрашивали о пережитом. Интерпретаторы подавали рассказы несчастных как откровения и предсказания.

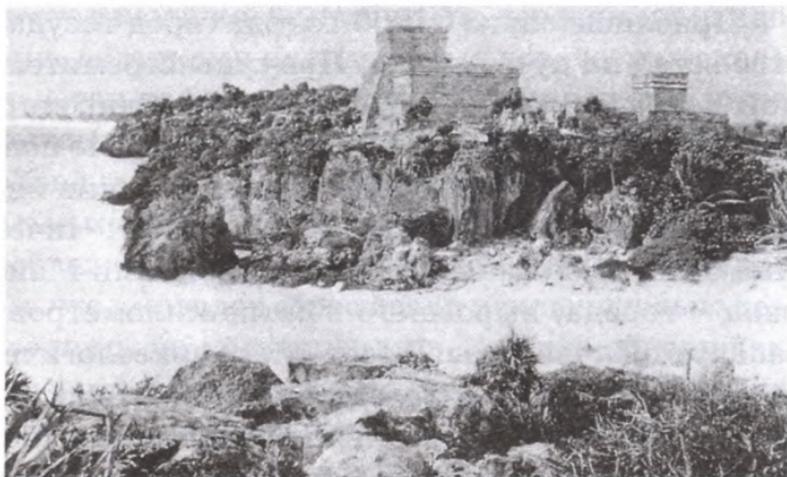

Чичен-Ица.

Вид пирамиды Эль-Кастильо и Храма воинов.
На переднем плане – фигура бога дождя

Приблизительно с 1000-го года город-государство встал на путь упадка. Причины стремительной деградации отчасти известны благодаря книгам «Чилам Балам». Например, тексты повествуют о политических и междинастических интригах среди городской знати. А в 1220 г. Чичен-Ица была атакована и захвачена воинами Майяпана – города, выросшего в сотне километров к западу от Чичен-Ицы. В результате археологических раскопок найдены следы одномоментных разрушений зданий; также ученые обнаружили керамику, характерную именно для Майяпана. Скорее всего, в данном случае произошел так называемый «переход власти» – то есть лидерство в конфедерации перешло от Чичен-Ицы к Майяпану. Последний отличался куда меньшими размерами и впечатляющей оборонительной стеной, в пределах которой проживало около 15 тысяч человек. Архитектура городка во многом повторяла архитектуру великого соседа: имелись и колоннады и даже своя пирамида «мини-Кастильо»; некоторые скульптуры были попросту украдены. Майяпан главенствовал в западной части Северного Юкатана в течение двух столетий. Какие-то интриги и вражда привели к восстанию, которое не только взорвало конфедерацию изнутри, но и заставило множество людей бежать туда, откуда они когда-то, вероятно, пришли – в Петен.

Незадолго до испанского завоевания вражда и упадок на западе полуострова все еще продолжались, а восток Юкатана, между тем, претерпевал эпоху расцвета. На северо-востоке и далее на юг, вдоль острова Косумель, выросло множество город-

Укрепленный город Тулум на Карибском побережье – возможно, первое поселение майя, увиденное испанскими конкистадорами. На переднем плане – пляж; здесь майяские торговцы сгружали товар со своих каноэ

ков и рыбачьих поселений. Тысячи каноэ со всего Карибского бассейна устремились со своими грузами в Тулум. Особенно ценной и важной представлялась торговля с ацтекским миром. Здешние майя, казалось, переживали свой Ренессанс. Казалось, что благоденствие на эту землю пришло не случайно: здесь появились города, вобравшие в себя самое лучшее, что было в архитектуре и искусстве майя; здесь люди наконец поняли, что лучше торговать, чем воевать... Но это только казалось... До испанского вторжения оставалось совсем немного.

Глава 8

ЗАВОЕВАННЫЕ, НО ОСТАВШИЕСЯ В ЖИВЫХ

А потом, вместе с истинным богом к нам пришли запустение и нищета. Пришли продуктовые и церковные повинности, драки и воровство, поножовщина и убийства из ружей, изрыгающих огонь. Пришли грабежи и насилие, несправедливые приговоры и ложные доносы, раздоры и склоки между самими угнетенными.

Началось прислуживание испанцам и их жрецам, прислуживание их наместникам, учителям, судьям и прокурорам. А бедный народ был раздавлен.

Так рассказывает книга «Чумайель» о бедах, обрушившихся на майя в катун 11 Ахау, то есть в период между 1539-м и 1559-м годами по Григорианскому календарю. Это были годы окончательного завоевания Северного Юкатана и установления в регионе нового режима – власти конкистадоров.

Беды и несчастья в жизни майя случались и до прихода испанцев: это и кровавые войны, и природные катаклизмы, и массовые исходы с освоенных земель. Но как герои-близнецы всегда ускользали из лап бога смерти, так и майя собирались с силами и преодолевали все невзгоды. И в конце доклассического периода, и в IX в., во время коллапса, цивилизация майя поднималась после очередного циклического падения. Однако в XVI в. в судьбе древнего народа Месоамерики случилась катастрофа, приведшая к необратимым последствиям. Такие болезни, как оспа, корь и тиф, выкашивали целые селения. На Северном Юкатане с 1520 по 1547 год умерло по крайней мере полмиллиона человек. А соотнося эти данные с остальной частью полуострова, можно с большой долей уверенности сказать, что к началу XVII в. майяского населения стало меньше на 80 % (!). Как это часто случалось в Америке, эпидемии шли впереди самих завоевателей. Выжившие в этой катастрофе местные жители были деморализованы и подавлены. Смертоносное действие вирусов и бактерий усугублялось появлением невиданных, пугающих животных – лошадей, а главное – дружными залпами испанского огнестрельного оружия. Если раньше захватчики довольствовались пленниками и данью, то пришедшие на американскую землю европейцы решили уничтожить сам фундамент, на котором зиждилось майяское общество, то есть религию и сакральные знания, которые накапливались веками.

И все-таки майя сохранились как народ, показав за последние пять столетий удивительную

способность к нравственному и физическому выживанию. Да, они покинули свои древние города, но остались жить на земле предков. Число людей, говорящих на различных языках майя, достигает 7–8 миллионов человек, сосредоточенных на севере Юкатана, в высокогорье мексиканского Чьяпаса и более всего – в Гватемале, где майя составляют добрую половину населения страны. Они выдержали кровавые преследования, нападки на свою культуру и маргинализацию; этот древний народ сумел не раствориться, не пропасть в современном глобализованном мире.

Первые годы конкисты

На майяском высокогорье организованная оппозиция была подавлена быстро, жестоко и решительно человеком по имени Педро де Альварадо. Его репутацию самого безжалостного и кровожадного конкистадора признавали даже соотечественники. В 1523 году посланный Кортесом на завоевание региона де Альварадо вместе со своими мексиканскими союзниками вторгся в самое сердце гватемальского нагорья. Самым могущественным горным государством той поры было Киче со столицей Утатлан. Государство Киче находилось во враждебных отношениях с конкурентом – городом-государством Какчикель, который, в свою очередь, дружил с ацтеками и был благодаря им предупрежден о приходе испанцев. Какчикель, видимо, уверовал в то, что, наладив отношения с пришельцами, сохранит свою

мощь и даже станет доминировать над заклятым врагом Киче, поэтому навстречу отряду Кортеса отправилась делегация с дарами.

Междоусобица между Киче и Какчикелем была только на руку испанцам. В начале 1524 г. отряд де Альварадо встретился с воинами Киче на ровном как стол плато возле современного Кетцальтенанго. Поле для битвы было ровным и просторным, что давало коннице де Альварадо значительное преимущество над врагом. По майяской традиции в начале любого сражения сходились воины – по одному с каждой стороны. От испанцев выступил сам де Альварадо, а из рядов майя на поединок вышел вождь по имени Текун Уман. И хотя майяскому герою, наряженному в костюм орла и кетцаля, удалось стащить испанца с коня, де Альварадо проткнул противника копьем. На этом, собственно, и завершились как битва, так и завоевание почти всего высокогорья. Говорят, картина «Танец конкисты», изображающая драматический бой де Альварадо с туземцем, висит во многих кабинетах чиновников в гватемальском высокогорье. Впрочем, испанские хроники ничего не говорят об этом столкновении, а лишь сухо упоминают о фактах убийств, совершенных конкистадорами, и подтверждают полное подчинение этого региона испанской короне. После битвы де Альварадо осадил столицу Киче, для устрашения осажденных заживо сжег двух пленников, а затем ворвался в Утатлан и учинил страшную резню. Дольше всех сопротивлялся Цутухиль, раскинувшийся вокруг озера Атитлан, но и этот город-государство был раз-

громлен с помощью союзных войск Какчикеля. К июлю 1524 года де Альварадо основал первую испанскую столицу в регионе, оккупировав и переименовав какчикельский город Ишимче в Сантьяго-де-Кабальерос-де-Гуатемала.

На Северном Юкатане волны эпидемий прокатились сразу же после того, как нога первого испанца ступила на эту землю. В 40-х годах XVI в. Монтехо предпринял попытку систематической колонизации, однако довольно долгое время под властью короны находилась только треть полуострова – север и часть побережья. Кроме Мерида, уже существовавшей колониальной испанской столицы, пришельцы построили еще три своих города. В них очень скоро появились церкви, резиденции алькальдов и обязательная площадь перед ними. Эти города стали административными центрами завоеванных территорий. Кампече находился на берегу Мексиканского залива, Вальядолид – к востоку от Чичен-Ицы, и Саламанка-де-Бакалар – на юге Кинтана-Роо. Число европейцев, переселившихся к тому времени на Юкатан, составляло чуть более полутора тысяч человек.

Система хозяйствования, установленная завоевателями, практически не отличалась от существовавшей на этих землях задолго до их появления. Прежде сельское население платило дань продуктами местной майяской знати, а теперь ее стали собирать испанцы. Эта дань называлась «энкомьенда». Таким образом, испанцы-энкомьендерос, т.е. те, кто собирал дань, получали доход не от владения землей, а от труда подвластных им туземцев, обязанных в определенное

время приносить новым господам такие товары, как хлопок, маис, мед, соль, индюшатины, а позже, после того как их начали разводить в Америке, и традиционные европейские культуры. Другим видом эксплуатации стал так называемый «репартименто» – обязательное участие коренных жителей в строительстве дорог, церквей и домов.

Как и при любой форме оккупации, отношения между испанцами и майя складывались очень не просто. Майяским вождям северо-западной части Юкатана не оставалось иного выбора кроме сотрудничества с новым режимом. В других же частях империи майя, особенно за горной грядой Пуук, там, где простираются бескрайние непроходимые джунгли, прятались беглецы от энкомьенды и репартименто. Здесь они спланивались вокруг харизматичных шаманов, молились своим языческим богам и мечтали о восстаниях, которые иногда случались. Самое последнее восстание на Северном Юкатане произошло в 1546 году в окрестностях Саламанки-де-Бакалар. Многие энкомьендерос погибли тогда от рук тех, кого угнетали и грабили. Мятеж, как водится, подавили со всей беспримерной жестокостью.

Если говорить о последнем оплоте независимости майя, то им стал городок Тайясаль, расположенный на острове посреди затерянного в отдаленных джунглях озера Петен-Ица. Городок, главенствовавший до прихода завоевателей в небольшой конфедерации и занимавший прибрежный участок размером 40x20 километров, перешел под управление испанской администрации

лишь в 1696 году, буквально за несколько десятилетий до прибытия в Паленке первых археологов.

Календари майя

Прежде чем проникнуть в тайны календарей майя, обратимся к основам их математического исчисления. Для написания чисел майя использовали всего три знака: точку для обозначения единицы, черту для обозначения пяти и стилистическое изображение раковины для нуля. Заметим, что именно этот месоамериканский народ впервые в мире разработал концепцию числовой пустоты, а попросту изобрел ноль. Древние майяские математики были знакомы и с понятием разрядности. К примеру, в числе 654 «четверка» находится в разряде единиц, «пятерка» – в разряде десятков, а «шестерка» – в разряде сотен.

У нас за основу принята десятичная система исчисления, а «стоимость» разрядности увеличи-

8000s		—
400s	•	•••
20s	—••	—• —• —•
1s	🐚	—••
<hr/>		
	560	41 527

Два типа написания
майяских числительных

 = 0	 = 12	 = 11	 = 0
 = 1	 = 13	 = 12	 = 1
 = 2	 = 14	 = 13	 = 2
 = 3	 = 15	 = 3 + 10 =	 = 4
 = 4	 = 16	 = 4 + 10 =	 = 5
 = 5	 = 17	 = 5 + 10 =	 = 6
 = 6	 = 18	 = 6 + 10 =	 = 7
 = 7	 = 19	 = 7 + 10 =	 = 8
 = 8	 = 20	 = 8 + 10 =	 = 9
 = 9	 = 21	 = 9 + 10 =	 = 10
 = 10			
 = 11			

вается справа налево. Майя использовали двадцатиричную систему, причем разрядность увеличивалась снизу вверх. На показанном примере «раковина» занимает самую нижнюю позицию – то есть ноль находится в разряде единиц. Над нулем – черта и три точки, обозначающие восемь

двадцаток. Следующий разряд представлен одной точкой, значит, перед нами одна четырехсотка. В итоге получаем число $8 \times 20 + 400 = 560$. В другом примере мы видим семь единиц, шестнадцать двадцаток, три четырехсотки и пять восьмитысячников – именно так майя выражали число 41527.

Диего де Ланда был свидетелем использования майяскими купцами двадцатиричной системы исчисления. Иногда для наглядности они раскладывали на земле или другой ровной поверхности палочки, раковины, зерна маиса или какао-бобы. Этими подручными материалами купцы обозначали числа. Тем не менее нет никаких доказательств, что этот счет широко использовался в повседневной жизни. Зато в письменах и надписях такая система встречается довольно часто, например, в именных иероглифах, как в имени правителя Копана 18-Кролика.

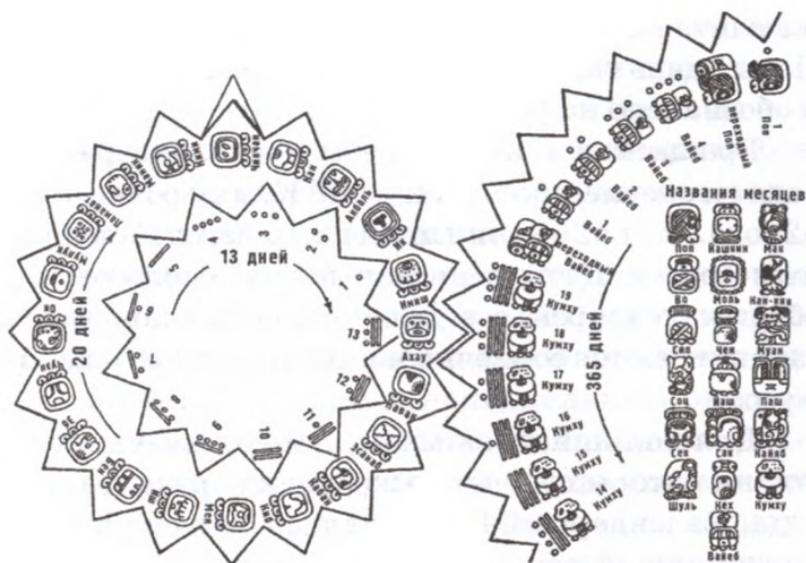
Священный Альманах и солнечный год

260-дневный цикл – Священный Альманах, или Священный Круг, называемый также цолькин, – использовался в древности по всей Мesoамерике. На этом основном ритуальном календаре базировались различные прогнозы и предсказания. Кстати, до сих пор к Священному Кругу обращаются шаманы гватемальского высокогорья во время спиритических сеансов. Сам по себе цолькин не связан ни с одним из известных нам косми-

ческих циклов – в его основу положена длительность беременности женщины. Ученые считают, что эта календарная система перешла к майя от сапотеков в VI в. до н. э. До сих пор во многих горных коммунах люди выбирают имя ребенку, основываясь на «подсказках» Священного Альманаха.

Цолькин представляет собой комбинацию периодов по 20 и 13 дней. Каждый день имеет номер от 1 до 13 и определенное название, повторяющееся с периодом 20. Каждому названию дня соответствует свой символ и покровительствует свое божество. Начинается календарный цикл со дня 1 Имиш, затем следуют 2 Ик, 3 Акбаль, 4 Кан, 5 Чик-Чан, 6 Кими, 7 Маник, 8 Ламат, 9 Мулук, 10 Ок, 11 Чуэн, 12 Эб, 13 Бен. Когда мы доходим до тринадцати, отсчет номеров дней начинается заново, но продолжается 20-дневный цикл: 1 Иш (четырнадцатый день), 2 Мен, 3 Киб, 4 Кабан, 5 Эсанаб, 6 Кавак, 7 Ахау (двадцатый день). По окончании 20-дневного цикла счет номеров дней продолжается, пока не достигнет числа 13, а 20-дневный цикл начинается заново: 8 Имиш, 9 Ик, 10 Акбаль, и так далее. Комбинации номеров и названий дней повторяются с периодом 260 дней.

260-дневный календарь зачастую сочетался с 365-дневным солнечным календарем, который делился на 18 месяцев по 20 дней плюс 5 дополнительных дней – вайеб, не связанных ни с одним из месяцев. Майяские астрономы не догадывались о существовании високосных годов с дополнительным днем, поэтому их год «гулял» по различным климатическим сезонам, впрочем, не вызывая никаких особенных неудобств. Майяский Новый

год начинался со дня 1 Поп (Поп – название первого месяца солнечного календаря), затем следовали 2-Поп, 3-Поп и так далее.

Оба календаря – 260-дневный цолькин и солнечный хааб – отсчитывали время параллельно, и один и тот же день можно было обозначить в обоих календарях. На рисунке мы видим оба календаря в форме сцепленных колес – такое их сопоставление впервые применил Эрик Томпсон. Слева показана визуализация 260-дневного календаря: 20 дней, сопровождаемых иероглифами, – на внешнем колесе, и 13 чисел, выраженных в майяской двадцатиричной системе, – на внутреннем. На рисунке мы видим, как день 13 Ахау левого колеса сцепляется с днем 18 Кумху правого, «солнечного», колеса. Солнечный год близится к завершению: затем последует 19 Кумху, а за ним (внимание!) не 20 Кумху, а переходный день вайеб. Последний, двадцатый день каждого месяца так-

же считается переходным к следующему месяцу. Пятый день вайеб – переходный к месяцу Поп, как и обозначено на рисунке.

Вращаемые таким образом два календаря приводят к сцеплению 13 Ахау с 18 Кумху ровно через 52 года. Этот 52-летний цикл называется Календарным Кругом. Даты, записанные при использовании обоих календарей, всегда начинаются с цолькин, а заканчиваются солнечным календарем: 13 Ахау 18 Кумху.

Для большинства майя, продолжительность жизни которых, конечно же, редко превышала 52 года, Календарный Круг являлся системой, удовлетворявшей все запросы обычного человека в обычной жизни. Правителям же, любившим записывать историю своих династических родов, в рамках Календарного Круга было тесновато.

Долгий счет

Истоки появления этой системы ученым не ясны. Самая ранняя дата, опирающаяся на систему долгого счета, соответствует 36 г. до н. э. Она была высечена на стеле, найденной у подножия одного из холмов в Чьяпасе. Хотя система долгого счета явно не относилась к майяским изобретениям, правители классического периода с большим удовольствием сделали ее «своей». Ключевой особенностью долгого счета является то, что его начало восходит к определенной фиксированной дате – это напоминает наш календарь, в котором в качестве точки отсчета выступает дата Рождества

Христова. Однако, в отличие от нас, майя не делили долгий счет на месяцы и годы, а попросту считали дни, прошедшие с 13 августа 3188 г. до н. э. Почему начальной точкой отсчета времени выбрана именно эта дата? Вероятно, это день сотворения мира по воззрениям древних майя.

Записанные в системе долгого счета даты чрезвычайно легко считываются, поэтому обнаружение соответствующих иероглифов облегчает ученым жизнь и приносит неподдельную радость. Число дней, прошедших с начальной точки, записывалось в разрядной системе. Существовали следующие разряды: бактуны (охватывали период в 400 лет), катуны (20 лет), туны (1 год), уинали (20 дней) и кины (1 день). Следует заметить, что на письме уинали часто умножались не на 20, как было бы логично при двадцатиричной системе, а на 18, что дает результат, близкий к продолжительности солнечного года, – 360 дней. Таким образом, 20 кино в дают один уиналь; 18 уиналей – 1 тун; 20 тунов – 1 катун (20 лет) и 20 катунов – 1 бактун.

Ниже приведен абстрактный пример обозначения времени в системе долгого счета. На самом верху расположен так называемый Начальный серийный вводный иероглиф, который всегда стоит в начале любой даты долгого счета. На данном примере этот иероглиф занимает место сразу двух блоков; чаще всего он скромнее – величиной с обычный иероглифический блок. Считывание даты происходит в обычной майяской традиции – сверху вниз по два блока. Таким образом, мы начинаем с верхнего левого блока, обозначающего 13

бактунов. На блоке видны две черты и три точки (число 13) и характерная голова – иероглиф разряда бактунов. Мы и дальше увидим головы, но немного другие; они служат для обозначения других разрядов долгого счета. Здесь мы видим «вариант с головами», но зачастую для обозначения разрядов использовались и другие, совершенно абстрактные изображения. После прочтения тринадцати бактунов переходим к правому блоку, а затем скользим вниз, считывая блоки парами. В нашем случае обозначены все возможные разряды: бактуны, катунуны, туны, унанали и кины. Ко всему прочему, приведенная дата долгого счета подкреплена еще и датой календарного круга – 4 Ахау 8 Кумху. Таким образом, майя могли выразить определенную дату с помощью одного из трех календарей – 260-дневного Священного Альманаха, солнечного календаря и системой долгого счета. Этот конкретный пример взят со стелы

«С» в Киригуа и говорит нам о единственном цикле в долгом счете – цикле тринадцати бактунов. Дата же с Календарного Круга – дата установки самой стелы.

Система долгого счета задает линейный отсчет времени без каких-либо круговых циклов, наподобие недели, месяца, года или века от отправной точки в 3188 году до н. э. Тем не менее об одном цикле все-таки упоминается: речь идет о периоде в 13 бактунов. Причем, стоит добавить, что нигде не найдено упоминаний о 14-м, 15-м и дальнейших бактунах. 13-й бактун и вместе с ним майяский календарь долгого счета заканчиваются в понедельник 13 августа 2012 года. А что же потом?

ПРАВИТЕЛИ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

ТИКАЛЬ

- 1 **Йаш-Эб-Шок (Зеленая Акула)** – основатель династии. Предположительно правил в I в. н.э.
- 2–13 **Неизвестные правители.** Стела 29, датированная 292 г. н.э., упоминает правителя по имени Великая Облачная Лапа.
- 14 **Большая Лапа Ягуара** – правил в 317–378 гг. Умер во время нападения Теотиуакана.
- 15 **Нун-Йаш-Айин I (Зеленый Крокодил)** – правил в 378–?
- 16 **Сийях-Чан-К’авиль (Грозное Небо)** – правил в 411–456 гг.
- 17 **Кан-Читам** – правил ок. 475 г.
- 18 **Чак-Ток-Ич’ак** – правил ок. 488 г. «Леди из Тикаля», возможно, правила в это же время.
- 19 **Каломте-Балам (Воитель-Ягуар)** – правил ок. 527 г.
- 20 **Неизвестный правитель**
- 21 **Птичий Коготь** – правил после 527 г.
- 22 **Звериный Череп** – правил ок. 590 г.
- 23–24 **Неизвестные правители.**
- 25 **Нун-Ухоль-Чак (Щит-Череп)** – правил в 657–679 гг.
- 26 **Хасав-Чан-К’авиль I** – правил в 682–734 (?). Победил Лапу Ягуара из Калакмуля и восстановил власть тикальской династии.
- 27 **Йик’ин-Чан-К’авиль.**

- 28 **Неизвестный правитель.**
 29 **Нун-Йаш-Айин II – 768–?**
 ? **Нуно’м-Чен** – упоминается в 810 г.
 ? **Хасав-Чан-К’авиль II** – упоминается в 869 г. Последний известный правитель Тикаля. Идентифицирован на Стеле 11.

ВАШАКТУН

Сийах-Чан-Ак (Курящая Лягушка) – главная фигура во время захвата Тикаля в 378 г. Почти наверняка происходил из Теотиуакана. Правил в Вашактуне примерно с 396 г.

КОПАН

- 1 **К’инич-Йаш-К’ук-Мо** – правил в 426 – 437 гг. Основатель династии в Копане
 2 **Пополь К’инич** – правил ок. 436 г. – ?
 3 **Неизвестный правитель** – правил ? – 485г.
 4 **Ку-Иш** – правил 485 – ок. 495 г.
 5–6 **Неизвестные правители**
 7 **Ягуар Водяная Лилия** – правил в нач. VI в. (возможно)
 8–9 **Неизвестные правители**
 10 **Лунный Ягуар** – правил 553 – 578 гг.
 11 **Бутц-Чан (Дым-Змея)** – правил 578 – 628 гг.
 12 **К’ак-Наб-К’авиль (Дым-Ягуар)** – правил 628 – 695 гг.
 13 **Вашаклахун-Убах (18-Кролик)** – правил 695 – 738 гг. Пленен и принесен в жертву царем Нетто-Качак из Киригуа
 14 **Небо-Обезьяна** – правил 738 – 749 гг.
 15 **Небо-Раковина** – правил 749 – 763 гг.
 16 **Йаш-Пак** – правил 763 – 820 гг. Последний представитель династии
 17 **У-Сит-Ток** – безуспешно пытался основать новую династию в 822 году

КИРИГУА

Кауак-Небо – правил 724 – 785 гг.

ЙАШЧИЛАН

Прародитель Ягуар – основатель династии. Начало правления 320 г.

Луна-Череп – Вероятно, седьмой правитель. Правил 454 – ? гг.

Итцам-Балан (Шит-Ягуар) – правил 681 – 742 гг.

Йашун-Балам (Птица-Ягуар) – правил 752 – 768 гг.

КАРАКОЛЬ

Повелитель Воды (Яхав-Тэ) правил 553 – 599 гг. Возглавлял нападение на Тикаль в 562 г.

ДОС-ПИЛАС

Быстрое Небо (Балах-Кан-К’авиль) – правил 645–698 гг. Родом из Тикаля. После неудачного мятежа покинул родной город и основал Дос-Пилас. Союзник правителя Калакмуля в борьбе против Тикаля.

КАЛАКМУЛЬ

Йич’ак-К’ак (Лапа Ягуара) – правил 685 – 695 гг. Был разгромлен войском Тикаля и принесен в жертву богам.

БОНАМПАК

Чан-Му-Ван – правил 776 – ок. 795 г. Главный персонаж на знаменитых стенах и, возможно, последний правитель Бонампака.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Открытие майя	35
2. Истоки цивилизации майя	189
3. Взламывая коды	226
4. Раннеклассический период	256
5. Позднеклассический период	278
6. Люди и боги	314
7. Смерть и возрождение цивилизации майя	344
8. Завоеванные, но оставшиеся в живых.....	397
Правители классического периода	412

Научно-популярное издание
Серия «Историческая библиотека»

Дэвид Дрю

МАЙЯ. ЗАГАДКИ ВЕЛИКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

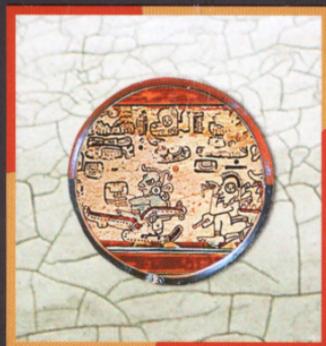
Редактор *А. А. Жеребилов*
Ответственный редактор *Е. Н. Агинская*
Дизайнер обложки *Е. В. Михалкина*
Технический редактор *С. В. Лишанков*
Корректор *Е. Н. Жеребилова*

Подписано в печать 13.03.2012.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная.
Гарнитура «SchoolBookС».
Печать офсетная. Объем 13 печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ 726.

«РУСИЧ». Лицензия ИД № 04277 от 15.03.2001.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.
E-mail: salerus-smol@rambler.ru (отдел реализации).
Тел.: (4812) 68-36-87, 68-36-86, 21-41-00.
www.russitch.ru

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, Минск, Республика Беларусь.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск, Республика Беларусь.

МАЙЯ

Загадки великой цивилизации

Прежнее представление о тихом, спокойном обществе сменилось совершенно иной картиной. Оказалось, что города-государства враждовали и воевали друг с другом, а сами правители и жрецы являлись приверженцами религии, основанной на массовом кровопускании и жертвоприношении людей.

Дэвид Дрю

ISBN 978-5-8138-1031-2

9 785813 810312